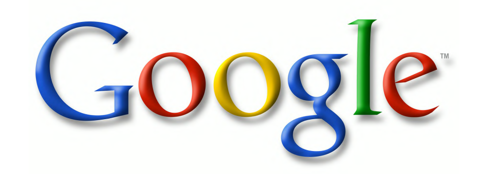

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

В. А. СОЛЛОГУБА.

ТОМЪ IV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ПРИДВОРНАГО КНИГОПРОДАВЦА
А. СМИРДИНА (сына).
1856.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 20 Сентября 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Въ Морской Типографіи.

МОДНЫЯ,

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЛЕЧЕНІЯ.

Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СЕМЕНЪ СЕМЕНОВИЧЪ БОЧКОВЪ, пріѣзжій помѣщикъ.
МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, его дочь.
ХРИСАНФЪ КАРПОВИЧЪ МИЛОВЗОРЪ, ея женихъ.
АКИНФІЙ ПЕТРОВИЧЪ ШАМШАЕВЪ.
АРКАДІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ СМИРНЫЙ, его пріятель.
ПРУТКОВЪ.
ТОЛИКІЙ.
ЧЕКАЛИНЪ.
РЕЛЬСКІЙ.
РАСКАТИНЪ. } Пріятели ПРУТКОВА.
КОСИЛОВЪ.
ХОХЛОВЪ.
КАТКОВЪ, отставной унтеръ-офицеръ.
ПОЛИКАРПЪ, слуга БОЧКОВА.
СЛУГИ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на квартирѣ БОЧКОВА, въ гостинницѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА *(сидитъ у окна съ работой).* МИЛОВЗОРЪ *(любезничаетъ).*

МИЛОВЗОРЪ.

Ну, къ чему притворяться?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Кто вамъ говоритъ, что я притворяюсь?

МИЛОВЗОРЪ.

Помилуйте.... Вотъ съ мѣсяцъ, какъ насъ обручили. Хорошо. Вотъ мы пріѣхали въ Петербургъ шить приданое. Хорошо. А вы все еще стыдитесь.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА *(не въ духѣ).*

Хорошо.

МИЛОВЗОРЪ.

Нѣтъ, не хорошо. Въ провинціи стыдиться можно, тамъ такъ принято. Хорошо. А въ Петербургѣ кто же стыдится?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Чего же вы отъ меня хотите?

МИЛОВЗОРЪ.

Не скрывайтесь! обнаружьте свою привязанность.... обнаружьте! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что вы таяли, чахли отъ любви ко мнѣ, а теперь, какъ желаніе ваше исполнилось, такъ вы притворяетесь равнодушной, какъ ни въ чемъ не бывало. Хорошо.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вотъ выдумали! Знаете ли вы грамматику: я васъ не люблю, не любила, любить не буду.

МИЛОВЗОРЪ.

Ха, ха, ха!... Знаемъ мы эти штуки! Каково притворяется! Вотъ мастерица. Помилуйте: я ли еще не женихъ! Меня еще въ 19-мъ году, въ послѣдній разъ, какъ я былъ въ Петербургѣ, величали красавцемъ.... даже, какъ теперь помню: однажды въ Лѣтнемъ Саду встрѣтился я съ одной принцесой.... она, знаете, ничего.... и я ничего.... ну, хорошо! только...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, избавьте, пожалуйста!

МИЛОВЗОРЪ.

Да, бишь, въ самомъ дѣлѣ, негодится. Ну не притворяйтесь только.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Если бы знали, какъ вы безобразны, когда говорите о любви!

МИЛОВЗОРЪ.

Ха, ха, ха! Какая шалунья!... вѣчно шутитъ!

№ 1.

Я хоть старъ, за то я статенъ,
Милъ, любезенъ и къ тому жъ,
Я умѣренъ, акуратенъ,
Какъ помѣщикъ и какъ мужъ.
И приданое лишь только
Папенька за вами дастъ....

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, *(перебивая его)*.

Жаль, приданое нисколько,
Красоты вамъ не придастъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ШАМШАЕВЪ, *(отворяя дверь)*.

Здѣсь остановился Семенъ Семеновичъ Бочковъ, Саратовскій помѣщикъ?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Здѣсь.

ШАМШАЕВЪ.

Ахъ, извините-съ... вы, конечно, ихъ фамилія?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Я дочь его-съ.

МИЛОВЗОРЪ.

Я будущій зять—отставной Корнетъ, Хрисанфъ Карповичъ Миловзоръ. Прошу быть знакомымъ.

ШАМШАЕВЪ.

Надворный Совѣтникъ Шамшаевъ, Акинфій Петровичъ,—имѣю честь рекомендоваться. Какъ бишь вы изволили говорить, что обручены съ ними?

МИЛОВЗОРЪ.

Женихъ обрученный-съ!... Приданое пріѣхали шить.

ШАМШАЕВЪ.

Какъ же это?... Жалость какая!... (*Про себя*). Эхъ, Аркадій Яковлевичъ, опоздалъ, братецъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Что вы такое изволите говорить?

ШАМШАЕВЪ.

Нѣтъ.... я такъ, про себя.... Ну, видно дѣлать нечего.

МИЛОВЗОРЪ (*про себя*).

Эхе, старая крыса, куда махнулъ! И онъ туда же за нами.

ШАМШАЕВЪ.

Батюшка вашъ, здоровъ?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Нельзя сказать что боленъ, а все.....

ШАМШАЕВЪ.

Все жалуется, по старому. Ну, хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ,—теперь его у насъ полечатъ. У насъ столько завелось леченій, что скоро станутъ придумывать болѣзни, чтобы излечить только отъ нихъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А вы давно не видали батюшку?

ШАМШАЕВЪ.

Лѣтъ десять не видалъ. Мы съ нимъ были, можно сказать, друзья закадышные; я даже думалъ породниться, правду сказать....ну, да вышло иначе. Да гдѣ же онъ, мой голубчикъ?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Отдыхаетъ еще послѣ дороги.... У насъ еще квартиры нѣтъ порядочной, здѣсь столько пріѣзжихъ, что насилу достали себѣ двѣ комнаты.

БОЧКИНЪ (*за сценой*).

Машенька, а Машенька!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вотъ и папенька.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и БОЧКОВЪ. *(Онъ очень толстъ).*

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Папенька, вашъ старый знакомый, Г. Шамшаевъ.

БОЧКОВЪ *(грустно).*

А, старый пріятель! Очень радъ, что пришлось еще свидѣться. Взгляни-ка на меня!

ШАМШАЕВЪ *(хочетъ обнять его.)*

Здравствуй, старый мой товарищъ!

БОЧКОВЪ, *(отталкивая его).*

Нѣтъ, нѣтъ!... постой.... взгляни-ка на меня, взгляни!...

ШАМШАЕВЪ.

Ну, вижу!

БОЧКОВЪ.

Ну, что?... что?...

ШАМШАЕВЪ.

Ну, ничего.

БОЧКОВЪ.

Какъ ничего? Ты не видишь, не замѣчаешь, какая со мной сдѣлалась страшная перемѣна?

ШАМШАЕВЪ...

Я не вижу ничего особеннаго. Погоди.... да, точно... поправился, братъ, потолстѣлъ....

БОЧКОВЪ *(очень сердито).*

Какъ! я поправился? А, а, а, а! Понимаю! Это все *она*, родная дочь не жалѣетъ отца. Вотъ до чего я дожилъ на старости лѣтъ! По ней такъ хоть умри я безъ всякаго пособія. Вотъ они, наши дѣтки—утѣшенье наше въ старости!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Грѣшно вамъ, папенька!

БОЧКОВЪ *(грозно).*

Ни слова! Ни-ни!... посмотри-ка братецъ, какой у меня цвѣтъ лица? Лимонъ, настоящій лимонъ! Я думаю ты бы на улицѣ и не узналъ меня.

ШАМШАЕВЪ.

Ну, нѣтъ, я этого не скажу.

БОЧКОВЪ.

А пуще всего мучитъ безсонница. Вотъ уже третій мѣсяцъ глазъ не смыкаю, и въ эту ночь ни на минуту не могъ уснуть, словно, кто-то будитъ безпрестанно. Охъ, плохо, плохо!

МИЛОВЗОРЪ.

Семенъ Семеновичъ! позвольте замѣтить: вы изволили почивать прекрѣпкимъ сномъ всю ночь, съ самаго вечера.

БОЧКОВЪ.

И ты туда же, Хрисанфъ Карповичъ? Стыдно сговориться съ дочерью противъ отца! грѣхъ!

МИЛОВЗОРЪ.

Эхъ, Семенъ Семеновичъ!

БОЧКОВЪ.

Это они, все нарочно. Повѣрь, Акинфій Петровичъ, это все нарочно. А я знаю, что близокъ мой конецъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, папенька!...

БОЧКОВЪ.

И аппетита нѣтъ никакого.... конечно, ѣмъ.... только безъ всякаго аппетита. Ѣмъ, ѣмъ, какъ машина. Не знаю, когда кончить, потому что аппетита нѣтъ. Садись, пожалуйста! Эй, человѣкъ! Садись же, братецъ. Будь какъ дома.

ПОЛИКАРПЪ *(входитъ)*.

Чего изволите, сударь?

БОЧКОВЪ.

Чтожъ ты зѣваешь? Зачѣмъ завтракать не подаешь?

ПОЛИКАРПЪ.

Сію минуту подамъ. (*Хочетъ идти*).

БОЧКОВЪ.

Эй!

ПОЛИКАРПЪ *(приходитъ назадъ)*.

Чего изволите?

БОЧКОВЪ.

Побольше подай!

ПОЛИКАРПЪ.

Слушаю-съ! (*Хочетъ идти*).

БОЧКОВЪ.

Куда бѣжишь? Пожаръ, что-ли?

ПОЛИКАРПЪ.

Никакъ, нѣтъ-съ!

БОЧКОВЪ.

Это я для тебя хлопочу, Акинфій Петровичъ. А у меня рѣшительно нѣтъ аппетита, ничего въ ротъ не беру.

ШАМШАЕВЪ.

Покорно благодарю, Семенъ Семеновичъ, я ужъ завтракалъ.

БОЧКОВЪ *(съ сердцемъ)*.

Пожалуйста братецъ, не отговаривайся! Хоть бы посмотрѣть какъ люди ѣдятъ. (*Поликарпу*). Ну, что стоишь? А что тамъ есть?

ПОЛИКАРПЪ.

Есть ветчина, половина жаренаго гуся, икорка, колбаса, сельди, сыръ голандскій....

БОЧКОВЪ.

А еще?

ПОЛИКАРПЪ.

Поросенокъ подъ хрѣномъ, котлеты съ гарниромъ, биштексъ....

БОЧКОВЪ.

А еще?

ПОЛИКАРПЪ.

Больше, кажись, ничего нѣтъ.

БОЧКОВЪ.

Ну, давай хоть это.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ.

Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

ШАМШАКОВЪ.

А что, Семенъ Семеновичъ, вы бы попробовали гимнастики.

БОЧКОВЪ.

Читалъ я объ ней, братецъ, въ вѣдомостяхъ, да что-то не совсѣмъ въ толкъ взялъ. Растолкуй изъ милости, что за мудрость такая?

ШАМШАКОВЪ.

Да больше ничего, какъ правильное этакое, такъ сказать, усиленное движеніе, которое, такъ сказать, обращаетъ кровь, и черезъ это.... такъ сказать, ну, кровь обращаетъ въ правильное обращеніе.

БОЧКОВЪ (*со вниманіемъ*).

Да, въ самомъ дѣлѣ, это можетъ быть очень полезно, и ты самъ испыталъ?

ШАМШАКОВЪ.

Какъ же, испыталъ.

БОЧКОВЪ.

Что же, ты туда ходишь, въ эту гимназію?

ШАМШАКОВЪ.

Въ гимнастику.

БОЧКОВЪ.

Ну, да, въ гимназію. Что же тамъ?

ШАМШАКОВЪ.

Да насъ тамъ много.

БОЧКОВЪ.

Что же съ вами тамъ дѣлаютъ?

ШАМШАЛОВЪ.

Да бьютъ-съ.

БОЧКОВЪ.

Какъ это? почему бьютъ?

ШАМШАЛОВЪ.

Да почему ни попало. Какъ понадобится.

МИЛОВЗОРЪ.

Что-ты? Ха, ха, ха! Вотъ не зналъ, право! Ха, ха, ха! Вотъ не зналъ!

ПОДШКАРПЪ *(приноситъ завтракъ).*

Извольте, сударь, завтракъ готовъ! (*Въ продолженіе этого разговора, Марья Семеновна все смотрѣла въ окно, а Миловзоръ, на котораго она не обращала вниманія, старался любезничать съ ней.*)

БОЧКОВЪ.

Насилу-то! Ну, ставь на столъ. Садись, Акинфій Петровичъ, кушай. Садись-же, Хрисанфъ Карповичъ. Что жъ ты, Акинфій Петровичъ?

ШАМШАЛОВЪ.

Я? покорнѣйше благодарю.

БОЧКОВЪ *(сердится).*

Да, ну! безъ церемоній! Садись, говорятъ тебѣ! (*Садится*).

ШАМШАЕВЪ.

Очень хорошо. (*Шамшаевъ и Миловзоръ садятся*).

БОЧКОВЪ.

Садись и ты, Машенька; нечего дѣлать, покушаю не много, съ горя. (*Пьетъ и ѣстъ*). Это я все для васъ. Неугодно ли ветчины? ветчина знатная. Кушайте, батюшка! Эхъ, плохо, плохо! Никакого нѣтъ аппетита? Приходитъ мой конецъ!... (*Ѣстъ много.*) Это я все для васъ, кушайте, батюшка!

ШАМШАЕВЪ.

Я ѣмъ.

МИЛОВЗОРЪ.

И я также.

БОЧКОВЪ.

Садись же къ намъ, Машенька, да покушай. Ты на меня не смотри; я человѣкъ больной. Кушай, мой другъ. (*Ѣстъ*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Мнѣ ѣсть не хочется... (*Встаетъ и подходитъ къ окну*). Не ужели, Аркадій Яковлевичъ не придетъ сегодня. Онъ долженъ знать, что мы пріѣхали.

МИЛОВЗОРЪ.

Марья Семеновна, что это вы все въ окошечко поглядываете?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А вамъ какое дѣло?

МИЛОВЗОРЪ.

А вотъ я не хочу, чтобъ вы глядѣли.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Стану я у васъ спрашиваться.

МИЛОВЗОРЪ.

Марья Семеновна!...

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Отстаньте пожалуйста!

БОЧКОВЪ.

Ну, ну, опять заспорили. Перестанете ли, послѣ свадьбы наспоритесь вдоволь. Извини Акинфій Петровичъ, дѣло семейное. Недавно обручилъ ихъ. Такъ любятъ другъ друга, что цѣлый день бранятся; объ чемъ мы, бишь, говорили? Да, про гимназію....

ШАМШАЕВЪ.

Про гимнастику.

БОЧКОВЪ.

Да, да, про гимнастику. Скажите, пожалуйста, (*Жуетъ*,) помогаетъ она тебѣ?

ШАМШАЕВЪ.

Какъ же-съ! Очень помогаетъ; вотъ у меня, смѣю доложить, знаете, отъ сидячей жизни, поясница очень болѣла.

БОЧКОВЪ.

Такъ не болитъ больше?

ШАМШАЕВЪ.

Нѣтъ, болитъ таки, все таки болитъ, какъ не болѣть.

БОЧКОВЪ.

Въ чемъ же ты чувствуешь облегченіе?

ШАМШАЕВЪ.

А вотъ-съ, изволите видѣть, какъ начнутъ колотить, и по всему прочему достанется, такъ ужъ про поясницу и забудешь.

БОЧКОВЪ.

Машенька, а Машенька!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Первый часъ, папенька.

БОЧКОВЪ.

У тебя про часы не спрашиваютъ. Знаешь ли объ чемъ я думаю.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Нѣтъ, папенька, не знаю.

БОЧКОВЪ.

Ужъ не хватить ли мнѣ этой гимназіи? Все таки лучше.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Какъ вамъ угодно, папенька, я не знаю.

ШАМШАЕВЪ.

А про эфиръ, вы изволили слышать?

БОЧКОВЪ.

Нѣтъ, батюшка, не слыхалъ что это такое?

ШАМШАЕВЪ.

И это тоже новое леченье. Посредствомъ вдыханія... въ газетахъ употребляется съ большимъ успѣхомъ.

БОЧКОВЪ.

Какъ же это?

ШАЙШАКЪ.

А вотъ какъ-съ: положимъ у васъ нога болитъ; вы говорите только доктору: отними, братецъ, пожалуйста;—съ удовольствіемъ, братецъ. Далъ вамъ понюхать спирту, то есть, чихнуть не успѣете гдѣ нога? а ноги какъ небывало.

БОЧКОВЪ.

И не больно?

ШАЙШАКЪ.

Въ томъ-то и штука! Чрезвычайно пріятно; вы воображаете себя въ саду, за преферансомъ, ласточки летаютъ, у васъ въ рукѣ восемь козырей, а между тѣмъ вы безъ ноги!

БОЧКОВЪ.

А приставить опять можно?

ШАЙШАКЪ.

Какъ, приставить?

БОЧКОВЪ.

Ну, да, въ ногѣ можетъ случиться надобность, такъ, чаю, и приставить можно?

ШАЙШАКЪ *(въ сторону)*.

Вотъ онъ каковъ! (*Вслухъ.*) Ну, этого я не знаю. Не спрашивалъ; а вѣроятно, можно.

БОЧКОВЪ.

Чудныя дѣла дѣлаются въ этомъ Петербургѣ; просто объяснить не возможно. Машенька, ужъ не хватить ли мнѣ этого эфира?

ШАМШАЕВЪ.

А про холодную воду, изволили слыщать?

БОЧКОВЪ.

Нѣтъ!

ШАМШАЕВЪ.

А про сигары Распайля?

БОЧКОВЪ.

Нѣтъ!

ШАМШАЕВЪ.

А про магнитизмъ?

БОЧКОВЪ.

Не слыхалъ, батюшка. Что это все такое?

ШАМШАЕВЪ.

А это средство лечить во снѣ. У насъ все новыя леченья.

№ 2.

У насъ вездѣ все новыя леченья,
Благодаря за нашу простоту,
Насъ крѣпко бьютъ, для лучшаго движенья,
И пользуютъ водой на чистоту.
Наука здѣсь большой секретъ откроетъ,
И благодарственный заслужитъ листъ:
Когда она вдругъ наконецъ умоетъ—
Кто на руку нечистъ.

БОЧКОВЪ.

Что же вы думаете? Чего бы мнѣ всего лучше?

ШАМШАЕВЪ.

Я все думаю, что гимнастика. Если угодно, я пришлю къ вамъ профессора по этой части, духомъ вылечитъ васъ.

БОЧКОВЪ.

Ахъ, батюшка, вѣчно буду вамъ благодаренъ.

ШАМШАЕВЪ.

Извольте, Семенъ Семеновичъ, бѣгу.... (*Про себя*). теперь, скорѣе къ Пруткову, видно племяннику не жениться, безъ помощи дяди. (*Вслухъ*). Мое почтеніе Семенъ Семеновичъ. Надѣюсь что вы останетесь довольны гимнастикой. Мое почтеніе, Марья Семеновна!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Прощайте-съ.

БОЧКОВЪ.

Поскорѣй пришлите профессора.

ШАМШАЕВЪ.

Черезъ полчаса онъ будетъ здѣсь. Я только забѣгу къ сыну, который пріѣхалъ изъ Москвы.... вы его не знаете. Добрый малый, только все бредитъ славянизмомъ.

БОЧКОВЪ.

Что это, тоже новое леченье?

ШАМШАЕВЪ.

Нѣтъ. Это Московская болѣзнь, только безвредная. Ну, прощай .. до свиданія. *Уходитъ*).

БОЧКОВЪ.

Ну, а я, покамѣсть, прилягу на минуточку; авось, Богъ дастъ, усну немножечко.... пойдемъ, Хрисанфъ Карповичъ, ты мнѣ прочти что нибудь. Скорѣй заснешь.

МИЛОВЗОРЪ.

Извольте-съ.... а вы, Марья Семеновна, отойдите пожалуйста отъ окошечка.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, Боже мой! Какъ вы мнѣ наскучили!

МИЛОВЗОРЪ.

Притворщица!

БОЧКОВЪ.

Ну, полно, полно, амуриться. Пойдемъ!

МИЛОВЗОРЪ.

Иду! (*Уходитъ за Бочковымъ*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

№ 3.

Ахъ, неужели судьбою ужасною,
Онъ мнѣ назначенъ въ мужья?
Съ нимъ я вѣкъ буду женою несчастною,
Съ нимъ мнѣ не будетъ житья!
Въ лапы медвѣдя, мнѣ въ когти мохнатова,
Лучше себя бы отдать, — (*Плаксиво*)
Чѣмъ быть помѣщицей, жить близъ Саратова,
Вѣчно толстѣть и скучать!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, потомъ СМИРНЫЙ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*подбѣгаетъ къ окну*).

А, вотъ онъ идетъ! наконецъ-то!

СМИРНЫЙ (*входитъ*).

Марья Семеновна, вы ли это?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, Боже мой! Какимъ образомъ вы здѣсь?

СМИРНЫЙ.

Вотъ сейчасъ узналъ, что вы пріѣхали... и прибѣжалъ... Скажите, правда ли, что вы обручены?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА

Правда.

СМИРНЫЙ.

Марья Семеновна!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Что жъ дѣлать!

СМИРНЫЙ *(тихо)*.

Такъ, прощайте.... мнѣ дѣлать здѣсь нечего! Грѣшно Марья Семеновна! Стыдно; всего три мѣсяца, кажется, что я былъ у васъ въ деревнѣ, всего три мѣсяца, кажется, какъ батюшка вашъ мнѣ отказалъ, а вы ужъ и забыли, не хуже Петербургской какой нибудь.... да, къ чему жаловаться! насильно милъ не будешь.... живите счастливо, прощайте.... на вѣкъ.... иду.... прощайте.... прощайте.... какъ же Марья Семеновна, вы могли такъ скоро забыть наши прогулки въ саду; помните, когда вы книжку читали, помните тотъ вечеръ, когда я сказалъ вамъ..... когда вы сказали мнѣ..... забыли.... (*Вздохнувъ*). Ну, нечего дѣлать, прощайте, живите счастливо.... только..... ну, да виноватъ.... я надоѣлъ вамъ...... прощайте ... (*Медленно уходитъ.*) Прощайте, Марья Семеновна! (*Стоитъ въ дверяхъ*). Прощайте! (*Молчаніе*).

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Неблагодарный!

СМИРНЫЙ *(возвращается бѣгомъ)*.

Какъ? я неблагодарный? отъ чего же я неблаго-

дарный? немучьте меня, скажите изъ жалости, отъ чего же я, почему же я неблагодарный?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, какъ же вы это ничего не понимаете, вы непонимаете, что я выхожу за-мужъ для васъ?

СМИРНЫЙ.

Помилуйте, что за шутка?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вѣдь вы живете въ Петербургѣ?

СМИРНЫЙ.

Да-съ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Мы живемъ безъ выѣзда въ деревнѣ.

СМИРНЫЙ.

Да-съ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вы не понимаете, что надо было придумать средство, какъ пріѣхать въ Петербургъ: шить приданое.

СМИРНЫЙ.

Ахъ, Боже мой! такъ это вы..... такъ это для меня.....

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Насилу догадались!

СМИРНЫЙ.

Такъ вы не забыли меня, такъ вы не разлюбили

меня, Марья Семеновна, счастье мое, радость моя, дайте наглядѣться на васъ; вы еще похорошѣли..... за чѣмъ вы такъ хороши, а я такъ постарѣлъ, кажется.....

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Совсѣмъ нѣтъ, вы все тотъ же.

СМИРНЫЙ.

Да, Марья Семеновна, я все тотъ же; только я думаю объ васъ, живу только вами. Я такъ доволенъ, такъ счастливъ теперь.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вы забыли, кажется, что я обручена?

СМИРНЫЙ.

Ахъ, Боже мой! Въ самомъ дѣлѣ! Да съ кѣмъ же?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Помните вы нашего сосѣда, Хрисанфа Карповича?

СМИРНЫЙ.

Какъ! этотъ устарѣлый франтъ? Этотъ пошлый дуракъ? Онъ вашъ женихъ — поздравляю!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Съ другимъ могло бы быть опасно.

СМИРНЫЙ.

Надо разстроить вашу свадьбу, надо прогнать этого болвана.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ужъ это ваше дѣло; придумывайте, какъ знаете.

СМИРНЫЙ.

Да, я все придумаю, только я долженъ знать, любите ли вы меня?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Какъ вы объ этомъ думаете?

СМИРНЫЙ.

Больше мнѣ ничего не надо; я такъ счастливъ. Знаете у меня ужъ есть на примѣтѣ квартира, на Вознесенскомъ проспектѣ; передняя небольшая, въ одно окно, столовая, гостинная въ тоже время и кабинетъ вашъ, а тамъ.... спальня....

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А гдѣ же ваша комната?

СМИРНЫЙ.

У меня небольшой чуланчикъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, какъ можно! Эта квартира негодится. Я хочу, чтобъ у васъ была лучшая комната.

СМИРНЫЙ.

За чѣмъ же?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Я такъ хочу непремѣнно, непремѣнно!

СМИРНЫЙ.

Да къ чему же мнѣ такую большую комнату?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Да я вѣдь цѣлый день буду у васъ сидѣть.

СМИРНЫЙ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Марья Семеновна, какъ вы хороши сегодня!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А вамъ нравится моя прическа?

СМИРНЫЙ.

Очень, очень нравится.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А платье мое хорошенькое?

СМИРНЫЙ.

Очень, очень хорошенькое.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Я для васъ надѣла.

СМИРНЫЙ.

Марія Семеновна! утѣшенье мое, радость моя, солнце мое, я знаю гдѣ дешево и карета продается по случаю.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Какого цвѣта?

СМИРНЫЙ.

Зеленая.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Нѣтъ, я хочу голубую.

СМИРНЫЙ.

Извольте, будетъ голубая; голубушка вы моя!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА, *(вздыхая)*.

Только когда же?

СМИРНЫЙ.

Да когда же?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Я такая несчастная!

СМИРНЫЙ.

Ахъ, правда ваша!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Что намъ дѣлать?

СМИРНЫЙ.

Меня только и поддерживаетъ, что любовь ваша, а то бы я давно кажется, камень на шею, да и въ Неву!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Не смѣйте говорить этого. Страсти какія! Вамъ меня не жаль видно?

СМИРНЫЙ.

Обѣщайте только, пожалуйста, что не выйдете замужъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Выйду непремѣнно!

СМИРНЫЙ.

Какъ! и за кого?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

За васъ.

СМИРНСКІЙ.

О, счастливый Аркадій! (*Обнимаются*).

№ 4.

Какъ завидна участь наша,
Скоро, скоро ангелъ мой,
Твой возлюбленный Аркаша,
Назоветъ тебя женой!
Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте,
Но я вамъ клянусь душой;
Жизнь безъ васъ, мнѣ хуже смерти,
Съ вами жъ, просто, рай земной!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Какъ завидна участь наша,
Какъ я счастлива съ тобой!
Мой возлюбленный Аркаша
Назоветъ меня женой!
Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте,
Но я вамъ клянусь душой;
Жизнь безъ васъ, мнѣ хуже смерти,
Съ вами жъ, просто, рай земной!
(Вмѣстѣ повторяютъ первые четыре стиха).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и ПРУТКОВЪ.

ПРУТКОВЪ *(въ дверяхъ апплодируетъ).*

Браво, браво! (*Они отскакиваютъ*). Вотъ и я тутъ! Не пугайтесь, пожалуйста, я свой. Аркаша! твой дядюшка Акинфій Петровичъ сейчасъ былъ у меня. Я, братъ, все знаю: представь же меня....

СМИРНСКІЙ.

Г. Прутковъ, мой другъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Очень пріятно.

СМИРНЫЙ.

Ну, братъ! Я въ отчаяніи! Представь: Марья Семеновна обручена!

ПРУТКОВЪ.

Ба!

СМИРНЫЙ.

Съ ея согласія.

ПРУТКОВЪ.

Э!

СМИРНЫЙ.

За болвана!

ПРУТКОВЪ.

О!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ужъ говорите все.

СМИРНЫЙ.

Она это придумала, чтобъ пріѣхать въ Петербургъ.

ПРУТКОВЪ.

Такъ!

СМИРНЫЙ.

Потому — что......

ПРУТКОВЪ.

Ну!

СМИРНЫЙ.

Она все еще..... можно сказать?......

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Можно.

СМИРНЫЙ.

Меня любитъ.

КРУТКОВЪ.

Понимаю! теперь нужно одну свадьбу устроить, другую разстроить. Это мое дѣло!

№ 5.

Я малый на всѣ руки,
Веселый человѣкъ,
Безъ горя и безъ скуки
Хочу прожить свой вѣкъ!
Готовъ въ огонь и въ воду,
Чтобъ другу пособить, —
И дай-ка мнѣ свободу
Съумѣю я женить.
Съ фантазіей я смѣлой,
Супружество любя,
Готовъ женить міръ цѣлый, —
Да только не себя?

Я вамъ даю свое согласіе, дѣти мои; я васъ благословляю, живите счастливо, любите другъ друга, да приглашайте меня почаще обѣдать.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Такъ вы надѣетесь?.....

СМИРНЫЙ.

Такъ ты думаешь, что можно?....

КРУТКОВЪ.

Все возможно, только позвольте; ты говоришь, что женихъ болванъ? Жаль! Хорошимъ былъ бы мужемъ. Ну, съ нимъ сладить не трудно.... А батюшка вашъ?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА *(съ смущеніемъ)*.

Батюшка мой.... мой отецъ....

ПРУТКОВЪ.

Ну, конечно; однакожъ твой дядя разсказалъ мнѣ, что у него есть какая-то слабость.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, да! батюшка воображаетъ себя больнымъ, онъ непремѣнно хочетъ лечиться какой-то гимнастикой.

ПРУТКОВЪ.

Больше мнѣ ничего не нужно. Тутъ можетъ быть средство. Только смотрите же: не портить мнѣ дѣла; что бы я не придумалъ, вы ужъ не мѣшайте; а то я не отвѣчаю за успѣхъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Что же мнѣ дѣлать?

ПРУТКОВЪ.

Ничего не дѣлать: не мѣшайте только. Тутъ кстати внизу у одного больнаго всѣ аппараты для гимнастики.

СМИРНЫЙ.

Да они ему нужны можетъ быть.

ПРУТКОВЪ.

Нѣтъ не нужны. — Онъ умеръ, а вещи такъ остались. Впрочемъ я распорядился. — Кстати внизу всѣ наши завтракаютъ. —

СМИРНЫЙ.

А я что?

ПРУТКОВЪ.

Тебѣ ужъ будетъ работа; съ тебя начнется.

(голосъ БОЧКОВА).

Машенька, Машенька! Гдѣ же ты?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, папенька!

ПРУТКОВЪ.

Повернись скорѣй!

СМИРНЫЙ.

За чѣмъ?

ПРУТКОВЪ.

Молчи, поворачивайся и стой! (*Начинаетъ колотить его по спинѣ*).

СМИРНЫЙ.

Помилуй! что ты дѣлаешь?

ПРУТКОВЪ.

Да, стой-же, говорятъ тебѣ. Въ этомъ все твое счастье..... (*Бочковъ входитъ*). (*Громко*). Да-съ, изволите видѣть, пассивная гимнастика для кровообращенія, расширяя мускулы, дѣйствуетъ на нервныя оболочки, въ периферіи организаціи, по тригонометрическимъ правиламъ сравнительной анатоміи и производя легкую испарину на живительную систему.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и БОЧКОВЪ.

БОЧКОВЪ, (*выслушавъ внимательно галиматью Пруткова*).

Ага! Это вѣрно профессоръ гимназіи, котораго

Акинфій Петровичъ хотѣлъ прислать сюда. Сейчасъ видно, что ученый человѣкъ!

ПРУТКОВЪ.

Чувствуете вы теперь что нибудь? (*Бьетъ сильнѣе*).

СМИРНЫЙ.

Чувствую.

БОЧКОВЪ.

А! удивительное средство! г. профессоръ, позвольте имѣть честь познакомиться.... я столько наслышался.... Ба! Кто это тамъ за вами? Аркадій Яковлевичъ, какъ сюда попали?

СМИРНЫЙ.

Я-съ?.... Тутъ-съ?.... пришелъ въ гостинницу къ одному пріятелю.

ПРУТКОВЪ.

Да-съ, съ этимъ молодымъ человѣкомъ сдѣлалось дурно, такъ я ему, по обязанности своей, помогъ гимнастикой.

БОЧКОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Я тоже къ вамъ съ просьбой, г. профессоръ.

ПРУТКОВЪ.

Что такое?

БОЧКОВЪ.

Смерть хочется полечиться этой гимназіей; не можете-ли вы меня вопользовать?

ПРУТКОВЪ.

Не знаю, право. Я теперь такъ занятъ; минуты нѣтъ свободной.

БОЧКОВЪ.

Пожалуйста, не откажите.

ПРУТКОВЪ.

Развѣ ужъ для васъ. Да вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы?

БОЧКОВЪ.

Ну, вѣдь я говорилъ! Ну, вотъ ученый человѣкъ, сейчасъ ужъ видитъ. Слышишь Машенька? Что ты тамъ разговариваешь?

ПРУТКОВЪ.

Позвольте, не поворачивайтесь. Случай важный!

БОЧКОВЪ, *(вырываясь изъ рукъ Пруткова).*

Не прогнѣвайтесь, батюшка, Машеньку свою я обручилъ. Вамъ ходить сюда не приходится.

СМИРНЫЙ.

Да, выслушайте.....

БОЧКОВЪ.

Слушать не хочу!

СМИРНЫЙ.

Да, Марью Семеновну.....

БОЧКОВЪ.

Что вы мнѣ голову ломаете съ Марьей Семеновной; незнаю я ее что-ли? полно вамъ тарабарить

по уголкамъ съ ней; чтобъ ноги вашей здѣсь не было. Что это въ самомъ дѣлѣ? Я хозяинъ здѣсь, отецъ, она мнѣ дочь.

ПРУТКОВЪ.

Я думаю, для вашей дочери, гимнастика могла бы быть тоже полезна.

БОЧКОВЪ.

Нѣтъ, батюшка, молода еще; прошу мою Машеньку оставить въ покоѣ.

ПРУТКОВЪ.

Какъ вамъ угодно; по мнѣ все равно. (*Смирному*). Пойдемъ я придумаю средство, какъ привести опять тебя сюда.

СМИРНЫЙ.

Такъ вы рѣшительно меня гоните?

БОЧКОВЪ.

Рѣшительно.

СМИРНЫЙ.

Не позволяете мнѣ продолжать лестнаго знакомства?

БОЧКОВЪ.

Нѣтъ.

СМИРНЫЙ.

Вы хотите моего несчастья?

БОЧКОВЪ.

Да?

СМИРНЫЙ.

Такъ да будутъ съ вами всякія болѣзни; пусть сдѣлается съ вами лихорадка, пусть разстроится вашъ желудокъ, пусть приключатся съ вами всѣ болѣзни: простуда, воспаленіе, горячка, холера....

БОЧКОВЪ, *(испугавшись)*.

Что это вы говорите, какъ вамъ не стыдно?

СМИРНЫЙ.

Кашель, насморкъ, скарлатинъ, корь, пьянство, злой перепой, запой.... увидимъ какъ запоете!

БОЧКОВЪ.

Ахъ, что это вы говорите, меня дрожь пронимаетъ, г. профессоръ не слушайте его, помогите... Не хотите ли сейчасъ начать со мною...

ПРУТКОВЪ.

Сейчасъ, сейчасъ! Дайте только уладить съ людьми и аппаратами. Молодой человѣкъ, какъ вамъ не грѣшно смущать этого почтеннаго человѣка; развѣ вы не знаете, что въ вашихъ словахъ есть магнетическое вліяніе, и что они дѣйствительно могутъ вызвать всѣ болѣзни, которыми вы угрожаете?

СМИРНЫЙ.

Я этого-то и хочу!

ПРУТКОВЪ.

Человѣкъ безчеловѣчный! Вѣдь онъ помѣщикъ, отецъ семейства!

СМИРНЫЙ.

Отдайте за меня Марью Семеновну.

БОЧКОВЪ.

Отдалъ бы, да не могу. Я обручилъ её.

СМИРНЫЙ.

Не можете?

БОЧКОВЪ.

Не могу.

СМИРНЫЙ.

Такъ прощайте! Да будетъ же.....

БОЧКОВЪ.

Тсъ! тсъ! Ради Бога уведите его!

ПРУТКОВЪ, *(говоря на ухо)*.

Переодѣнься, подожди внизу и приходи съ другими. (*Провожаетъ Смирнаго до дверей*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ СМИРНАГО.

ПРУТКОВЪ.

Ну, теперь займитесь дѣломъ. Высуньте языкъ... гмъ!... какой скверный языкъ! кто бы подумалъ, что вы человѣкъ съ такимъ сквернымъ языкомъ!

БОЧКОВЪ.

Ну, вотъ никто не вѣрилъ!

ПРУТКОВЪ.

Есть у васъ аппетитъ?

БОЧКОВЪ.

Иногда, какъ будто бы и есть.

КРУТКОВЪ.

Ну, а сонъ каковъ?

БОЧКОВЪ.

Да лежу, этакъ, часа два послѣ обѣда, да всю ночь валяюсь на пролетъ, а не сплю, потому что вижу сны.

КРУТКОВЪ.

Дурной знакъ! Позвольте пульсъ.... ба, ба, ба! 270 біеній въ одну секунду!... у васъ есть семейство?

БОЧКОВЪ.

Дочь одна.

КРУТКОВЪ.

Совѣтую пристроить хорошенько. Имѣніе есть?

БОЧКОВЪ.

Восемьсотъ душъ, въ Саратовѣ.

КРУТКОВЪ.

Пишите завѣщаніе. Я, какъ врачъ, обязанъ сказать вамъ правду: черезъ часъ съ вами можетъ быть ударъ.

БОЧКОВЪ.

Ай!... ахъ.... ахъ.... Господи! Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ что-то дурно.... Машенька!... ахъ, дурно! дурно!... Помогите!...

МАРЬЯ [illegible].

Не вѣрьте, папенька!

ПРУТКОВЪ (*тихо*).

Молчите, вы все испортите. (*Громко.*) Успокойтесь, случай важный, но пособить можно. (*Показывая на лобъ.*) Вотъ тутъ очень слабо! Одно спасенье.... (*Дѣлаетъ задумчиво разныя тѣлодвиженья.*) по ногамъ, по спинѣ, пониже спины.... бацъ, бацъ, хорошенько.... извольте, я спасу васъ.

№ 6.

Гимнастика поможетъ мнѣ,
И горемъ пополамъ со смѣхомъ,
На вашей выѣду спинѣ,
Я съ ожидаемымъ успѣхомъ.
Такъ отряхните жъ вашу лѣнь,
Охоты больше, больше жара,
Мы станемъ бить васъ цѣлый день,
Чтобъ васъ избавить отъ удара!

БОЧКОВЪ.

Батюшка! Благодѣтель мой, бери что хочешь, спаси только!

ПРУТКОВЪ.

Вы слушаться будете?

БОЧКОВЪ.

Буду, буду, скажи только, что дѣлать?

ПРУТКОВЪ.

Да у насъ безчисленное множество средствъ. Можете вы гнуть спину?

БОЧКОВЪ.

Могу, батюшка, съ трудомъ, а могу! (*Нагибается.*)

ПРУТКОВЪ.

Это средство многимъ удавалось въ Петербургѣ. Скажите, пожалуйста, сѣкли васъ иногда?

БОЧКОВЪ.

Ребенкомъ сѣкли, батюшка.

ПРУТКОВЪ.

Нѣтъ, а теперь?

БОЧКОВЪ.

Помилуйте, что я за малолѣтній такой! Въ карты же я не играю.

ПРУТКОВЪ.

А вотъ поиграемъ въ палки. Оно, знаете, приводитъ кровь въ обращеніе. Вѣрьте мнѣ, очень здорово.

БОЧКОВЪ.

Воля ваша! Вотъ не думалъ на старости лѣтъ..., что-то со мной будетъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и МИЛОВЗОРЪ.

МИЛОВЗОРЪ.

Семенъ Семеновичъ, не пора ли намъ въ гостинный дворъ?

БОЧКОВЪ.

Какой тутъ дворъ! Знаете ли, кто это?

МИЛОВЗОРЪ.

Это?

БОЧКОВЪ.

Да, это?

МИЛОВЗОРЪ.

Нѣтъ, не знаю.

БОЧКОВЪ.

Это самъ профессоръ гимназіи.... позвольте, забылъ спросить вашу фамилію.

ПРУТКОВЪ.

Кулаковскій.

БОЧКОВЪ.

Это тотъ знаменитый докторъ, который отъ всего лечитъ хлопаньемъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Очень пріятно познакомиться. Позвольте себя рекомендовать.... я бы тоже желалъ....

БОЧКОВЪ.

Да ты не знаешь: вѣдь, говорилъ я вамъ, что мнѣ плохо приходится! А онъ, ученый, сейчасъ понялъ. Вы, говоритъ онъ, очень плохи. Сейчасъ понялъ, благодѣтель мой!... Какъ бишь фамилія?

ПРУТКОВЪ.

Потасовскій.

БОЧКОВЪ.

Какъ! вы, кажется, сказали: Кулаковскій?

ПРУТКОВЪ.

Да, у меня Малороссійская фамилія: Кулаковскій—Потасовскій.

БОЧКОВЪ.

Скажите, пожалуйста. Когда же мнѣ начать леченье?

ПРУТКОВЪ.

Да какъ можно скорѣе.

БОЧКОВЪ.

Да я такъ слабъ; не знаю можно ли мнѣ будетъ выдти?

ПРУТКОВЪ.

Ничего-съ, я принесу свои аппараты. Мои больные сами могутъ сюда прійдти. Они здѣсь рядомъ— (*Въ сторону*) внизу, въ трактирѣ. (*Вслухъ.*) Я сейчасъ пошлю за ними; вы только переодѣньтесь.

БОЧКОВЪ.

Какъ же надо мнѣ одѣться?

ПРУТКОВЪ.

Да полегче какъ нибудь. Не надѣвайте фуфайку.

БОЧКОВЪ.

Хорошо; Маша! скажи пожалуйста.... гдѣ же ты, Машенька?

ПРУТКОВЪ.

Да-съ; будьте покойны; я надѣюсь, съ помощію моихъ магнетическихъ вліяній, избавить васъ отъ всѣхъ болѣзней.

БОЧКОВЪ.

Хорошо, хорошо! Да гдѣ же Машенька!

ПРУТКОВЪ.

Помилуйте, что за животъ у васъ неблагопристойный! Это все надо исправить.

БОЧКОВЪ.

Вѣрно она ушла въ другую комнату.... она должна знать гдѣ моя фуфайка.... Пойду переодѣнусь. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРУТКОВЪ и МИЛОВЗОРЪ.

МИЛОВЗОРЪ.

Позвольте, Г. докторъ, на пару словъ.

ПРУТКОВЪ.

Что вамъ угодно?

МИЛОВЗОРЪ.

Я желалъ бы тоже посовѣтоваться съ вами, Г. докторъ.

ПРУТКОВЪ.

Я совсѣмъ не докторъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Какъ же это такъ?

ПРУТКОВЪ.

Я, просто, такъ лечу; это у насъ теперь въ модѣ

въ Петербургѣ. Каждый докторъ, кто только хочетъ. Хотите, я буду у васъ лечиться; а нѣтъ такъ вы полечитесь у меня.

ШИЛОВЗОРЪ.

Нѣтъ, я ужъ лучше у васъ.

ПРУТКОВЪ.

Какъ вамъ угодно. Чѣмъ вы не здоровы?

ШИЛОВЗОРЪ.

Да, не знаю, право, какъ сказать-съ....

ПРУТКОВЪ.

Помилуйте, что за церемонія! Это что ли? (*На ухо.*)

ШИЛОВЗОРЪ.

Ахъ, помилуйте, какъ можно....

ПРУТКОВЪ.

Такъ это?

ШИЛОВЗОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ПРУТКОВЪ.

Что же?

ШИЛОВЗОРЪ.

Да вотъ что: весь какъ-то не свой, да къ тому же то голова болитъ, то другое.... и волосы лезутъ. Извольте пощупать.... знаете, я женихъ.... не такъ-то ловко....

ПРУТКОВЪ.

Употребите гимнастику. Спасительное средство! Всего по два часа въ день.... вотъ этакъ.... (*Деретъ его за волосы.*)

МИЛОВЗОРЪ.

Ай, ай!... больно!... Не буду!... Не буду!... Помилуйте, что же это такое?

ПРУТКОВЪ.

Вы ужъ чувствуете пользу?...

МИЛОВЗОРЪ.

Нѣтъ-съ, это леченіе черезъ-чуръ, что-то серьозно. Нѣтъ ли по легче какого? хватить бы разомъ, да и все тутъ!

ПРУТКОВЪ.

Какъ же! у насъ пропасть есть средствъ. Во-первыхъ: вы можете носить парикъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Ну, а безъ парика?

ПРУТКОВЪ.

Безъ парика? Извольте, я васъ вылечу холодной водой.

МИЛОВЗОРЪ.

И волосы выростутъ?

ПРУТКОВЪ.

Разумѣется. Какого угодно цвѣту?

ШИЛОВЗОРЪ.

Да натуральнаго, я думаю.... или черные, какъ смоль, этакіе.... какъ вы думаете?

ПРУТКОВЪ.

Какъ хотите.

ШИЛОВЗОРЪ.

Нѣтъ, я думаю ужъ лучше натуральные.

ПРУТКОВЪ.

Извольте. Хотите вы лечиться по самой послѣдней модѣ?

ШИЛОВЗОРЪ.

Хочу, хочу!

ПРУТКОВЪ.

Это леченіе получено съ послѣдней почтой; не просто водой, а водой съ виномъ. Намочите простыню холодной водой, закутайтесь въ нее хорошенько, ложитесь въ постель, зажмурьте глаза и лежите какъ убитый. Что бы вамъ ни говорили, не отвѣчайте ни слова. Васъ, можетъ быть, станутъ дразнить, а вы не поддавайтесь. Надо показать характеръ! Не слушаю, да и только!

ШИЛОВЗОРЪ.

Покажемъ характеръ: это наше дѣло.

ПРУТКОВЪ.

А потомъ, то есть черезъ часъ, выпейте вина.

ШИЛОВЗОРЪ.

Да какого?

ПРУТКОВЪ, *(взявъ со стола бутылку).*

Вотъ хоть этого.

ШИЛОВЗОРЪ.

Извольте! Такъ и быть, полежу. Покажу характеръ, ужъ такой покажу.... Не слушаю, да и только.

ПРУТКОВЪ.

Экой дуракъ!

ШИЛОВЗОРЪ.

Не слушаю.

ПРУТКОВЪ *(одинъ).*

Дѣло идетъ на ладъ. Впрочемъ, пора ужъ явиться и моимъ больнымъ. А! вотъ они.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРУТКОВЪ, СМИРНЫЙ, *(переодѣтый Катковымъ,)* и пріятели ПРУТКОВА *(они всѣ въ разныхъ курткахъ и фуфайкахъ. Въ продолженіи этой сцены служители приносятъ разные аппараты для гимнастическихъ упражненій и устанавливаютъ ихъ).*

ПРУТКОВЪ.

А! здравствуйте, господа! Какъ разъ во время успѣли. Паціентъ нашъ скоро выйдетъ. *(Даетъ всѣмъ руку.)* Вѣроятно, вы всѣ бывали въ гимнастической Академіи, и всѣ пріемы вамъ извѣстны?

ВСѢ.

Разумѣется!

ПРУТКОВЪ.

Ну, такъ покривляйтесь немножко. Я надѣюсь будетъ польза для нашего друга.

ВСѢ.

Очень рады!

СМИРНЫЙ.

За то ужъ, господа, попируемъ на моей свадьбѣ!

ПРУТКОВЪ.

Эй, Катковъ! Ставь сюда качели, а ты сюда диванъ... гдѣ же веревки?

КАТКОВЪ.

Все есть.

ПРУТКОВЪ.

А что, господа, кто нынче пойдетъ къ Лежару?

ТОМСКІЙ.

Вотъ охота къ нему ходить! То ли дѣло у Гверры!

ЧИКАЛИНЪ.

Хорошъ вашъ Гверра!

ТОМСКІЙ.

Да разумѣется получше вашего Лежара.

КАТКОВЪ.

Помилуйте, у Гверры разнообразіе, искусство въ высшей степени.

ЧИКАЛИНЪ.

А у Лежара все щегольски, ловко! Даромъ, что конюшня, а точно въ гостиной; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется!

ТОМСКІЙ.

Славный у васъ вкусъ!

ЧИКАЛКИНЪ.

Что вы подъ этимъ разумѣете?

ТОМСКІЙ.

Я говорю: хорошъ у васъ вкусъ!

ПРУТКОВЪ.

Помилуйте, господа, какъ можно спорить изъ пустяковъ!

ЧИКАЛКИНЪ.

Ты за кого?

ПРУТКОВЪ.

За Гверру. А ты?

ЧИКАЛКИНЪ.

За Лежара.

НѢКОТОРЫЕ.

Мы за Гверру!!..

ДРУГІЕ.

А мы за Лежара!...

№ 7.

ХОРЪ. *(Изъ Нормы)*.

1-я половина:

Гверра, Гверра!
О! сколько въ Гверрѣ жара!
Тонъ, манера,
Почище онъ Лежара!

2-я половина:

Гверра! Гверра!
Лежаръ милѣе намъ!
Что у Гверра?
Мы не бываемъ тамъ!

КРУТКОВЪ.

Тсъ!... по мѣстамъ!... За дѣло, господа, непріятель приближается! (*Всѣ начинаютъ присѣдать, выворачивая ногами и дѣлая разныя тѣлодвиженія.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и БОЧКОВЪ.

БОЧКОВЪ (*въ курткѣ*).

Чортъ побери, страшно! Такъ по кожѣ и подираетъ!...

КРУТКОВЪ.

Господа, позвольте представить вамъ новаго товарища.

ВСѢ, (*не переставая кривляться и прыгать*).

Очень пріятно.... имѣемъ честь.... очень пріятно.

БОЧКОВЪ (*дрожитъ всѣмъ тѣломъ*).

Господа, имѣю честь рекомендоваться.... Уфъ!... что-то со мной будетъ!... Если бъ я только зналъ, гдѣ Хрисанфъ Карповичъ! А, Хрисанфъ Карповичъ!

ШИЛОВЗОРЪ *(за сценой).*

Не слышу!

БОЧКОВЪ.

Какъ не слышишь? гдѣ ты? Поди сюда!

ШИЛОВЗОРЪ *(за сценой).*

Не слышу!

БОЧКОВЪ.

Полно шутить. Поди хоть къ своей невѣстѣ.

ШИЛОВЗОРЪ *(за сценой).*

Не слышу!

БОЧКОВЪ.

Ахъ, ты, Господи, что съ нимъ сдѣлалось?

ПРУТКОВЪ.

Ну, почтеннѣйшій, пора приняться за леченіе. Катковъ, сюда. (*Смирный исполняетъ всѣ приказанія за Каткова.*) Нагнитесь! хорошо; Катковъ, Московскаго киселя! Вотъ такъ! (*Бочкова бьютъ, какъ слѣдуетъ по правиламъ гимнастики.*)

БОЧКОВЪ *(вытягивается).*

Ахъ, батюшки!...

ПРУТКОВЪ.

Стойте же. (*Колотитъ Бочкова въ двѣ руки.*)

БОЧКОВЪ *(кряхтитъ).*

Уфъ!... уфъ!...

ПРУТКОВЪ.

Stop!... еще!... Stop!... еще!... Stop!... довольно!

БОЧКОВЪ.

Ну, ужъ мученье!...

ПРУТКОВЪ.

Теперь прыганье, господа. Катковъ, веревку! По очереди, господа! (*Всѣ прыгаютъ.*) хорошо; гните колѣна.... за вами очередь, почтеннѣйшій!

БОЧКОВЪ.

Помилуйте, батюшка, гдѣ мнѣ....

ПРУТКОВЪ.

Ничего, не стыдитесь, не бойтесь. (*Бочковъ добѣгаетъ до веревки и назадъ.*) Не хорошо.... сначала. Ну!

БОЧКОВЪ.

Ахъ, ты Господи! (*Перепрыгиваетъ черезъ веревку и падаетъ.*) Господи, помилуй меня грѣшнаго!

ПРУТКОВЪ.

Довольно; хорошо!

БОЧКОВЪ, (*вставая съ трудомъ*).

Ну, ужъ, батюшка, одолжилъ!

ПРУТКОВЪ.

Катковъ, палокъ!

КАТКОВЪ.

Сію минуту!

БОЧКОВЪ (*въ большомъ испугѣ*).

Какъ?!!.. что?!.. палокъ?!.. Помилуйте, сжальтесь на первый разъ.... явите Божескую милость....

ПРУТКОВЪ.

Нельзя!... нельзя! Порядокъ леченія.... Садитесь!

БОЧКОВЪ.

Господи, что еще будетъ?

ПРУТКОВЪ.

Другаго еще.... вотъ такъ! (*Бочкова бьютъ по ногамъ двое.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и МИЛОВЗОРЪ (*съ бутылкой. Онъ въ бумажномъ колпакѣ и окутанъ простыней*).

МИЛОВЗОРЪ.

Бppъ!... Это, что такое? Сумашедшій домъ, что-ли? Ужъ, не ошибся ли я?

БОЧКОВЪ.

Ай, ай!... Ахъ, батюшки мои! Ба, ба!... Это никакъ Хрисанфъ Карповичъ!... Какъ нарядился!... Ужъ, не съ ума-ли онъ сошелъ?... Отцы родные! погодите немножко!... Что ты дѣлаешь.... Хрисанфъ Карповичъ?

МИЛОВЗОРЪ.

Лечусь, какъ видите. А вы что?

БОЧКОВЪ.

Ай, ай, ай!... Меня, братецъ, лечатъ.

МИЛОВЗОРЪ.

Ну, какъ вамъ не стыдно, этакъ лечиться?... Вотъ другое дѣло мое леченье....

КОЧКОВЪ.

Нѣтъ, врешь, сударь, мое леченіе лучше!

ШИЛОВЗОРЪ.

Нѣтъ, мое лучше. Развѣ вы пользу чувствуете?

КОЧКОВЪ.

Ой, батюшки!... Ой!

ШИЛОВЗОРЪ.

Докторъ! Гдѣ же докторъ?

ПРУТКОВЪ.

А, это вы? развѣ ужъ прошелъ часъ?

ШИЛОВЗОРЪ.

Прошелъ.

ПРУТКОВЪ.

Вы выпили все?

ШИЛОВЗОРЪ.

Половину.

ПРУТКОВЪ.

Пейте залпомъ все.

ШИЛОВЗОРЪ.

Не могу!

ПРУТКОВЪ.

Надо.

ШИЛОВЗОРЪ.

Ну, такъ и быть! (*Пьетъ.*) Что такое?... въ головѣ закружилось.... ай да, новое леченье!... Ай да докторъ!... Три дера дера дра!... (*Начинаетъ плясать.*)

ПРУТКОВЪ.

Катковъ, качели!

КАТКОВЪ.

Готово-съ.

ПРУТКОВЪ.

Пожалуйте, почтеннѣйшій!

БОЧКОВЪ.

Что вы хотите со мной дѣлать? Повѣсить, что-ли?

ПРУТКОВЪ.

Нѣтъ, только такъ.... это очень пріятно.... послѣ будетъ и аппетитъ, и сонъ, и поправитесь.

БОЧКОВЪ.

Помилуйте.... кажется.... я ужъ совсѣмъ здоровъ.... такъ есть хочется, что ужасъ! Право, вы бы отпустили меня!

ПРУТКОВЪ.

Нельзя, нельзя!... Нутка, руки пожалуйте. (*Бочкова привязываютъ руками къ одному рычагу вѣсовъ, за другой тянутъ нѣсколько дюжихъ мужиковъ.*)

ПРУТКОВЪ.

Нутка, ребята, качайте его теперь хорошенько. (*Его качаютъ.*)

БОЧКОВЪ.

Караулъ! Караулъ! Спасите! Спасите! Хрисанфъ Карповичъ! Выручи голубчикъ!

ШИЛОВОРОТЪ.

Хе, хе, хе!... Хорошенько его, стараго скрягу!... не лѣнитесь, на водку дамъ! Дайте только жениться, я ужъ покажу себя!...

БОЧКОВЪ.

Что? Что?

ШИЛОВОРОТЪ.

Имѣнье хорошее.... а онъ скупъ, господа, собака.... дайте жениться, а ужъ угощу я васъ на его денежки!...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, ШАМШАЕВЪ и МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

БОЧКОВЪ.

А, вотъ ты какой, голубчикъ! Не быть Машенькѣ за тобой!

ШИЛОВОРОТЪ.

Врешь!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Боже мой! Что вы дѣлаете съ бѣднымъ папенькой!

КРУТКОВЪ.

Не безпокойтесь; мы лечимъ его.

БОЧКОВЪ.

Я совсѣмъ здоровъ.... пустите....(*Узнавъ Смир-*

наго, переодѣтагѣ Катковымъ.) Ба! ба! это переодѣтый мошенникъ!... Аркадій Яковлевичъ! Злодѣи!...

ШАМШАЛОВЪ.

Старый пріятель! Если не хочешь отдать дочь за Хрисанфа Карповича, отдай ее за другаго.

БОЧКОВЪ.

За кого хочешь, только пустите!

СМИРНЫЙ.

Благословите насъ, Семенъ Семеновичъ.

ШАМШАЛОВЪ.

Вѣдь онъ мой племянникъ, благословляй!

БОЧКОВЪ, *(дергая ногами)*.

Благословляю, только пустите.

ПРУТКОВЪ.

Опускайте!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Папенька!

СМИРНЫЙ.

Семенъ Семеновичъ!

МИЛОВЗОРЪ.

А я то, что же?... Помилуйте, какъ?...

БОЧКОВЪ.

Убирайся вонъ! Ступай лечись у этого профессора.... (*Показываетъ на Пруткова.*)

МАШКАКОВЪ.

Какой онъ профессоръ? Онъ здѣшній шалунъ — Прутковъ. Здѣсь есть профессоръ прекрасный и образованный человѣкъ, всѣми уважаемый и любимый; но онъ, братецъ, къ тебѣ не придетъ.

БОЧКОВЪ.

Такъ ты меня морочилъ, бездѣльникъ?

ПРУТКОВЪ (*на колѣнахъ*).

Повинную голову и мечь не сѣчетъ. Вы безъ меня бы дочь свою погубили!

БОЧКОВЪ.

И то правда. Пусть же этотъ пьяница лечится у тебя, сколько душѣ угодно; съ меня довольно этой гимнастики.... уфъ!... Нѣтъ, знаешь ли, Машенька, что?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Что, папенька?

БОЧКОВЪ.

Я думаю, ужъ не хватить ли мнѣ, просто, магнетизма?

№ 8.

Отхлопали довольно
Насъ съ ногъ до головы!
Чтобъ не было намъ больно
Похлопайте жъ и вы!
Гимнастика, вѣдь, чудо,
Наука изъ наукъ!
Займитесь-ка покуда:
Гимнастикой для рукъ!

ДАГЕРРОТИПЪ,

или

ЗНАКОМЫЯ ВСЕ ЛИЦА.

Оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АППОЛОНЪ МЕРКУРЬИЧЪ АЗОТИНЪ, содержатель дагерротипнаго заведенія.
АЛЕКСѢЙ МАРТЫНЫЧЪ СВОРИНЪ, помѣщикъ.
МАШЕНЬКА, его дочь.
ПЕТРЪ АНТОНОВИЧЪ ШТУКАРЕВИЧЪ, Петербургскій стряпчій.
ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА, его жена.
МАРФА САВИШНА БАРБАРИГИНА, помѣщица, сосѣдка СВОРИНА по имѣнію.
СБОРСКІЙ, ея племянникъ.
ШМИТЪ, ШУЛЬЦЪ, } Петербургскіе Нѣмцы.
ЕЛИЗАРЪ ТЕРЕНТЬИЧЪ ПУДОВИКОВЪ, купецъ.
ПРАСКОВЬЯ ТАРАСЬЕВНА, его жена.
МАРФУША, ВАНЮША, ПАРАША, СЕРЕЖА и АЛЕША. } дѣти ихъ.
Помощникъ АЗОТИНА.
ФИЛЬКА, слуга БАРБАРИГИНОЙ.
Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Сцена раздѣлена на двѣ комнаты: въ одной пріемная, окно съ занавѣской и входная дверь, порядочная мебель; на мольбертѣ большая чорная доска, на которой развѣшаны дагерротипы въ рамкахъ разной величины, другая комната представляетъ мастерскую, тутъ стоятъ два дагерротипныхъ аппарата, квадратные ящики съ мѣдными трубами, одинъ большой, другой поменьше; посреди стоитъ одно кресло; подлѣ него столикъ, покрытый сукномъ; позади кресла желѣзный прутъ съ полукруглымъ обручемъ для головы; дверь, раздѣляющая двѣ комнаты, завѣшана сукномъ; окно, дверь и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЗОТИНЪ *(смотритъ въ дагерротипный аппаратъ, голова его покрыта чорнымъ сукномъ).* ПУДОВИКОВЪ *(съ женой и съ дѣтьми сидитъ въ группѣ.)* АЗОТИНЪ *(нѣсколько разъ подходитъ къ нимъ и поправляетъ позы, потомъ опять смотритъ.)* ШМИТЪ и ШУЛЬЦЪ *(сидятъ въ пріемной и ждутъ очереди).*

АЗОТИНЪ.

Не шевелитесь, не шевелитесь, пожалуйста. Такъ, кажется, будетъ хорошо.

ПУДОВИКОВЪ.

А позвольте, сударь мой, полюбопытствовать: эвта механика аглецкая будетъ, али французская?

АЗОТИНЪ.

Французская.

ПУДОВИКОВЪ.

Такъ-съ.... видно, что заморская. Изволите видѣть, какая аккуратная штука.

АЗОТИНЪ

Останьтесь же такъ, какъ я васъ усадилъ..... я сейчасъ принесу доску. (*Уходитъ.*)

ЖЕНА (*боязливо*).

Терентьичъ, а Терентьичъ!

ПУДОВИКОВЪ, (*нешевелясь*).

Ну?

ЖЕНА.

Мнѣ что-то боязно.... ужъ нѣтъ ли тутъ какого бѣсовскаго навожденія.... кажись что-то не просто.

ПУДОВИКОВЪ.

Прошу васъ, Тарасьевна, держать языкъ за гортанью, просто сказать, какъ слѣдуетъ. Ужъ коли вашъ хозяинъ тутъ сидитъ, такъ вамъ разговаривать нечего. Поумнѣе насъ съ вами эвти дѣла-то выдумываютъ. Тутъ, изволишь видѣть, разсчетъ, матушка: въ прежнее-то время кажинаго по одиночкѣ малюютъ.... Мажутъ, мажутъ, бывало двѣ недѣли, да еще того гляди, рожа-то выйдетъ словно тыква съ бородой, а теперь все за разъ порѣшатъ.... Жаль только, что Андрюху прикащика не прихватили, въ счетъ бы пошелъ.... Извѣстно, гуртомъ дешевле....

ВАНЮША.

Тятенька!... а эта пушка не стрѣльнетъ?

ПУДОВИКОВЪ, (*гладя его по головѣ*).

Небось, небось, ничего не будетъ....

ЖЕНА.

Да, какъ же это дѣлается, Терентьичъ, я всё ума не приложу?

КУДОВИКОВЪ.

Какъ! Просто дѣлается.

ЖЕНА.

Какъ-же просто?

КУДОВИКОВЪ.

Эвто, сударыня моя, механика, внутри должно быть что нибудь такое особенное. Пружины, чай, работаютъ.... да впрочемъ не твое дѣло: сиди знай, вотъ тебѣ и вся механика! Что тутъ разсказывать.... Алешка! подбери ноги-то.... Марфушка, что ты кобянишься.... не шевели рукамъ, а ты мелюзга, что съежился?

ВАНЮША.

Да я боюсь....

КУДОВИКОВЪ.

А вотъ, какъ я тебѣ дамъ щелчка, такъ и будешь бояться.... бѣсенокъ этакой!

АЗОТИНЪ (*возвращается съ доской*).

Ну, теперь прошу сидѣть смирно, не шевелиться.... приготовьтесь.... я начинаю....

КУДОВИКОВЪ.

Слушаю, батюшка.... (*Бьетъ щелчкомъ сына.*) Вѣдь сказано чтобъ не шевелиться! (*Мальчишка громко плачетъ.*)

АЗЕРНИКЪ.

Что вы дѣлаете? Этакъ нельзя!

ПУДОВИКОВЪ (*сыну*).

Ну, полно, полно, перестань.... Что тебя щелчкомъ-то перешибли, что-ли? Перестань, говорятъ, нето высѣку, право высѣку!

ЖЕНА (*скороговоркой*).

Ахъ, Терентьичъ, не грѣхъ ли тебѣ.... и въ чужомъ мѣстѣ, какъ у себя: все этакое непріятное.

ПУДОВИКОВЪ.

Ну, еще ты тутъ!...

ЖЕНА.

Да какъ же, помилуй скажи.... Родное дѣтище ни почемъ.... озарникъ этакой.

ПУДОВИКОВЪ.

Ну, ну, баба, пошла молоть свое!

ЖЕНА.

Своей утробы не жалѣешь....

ПУДОВИКОВЪ.

Да что ты ко мнѣ съ указкой, что-ли лѣзешь.... Вѣдь я не посмотрю, что въ гостяхъ.

ЖЕНА.

Какъ бы не такъ.... здѣсь, вѣдь драться-то не позволятъ.

ПУДОВИКОВЪ.

Эй, берегись.... какъ встану, такъ плохо будетъ!

АЗОТИНЪ.

Да, перестаньте, пожалуйста!

ЖЕНА.

Сидимъ, батюшка, сидимъ.

АЗОТИНЪ.

Ну, смотрите же.... я начинаю.... Разъ, два, три.... (*Открываетъ трубу и смотритъ на часы*).

ШМИТЪ (*въ другой комнатѣ*).

Это ошень карошій здѣсь мастеръ.

ШУЛЬЦЪ.

О, да!... А ви тоже желаетъ портретъ вамъ достать?

ШМИТЪ.

Да, я по этому здѣсь приходилъ, но только однако боюсь, что долго дожидаться будетъ.

ШУЛЬЦЪ.

О, нѣтъ, ви видать что скоро готово сдѣлается.

АЗОТИНЪ (*закрываетъ*).

Готово!

ШУЛЬЦЪ.

Слышите? (*Всѣ бросаются къ Азотину*).

ВСѢ.

Позвольте посмотрѣть.

АЗОТИНЪ.

Нельзя-съ. Не трогайте, не трогайте! Приходите завтра, онъ въ 10 часовъ будетъ совершенно готовъ. (*Идетъ.*)

ПУДОВИКОВЪ.

Слушаемъ-съ. (*Останавливая его.*) Позвольте, позвольте, батюшка, какъ же на счетъ разсчету-то.

АЗОТИНЪ.

Завтра, завтра, какъ получите портретъ.

ПУДОВИКОВЪ.

Да хоть задатку не оставить ли.

АЗОТИНЪ.

Не надо!

ПУДОВИКОВЪ.

Это для насъ ничего не значитъ—пустое дѣло.

АЗОТИНЪ.

Нѣтъ, не нужно, не нужно! (*Уходитъ.*)

ПУДОВИКОВЪ.

Ну, какъ угодно будетъ.... для насъ все единственно. Ну, полноте, полноте баловать.... Сказано, чтобъ рукамъ не трогать.... Ну, проваливай Тарасьевна... Прощенья просимъ.... Ступайте, ступайте.... Сказано, такъ и довольно съ васъ. (*Уходятъ.*)

ШМИТЪ.

Что меня больше всего наудивляетъ какъ шеловѣкъ до такая тонкая наука посредствомъ доходитъ можно будетъ.

ШУЛЬЦЪ.

Да, вы имѣете совсѣмъ справедливость. Мы всѣ жить въ такая столѣтія, што никакая штука удивленья неданополучать.

ШМИТЪ.

Да-съ, вотъ, я вамъ хочу сказывать: у меня есть одинъ дружный пріятель, зубной врачь Зангейгеймъ, онъ такія зубы повыдумалъ, что просто всѣ ротъ разѣвалъ.

ШУЛЬЦЪ.

О, да, да, да; вотъ напримѣръ тоже воздухной баллонъ.... славный штукъ.... Такъ можно таперича надувать, что ошень далеко уходить мошно. Нынѣшнее лѣто на Петергофской дорога—даже на живая козла летать хотѣли, но козла не соглашался, она говорилъ это совсѣмъ не моя дѣла! Ха, ха, ха!...

ШМИТЪ (*смѣется*).

Да-съ, я слыхалъ. А позвольте васъ спрашивать! вы Русскій?

ШУЛЬЦЪ.

О, нѣтъ....

ШМИТЪ.

А, конешно, иностранецъ?

ШУЛЬЦЪ.

Да, иностранецъ,... а вы должна быть Русскій?

ШМИТЪ.

Нѣтъ-съ, я не здѣшній.

ШУЛЬЦЪ.

То-то мнѣ касалось ... у васъ какая занятья?

ШМИТЪ.

Я колбасныхъ дѣлъ мастеръ.... А, вы?

ШУЛЬЦЪ.

Я.... булошникъ.....

ШМИТЪ.

Ви откудова сюда пріѣхалъ?

ШУЛЬЦЪ.

Съ Рига.

ШМИТЪ.

А! я тоже съ Рига.

ШУЛЬЦЪ.

А! такъ мы съ вами земляники, выходитъ!

ШМИТЪ.

Да-съ.... совсѣмъ землянки... Ви, вѣрно, Нѣмецъ?

ШУЛЬЦЪ.

Да, да, Нѣмецъ....

ШМИТЪ.

Ja, wir sind also Landsleute.

ШУЛЬЦЪ.

Aber freilich!

ШМИТЪ.

Nun denken Sie sich....

ШУЛЬЦЪ.

Wer hätte das geglaubt!

ШМИТЪ.

Sie sind ja aber ein so ausserordentlicher Russe..

ШУЛЬЦЪ.

Ich habe Sie auch für einen Russen gehalten.

ШМИТЪ.

Ist es möglich! Ihren werthen Namen, wenn ich fragen darf?

ШУЛЬЦЪ.

Ich heisse Schultz. Und Sie mit Erlaubniss?...

ШМИТЪ.

Mein Name ist Schmid... Freut mich ungemein. Sie sind doch mit Meyersdorn bekannt?

ШУЛЬЦЪ.

Mit Meyersdorn?... Warten Sie... Nein! dem Meyersdorn bin ich nicht bekannt.

ШМИТЪ.

Aber mit dem Buttersdorf?

ШУЛЬЦЪ.

Mit dem Buttersdorf? Nein, den kenn ich auch nicht....

ШМИТЪ.

Gewiss müssen Sie ihn kennen.

ШУЛЬЦЪ.

Nein, da kenne ich eher den Meyersdorn!

ШМИТЪ.

Ist wohl möglich.... Nein aber wie ich mich doch freue Sie kennen gelernt zu haben.

ШУЛЬЦЪ.

Ich hoffe dass Sie nicht dabei bewenden werden lassen.... Ich wohne in der Erbsen-Strase bei der Steinernen Brücke....

ШМИТЪ.

Und ich bei dem Heumarckt.

ШУЛЬЦЪ.

Nun denken sich mal.... Es ist ja ganz prächtig... Wir sind ja Nachbarn....

ШМИТЪ.

Ich hoffe das Sie mich freundlich besuchen werden?

ШУЛЬЦЪ.

Oh! gewis. Wenn zufällig Ihnen ein Glas Bier, eine kleine Partiechen nicht zuwider sind, so finden Sie mich um 2 Uhr Nachmittags zu Hause....

ШМИТЪ.

Ganz herrlich. Sind Sie ein Freund vom Rauchen?

ШУЛЬЦЪ.

Das glaube ich. Spielen Sie Kegeln?

ШМИТЪ.

Leidenschafftlich!

ШУЛЬЦЪ.

Oh, wir werden dann Bufenfreunde werden!

№ 1.

(Дуэтъ изъ Фенеллы).

Mir ist am Leben nichts mehr bitter!
Ein theurer Landsmann treff' ich hier!
Wir gehen hurtig zum Konditor,
Und trinken freundlich ein Glas Bier!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и АЗОТИНЪ (съ пластинкой, которую онъ натираетъ длинной узенькой дощечкой.

АЗОТИНЪ.

Ужъ вы, господа, пожалуйста, извините; мнѣ сегодня нѣкогда съ вами заняться. Я жду къ себѣ одну даму.

ШМИТЪ и ШУЛЬЦЪ.

Ну, ничего, ничего, мы завтра приходилъ!..... (*Повторяютъ дуетъ и уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

АЗОТИНЪ (*одинъ*).

Вотъ ужъ 12 часовъ.... что жъ она не ѣдетъ..... Ничего нѣтъ несноснѣе, какъ возиться съ дамами... назначутъ часъ и непремѣнно опоздаютъ.... Сдѣлаешь портретъ на славу, всѣ черты какъ въ зеркалѣ, нѣтъ, говорятъ, не похожъ—слишкомъ старообразо! И на меня же сердятся, какъ будто я виноватъ, что дагерротипъ никому не льститъ.

№ 2.

Отъ дамскихъ вычурныхъ нападокъ,
Нашъ братъ страдаетъ не одинъ,
То въ платьѣ слишкомъ мало складокъ,
То много на лицѣ морщинъ.
То талья чтобъ была поуже,
А остальное все вполнѣ,

У той претензія быть хуже,
При необъятной толщинѣ!
То для чего не скрылъ веснушекъ,
То взглядъ неясенъ, неоткрытъ,
На зрѣлыхъ дѣвъ, да на старушекъ,
И самъ Брюловъ не угодитъ,
Поди вотъ тутъ, возися съ ними,
Что день, — то новый трудъ погибъ;
Нельзя же всѣмъ быть молодыми, —
А виноватъ — дагерротипъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЗОТИНЪ и ПОМОЩНИКЪ его, съ ящичкомъ.

ПОМОЩНИКЪ.

Апполонъ Меркурьичъ, вы будете фиксировать давишній портретъ, съ горностаевой муфтой?

АЗОТИНЪ.

Нѣтъ, надо подождать...: эта дама сказала, что за портретомъ зайдетъ какой-то господинъ, она просила ему прежде показать.... Коммисія съ этими дамами.... Я такъ къ нимъ пригдядѣлся, что съ перваго взгляда узнаю, понравится ли ей портретъ. Иная, что войдетъ въ двери, то такъ и хочется сказать: оставьте меня пожалуйста, въ покоѣ!... (*Звонокъ.*) Вотъ звонятъ... кѣмъ-то Богъ порадуетъ? (*Глядитъ въ двери.*) Ну, дама! Новое лицо! Старая исторія... Приготовьте три пластинки, съ этой физіогноміей съ одного разу ничего не сдѣлаешь!

времени постарѣла.... Повѣрите ли батюшка, (*Плачетъ.*) мало у кого было столько горя, какъ у меня.

АЗОТИНЪ.

Извините, сударыня.... я васъ не понимаю.

БАРБАРИГИНА.

Какъ, батюшка, не понимаете! Коли все разсказать, такъ ужасти! Изволите видѣть, какъ я шла за-мужъ, за мной было 200 душъ крестьянъ; да что за крестьяне, батюшка,... какія угодья! все за-даромъ пошло, за одну пустошь 10 т. давали, да однихъ тряпокъ-то сундуковъ шесть было; мѣховъ сколько; салопъ чернобурой лисицы, палатинъ соболій, жемчугу двѣ нитки,... все погибло. (*Плачетъ.*) Мужъ покойникъ все промоталъ. Я, батюшка, по мужѣ Барбаригина, можетъ быть слыхали?

АЗОТИНЪ.

Нѣтъ-съ, не слыхалъ.

БРАБАРИГИНА.

Вѣрно слышали.... онъ былъ въ Уѣздномъ Судѣ тѣмъ.... Какъ бишь это прежде называли.... теперь этотъ чинъ иначе называется.... Вотъ-съ, батюшка, послѣ его осталось только одно недвижимое, и то дальній родственникъ, седьмая вода на киселѣ, оттягиваетъ.... (*Плачетъ.*) Ну, гдѣ мнѣ, беззащитной вдовѣ управиться; дѣтей нѣтъ, всего одинъ племян-

никъ, да и тотъ уговариваетъ помириться, потому что у него, изволите видѣть, свои виды, а не то, чтобъ подумать о бѣдной сиротѣ.... Онъ служитъ въ этомъ мѣстѣ.... какъ бишь его.... оно еще на этой улицѣ.... на Гороховой, или на Садовой.... тутъ еще большой домъ съ колоннами, того.... какъ бишь его фамилія.... Онъ еще приходится своякъ тому, который.... знаете....

АЗОТИНЪ.

Позвольте, вѣдь вы начали о портретѣ?

БАРБАРИГИНА.

Да, батюшка.... я вѣдь объ немъ то вамъ и говорю.... Вотъ-съ, какъ я пріѣхала въ Петербургъ, мнѣ и рекомендовали одного стряпчаго.... Такой говорятъ дока.... какъ бишь его фамилія.... онъ живетъ вотъ тутъ.... гдѣ-то.... подлѣ какихъ-то казармъ.... Какъ этотъ полкъ называется.... съ краснымъ воротникомъ!...

АЗОТИНЪ.

Какой же величины вамъ угодно портретъ?

БАРБАРИГИНА.

А вотъ сейчасъ, батюшка. Мальчикъ! Филька! Подай сюда мой портретъ! (*Филька, старый лакей, приноситъ одинъ огромный портретъ и два другихъ поменьше*).

АЗОТИНЪ.

Какъ-съ, этакой?

БАРБАРЙГИНА.

Нѣтъ, это я вамъ на образчикъ привезла. Это въ Саратовѣ Нѣмецъ писалъ; хорошая работа, да ужъ наряды нынче не тѣ.... Губернаторъ копію просилъ, такъ мужъ не далъ.... а за чѣмъ? Богъ знаетъ! Совершенно напрасно клевета была, батюшка, право, клевета, я бы сказала. Вотъ еще два портрета водяными красками, которые писалъ дворовый человѣкъ нашихъ сосѣдей по деревнѣ, можетъ быть изволите знать, Сидоровы.... Вѣрно знаете, старшая дочь живетъ здѣсь въ Петербургѣ; она была замужемъ, за однимъ чиновникомъ, который еще подъ судъ попался.... вѣрно слышали, какъ бишь его....

АЗОТИНЪ *(въ сторону)*.

О, Боже мой, Боже мой! Вотъ пытка-то! (*Ей.*) Что же вамъ наконецъ, сударыня, угодно?

БАРБАРЙГИНА.

А вотъ, что батюшка, чтобы вы съ этихъ и портретовъ и съ меня, сдѣлали одинъ портретъ.

АЗОТИНЪ.

Вотъ выдумала штуку! Сударыня, я не пишу портретовъ; я снимаю дагерротипы.

БАРБАРЙГИНА.

Понимаю, понимаю, я этого-то и прошу.... Вотъ вы

какъ сдѣлайте: отсюда возьмите талію и носъ, отсюда подбородокъ, отсюда ротъ.... а глаза, пожалуй, могутъ остаться мои собственные.... Понимаете?

АЗОТІНЪ.

Помилуйте, сударыня, вы требуете невозможнаго!

БАРБАРІГІНА.

Отъ чего же? Что-жъ тутъ мудренаго? Какъ это вы меня не понимаете?

АЗОТІНЪ.

Напротивъ, сударыня, вы меня не изволите понимать....

БАРБАРІГІНА.

Нѣтъ, батюшка, ужъ вы мнѣ не отказывайте. Грѣшно вамъ не потѣшить горемычную, беззащитную вдову. (*Плачетъ.*) Вотъ до чего дожила.... никто угодить не хочетъ.... Всѣ идутъ на перекоръ.... отъ всѣхъ терпишь притѣсненія!

АЗОТІНЪ.

Позвольте, я долженъ вамъ объяснить, что дагерротипы дѣлаются, посредствомъ химическаго процесса и дневнаго свѣта.

БАРБАРІГІНА.

Охъ, ужъ вы мнѣ не говорите объ процессѣ, я бы отъ него, проклятаго, и на свѣтъ не глядѣла. Ви-

дите изъ чего у насъ вышло дѣло съ Алексѣемъ Мартыновичемъ; онъ, изволите видѣть, — собачникъ! И нравъ-то у него такой, что готовъ ни за что всякаго облаять.... ужъ я вѣдь напрасно не стану говорить....

АЗОТИНЪ.

Извините, сударыня, мнѣ теперь, ей Богу, нѣкогда.... Если-бъ вы заѣхали часа черезъ два.... я готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно.

БАРБАРИГИНА.

Хорошо, батюшка, хорошо.... мнѣ и самой, признаться, нѣтъ времени много разговаривать.... надо побывать у того Стряпчаго.... который взялся за мое дѣло....

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и СБОРСКІЙ.

СБОРСКІЙ.

Ихъ нѣтъ еще.... ай, тетушка!

БАРБАРИГИНА.

Ба! племянникъ!... Вотъ, батюшка, это мой племянникъ, о которомъ я вамъ говорила.... Добрый малый, да только вѣтренъ немножко.... онъ здѣсь воспитывался.... въ томъ заведеніи.... какъ бишь оно называется....

СБОРСКІЙ (*въ сторону*).

Надо ее отсюда поскорѣй выпроводить.... они сейчасъ будутъ. Тетушка, вѣдь я сію минуту отъ васъ.... васъ дожидается тотъ стряпчій, что къ вамъ ѣздитъ....

БАРБАРИГИНА.

Неужели? А я къ нему собиралась.... вотъ спасибо тебѣ, а то бы понапрасну проѣхалась.... онъ чудесный человѣкъ; такой, говорятъ, дѣловой.... Онъ женился третьяго года, на этой, какъ бишь ее....

СБОРСКІЙ.

Тетушка, ступайте скорѣе.... онъ ужъ давно дожидается.

БАРБАРИГИНА.

Иду, батюшка, иду. Такъ портреты то я у васъ оставлю.... я послѣ за ними заѣду.... Прощайте, батюшка, прощайте! (*Идя.*) Вотъ все самой надо хлопотать.... все самой.... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

АЗОТИНЪ и СБОРСКІЙ.

АЗОТИНЪ.

Ну, слава Богу! Насилу-то ушла! (*Ему.*) Вамъ также угодно заказать свой портретъ?

СБОРСКІЙ, *(не слушая его).*

Какъ бы это сдѣлать?

АЗОТИНЪ.

Какой вамъ угодно.... для меня все равно.

СБОРСКІЙ.

Что-съ? Что вы говорите?

АЗОТИНЪ.

Вамъ угодно имѣть вашъ портретъ?

СБОРСКІЙ.

Что-съ? какой портретъ....

АЗОТИНЪ.

Вашъ портретъ....

СБОРСКІЙ.

Да-съ, совершенная правда.... конечно, только не теперь.... я васъ послѣ попрошу.... (*Въ сторону.*) ну, если они не будутъ?...

АЗОТИНЪ *(въ сторону).*

Что съ нимъ?... онъ, кажется, въ тетушку.... такой же толковый.... Извините, мнѣ нѣкогда....

СБОРСКІЙ.

Сдѣлайте одолженіе.... не безпокойтесь.... я васъ

не удерживаю. (*Садится.*) Я жду сюда одного моего знакомаго....

АЗОТИНЪ.

Вашего пріятеля?

СБОРСКІЙ.

Пріятеля.... да-съ.... т. е. нѣтъ, не пріятеля.... совсѣмъ не пріятеля.... онъ меня терпѣть не можетъ, потому что она мнѣ тетушка, а я ея племянникъ.... я племянникъ моей тетушки, а тетушка съ нимъ въ ссорѣ.... Вы понимаете, что я тутъ ничѣмъ невиноватъ, я просто страдательное лице.... Вѣдь это ни на что не похоже, не правда ли? Вѣдь если вамъ разсказать, такъ вы не повѣрите.... Человѣкъ упрямый, безтолковый....

АЗОТИНЪ.

Такъ за чѣмъ же вы его дожидаетесь?

СБОРСКІЙ.

Да я его вовсе не дожидаюсь.... я бы, напротивъ, не хотѣлъ съ нимъ встрѣчаться.... просто, никогда бы не хотѣлъ видѣть.... (*Звонокъ.*) А, наконецъ! вотъ они! Сердце такъ бьется, что вотъ просто жилетъ лопнетъ. (*Суетится.*)

АЗОТИНЪ.

Куда же вы?...

СБОРСКІЙ.

Не обращайте на меня вниманія, я вамъ не мѣшаю... Ступайте куда угодно, я васъ не задерживаю.

АЗОТИНЪ.

Фу! что это... у меня сего дня просто цѣлая коллекція сумасшедшихъ.... что-то будетъ дальше. (*Сборскій спрятался.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, СВОРИНЪ и МАШЕНЬКА.

СВОРИНЪ.

Ну, вотъ-съ и я по вашему приказанію, видите, какъ аккуратенъ... явился часомъ прежде. (*Показываетъ часы.*)

АЗОТИНЪ.

Ну, и этотъ хорошъ гусь.... часъ отъ часу не легче.

СВОРИНЪ.

Это дочь моя... честь имѣю рекомендовать. Вы и съ ее послѣ снимите.

АЗОТИНЪ.

Очень хорошо-съ... но такъ, какъ вы пожаловали ко мнѣ ранѣе, то прошу васъ позволить поскорѣе начать.... я ожидаю еще одну особу.

СБОРИНЪ.

Я не могу надивиться вашему изобрѣтенію...нѣтъ, скажите право—какъ оно пришло въ голову...одному человѣку. Какъ вы дошли до этого? Ты посмотри, Машенька, вѣдь это они все придумали... нельзя не подивиться.

АЗОТИНЪ.

Извините, я пойду приготовить доску. (*Выходитъ.*)

СБОРИНЪ.

Вотъ поди сюда, Машенька, вотъ его работа... Вотъ и у тебя будетъ такой-же....

МАШЕНЬКА, (*увидя Сборскаго*).

Ахъ!!

СБОРИНЪ.

Что ты, Машенька?

МАШЕНЬКА.

Ахъ, какъ это хорошо!

СБОРИНЪ.

Да ты хорошо ли видишь? надо съ боку....

МАШЕНЬКА.

Да, да, я съ боку-то и вижу.

СБОРИНЪ.

То-то же, прямо тутъ нельзя! Вѣдь какъ живо!

АЗОТИНЪ *(входитъ)*.

Пожалуйте! (*Приглашаетъ въ мастерскую.*)

СВОРИНЪ.

Пойдемъ, Машенька!

АЗОТИНЪ.

Нѣтъ, вы потрудитесь остаться. Вы будете батюшку развлекать.

СВОРИНЪ.

Да, ей безъ меня будетъ скучно.

МАШЕНЬКА.

Нѣтъ, нѣтъ, папенька; мнѣ скучно не будетъ.... здѣсь столько любопытнаго.

СВОРИНЪ.

Ну, ну, любуйся, любуйся.... здѣсь точно есть на что посмотрѣть.

АЗОТИНЪ.

Ну, пойдемте. (*Входятъ въ мастерскую, Азотинъ задергиваетъ у дверей занавѣску*).

СБОРСКІЙ *(подбѣгаетъ къ Машенькѣ)*.

Ахъ! какъ я счастливъ, Марья Алексѣевна, я васъ вижу! Могу говорить съ вами! Скажите, что моя судьба.... объяснились ли вы съ батюшкой?

МАШЕНЬКА.

Ахъ, наши дѣла идутъ дурно.... Съ тѣхъ поръ, какъ батюшка узналъ, что вы племянникъ Барбаригиной, и слушать не хочетъ.

СВОРСКІЙ.

Но онъ долженъ выслушать мое оправданіе.

МАШЕНЬКА.

Тише, тише, онъ услышитъ!

СВОРСКІЙ.

Скажите покрайней мѣрѣ....

МАШЕНЬКА.

Тсъ! говорите тише! (*Начинаютъ шептаться.*)

АЗОТИНЪ (*въ мастерской*).

Какъ же вамъ угодно сидѣть?

СВОРИНЪ.

На стулѣ, батюшка, на стулѣ....

АЗОТИНЪ.

Нѣтъ, я спрашиваю, какую позицію?

СВОРИНЪ.

Мнѣ все равно, батюшка, вы не безпокойтесь, я человѣкъ безъ церемоніи.

АЗОТИНЪ, *(подставляя ему кресла.)*

Покорнѣйше прошу.

СВОРИНЪ.

Ай, ай! что вы это съ затылкомъ-то дѣлаете?

АЗОТИНЪ.

Ничего, ничего, не безпокойтесь.... это для того, чтобъ голова не тряслась.... Теперь неугодно ли вамъ выбрать ваше обыкновенное положеніе.

СВОРИНЪ.

Обыкновенное.... знаете что: нельзя ли меня представить съ собакой.... у меня чудная собака... надо вамъ сказать, что я ужасный охотникъ.... Собака отличная! ее здѣсь нѣтъ, да это все равно: я вамъ разскажу какая она.... право стоитъ портретъ сдѣлать.

АЗОТИНЪ.

Помилуйте, съ животныхъ нельзя снимать дагерротиповъ; вѣдь они не могутъ не шевелиться.

СВОРИНЪ.

Правда, правда.... Нѣтъ, вы вотъ что мнѣ скажите пожалуйста: какъ вы дошли до этого... Какъ такая мысль можетъ прійти въ голову одному человѣку.

АЗОТИНЪ.

Да сидите, пожалуйста.... не шевелитесь....

СВОРИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ очень любопытно....

АЗОТИНЪ.

Сидите, ради Бога!

СВОРИНЪ.

Сижу, сижу.... Какъ такая мысль можетъ прійти въ голову одному человѣку.... удивительно, право!

АЗОТИНЪ.

Ну-съ, я начинаю.

СВОРИНЪ *(нюхаетъ табакъ).*

АЗОТИНЪ.

Помилуйте, что вы дѣлаете?

СВОРИНЪ.

Привычка, батюшка, не хотите-ли... (*Встаетъ.*)

АЗОТИНЪ.

Помилуйте, вы у меня доску испортили.

СВОРИНЪ.

Какую доску? Гдѣ? Я ничего не трогалъ.

АЗОТИНЪ.

Ахъ, Боже мой! Съ вами только время теряешь. (*Выходитъ.*)

СБОРИНЪ (*самъ съ собою*).

Непостижимо! Какъ такія мысли приходятъ одному человѣку въ голову!

СБОРСКІЙ (*въ другой комнатѣ*).

Такъ вы еще надѣетесь его упросить....

МАШЕНЬКА.

Да, да, я постараюсь, я даю вамъ слово....

СБОРСКІЙ (*цѣлуетъ ея руку*).

О, какъ мы будемъ счастливы!

МАШЕНЬКА.

Тсъ! Какъ вы неосторожны.

СБОРИНЪ (*встаетъ*).

Что тамъ; какъ будто чмокнуло! надо посмотрѣть. (*Идетъ къ двери.*)

АЗОТИНЪ (*входитъ изъ другихъ дверей*).

Опять встали! Что это вы не можете посидѣть на мѣстѣ! Вѣдь вы не одни у меня.... Сей часъ другіе прійдутъ.... Сидите, ради Бога.

СКОРИКЪ.

Виноватъ, виноватъ! Я только хотѣлъ взглянуть...

АЗОТИКЪ.

Что же вы хотите, чтобъ я и другую дощечку испортилъ... Послѣдній разъ вамъ говорю... Сидите смирно. Я сейчасъ открою....

СКОРИКЪ.

Удивительное открытіе! Скажите въ самомъ дѣлѣ, какъ вы дошли до этого.

АЗОТИКЪ.

Нѣтъ, вы меня измучите. Сидите, ради Бога, и смотрите сюда. Ну, приготовьтесь же.... Я начинаю. Разъ, два....

СКОРИКЪ *(чихаетъ)*.

АЗОТИКЪ.

Да, что жъ это такое? Не одно, такъ другое.

СКОРИКЪ.

Да, нельзя же, батюшка, вѣдь это натура! Это, вѣрно, отъ табаку.

АЗОТИКЪ.

Если вы не будете сидѣть, какъ надо, я все брошу.

СВОРИНЪ.

Хорошо, хорошо.

СБОРСКІЙ (*Машенькѣ*).

Ну, полноте, полноте, не сердитесь, это я такъ спросилъ..... Когда я съ вами, я все забываю..... (*Цѣлуетъ ей руку*).

АЗОТИНЪ.

Ну-съ.... я начинаю.

СВОРИНЪ (*вскакиваетъ*).

Нѣтъ! теперь ужъ я не ошибся! Тамъ цѣлуются!

АЗОТИНЪ.

Ахъ, Боже мой, вторую доску испортилъ.

СВОРИНЪ.

Нѣтъ, батюшка! вѣдь я отецъ.... Позвольте, позвольте. (*Отдергиваетъ занавѣсъ.*) Ба! что я вижу? Что вы это? Какъ вы смѣете.... Вѣдь вамъ сказано на-отрѣзъ, какъ же вы могли? Прекрасные дагерротипы!... А вы-то, милостивый государь, какъ позволяете.... На что же это похоже? Сиди, да сиди! Что-же вы меня въ дураки хотѣли посадить, что-ли? Сами изволили задернуть занавѣску, а тамъ вотъ какія представленія происходятъ.... Я вѣдь этого такъ не оставлю!... Я, сударь, буду жаловаться; этакъ съ отцомъ семейства не поступаютъ!

АЗОТИНЪ.

Да, позвольте....

СВОРИНЪ.

Нѣтъ, батюшка, я этого не позволю.... вѣдь это, съ позволенія сказать, непозволительно!

АЗОТИНЪ.

Да послушайте....

СВОРИНЪ.

Да развѣ я не слыхалъ?... первый разъ, мнѣ какъ будто послышалось, а во второй ясно слышалъ.... ужъ вы меня не разувѣрите!

АЗОТИНЪ.

Я вамъ говорю, что я этого господина вовсе не знаю.

СВОРИНЪ.

Какъ не знаете, коли онъ у васъ такъ своевольно распоряжается!

АЗОТИНЪ.

Помилуйте, въ мою мастерскую всѣ могутъ приходить....

СВОРИНЪ.

А, такъ это у васъ мастерская? Мастерская штука, нечего сказать! А ты, сударыня.... Какъ могла позволить?

МАШЕНЬКА.

Папенька!

СВОРИНЪ.

Что, папенька! теперь я все понимаю... то-то, ты мнѣ, и отдыха не давала...Возьмите, да возьмите...Ай,да, дагерротипъ! Просто свѣтопредставленіе; съ вами, сударь, я говорить не хочу! Вы подите обнимайтесь со своей тетушкой! Она ябедница, сутяга. Она хвалится, оттягать у меня Собачковскую пустошь.... нашла здѣсь, говорятъ, какого-то дѣльца.... да и у меня на дняхъ будетъ такой же хватъ. Мы ихъ стравимъ и посмотримъ чья возьметъ!... Впрочемъ это до васъ не касается, это дѣло постороннее.... а вотъ, какъ вы сюда-то забрались?... Съ этой минуты не смѣйте мнѣ на глаза попадаться.... не видать вамъ моей дочери, какъ ушей своихъ!

МАШЕНЬКА.

Папенька! Сжальтесь!

СВОРСКІЙ.

Алексѣй Мартынычъ! Не разлучайте насъ!

СВОРИНЪ.

И не говорите! Ничего слушать не хочу!

МАШЕНЬКА, *(упираясь на стулъ)*.

Ахъ, папенька, папенька!

СВОРИНЪ.

Что это? Ей, кажется, дурно. Вотъ прекрасно.... Въ чужомъ домѣ... на Невскомъ проспектѣ!!

СВОРСКІЙ (*бросается къ ней*).

Ей дурно! помогите!

СВОРИНЪ.

Подите прочь! не ваше дѣло!
(*Звонокъ.*)

АЗОТИНЪ.

Ай, кто-то пріѣхалъ!

СВОРИНЪ.

Ахъ, какой срамъ! Посторонніе люди... куда мнѣ съ ней дѣваться?...

АЗОТИНЪ.

Войдите, сюда, сюда.... (*Сворииъ и Азотинъ уводятъ Машеньку.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

СВОРСКІЙ (*одинъ*).

Боже мой! Боже мой! Что это за несчастіе! Изъ

какой-то Собачковской пустоши, люди разлучаютъ два нѣжныя сердца! О проклятая тяжба!

№ 3.

Ахъ, судьба на наше горе,
Тяжбу вздумала послать!
Тетка съ батюшкой въ раздорѣ,
А любовь должна страдать!
Маша! другъ! прости на вѣки....
Мы, ни дать ни взять, съ тобой:
Капулетти и Монтекки,
Жертва ссоры роковой!

АЗОТИНЪ *(входитъ)*.

Ахъ, Боже мой! Кого бы мнѣ послать въ аптеку.... Человѣкъ куда-то вышелъ, надо-бы взять поскорѣе Гофманскихъ капель....

СБОРСКІЙ.

Позвольте, я сбѣгаю.

АЗОТИНЪ.

Сдѣлайте милость. (*Опять уходитъ.*)

СБОРСКІЙ.

Бѣгу.... бѣгу!

ЯВЛЕНІЕ X.

СБОРСКІЙ и ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

А! какъ вы узнали, что я буду здѣсь?... Кто вамъ сказалъ?

СБОРСКІЙ *(въ сторону).*

Ну, попался!...

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Вы вѣрно бѣжали ко мнѣ на встрѣчу?

СБОРСКІЙ.

Нѣтъ-съ.... я...

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Отъ кого же вы узнали?

СБОРСКІЙ.

Ни отъ кого.... я здѣсь самъ по себѣ.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Вы сами догадались.... Вотъ это мнѣ нравится.... Это очень мило съ вашей стороны.... Хоть, признаться, я на васъ немножко сердита.... Вы такъ давно у насъ небыли... даже я слышала кое-что стороной.... Ну, да я ни чему не повѣрила, я знаю себѣ цѣну... Другихъ, какъ я, вы не много найдете въ Петербургѣ....

СБОРСКІЙ.

Конечно....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Отгадайте, за чѣмъ я сюда пріѣхала.

СВОРСКІЙ.

За дагерротипомъ?

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Въ медаліонѣ.... Да кому онъ назначается.... Вы не отгадываете?... а?

СВОРСКІЙ.

Какъ, неужели?...

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Я право не знаю, что вы со мною сдѣлали? Я еще такъ молода, такъ неопытна.... Откуда у меня берется такая храбрость?... Мужу я ничего не сказала. Мужъ мой такъ ревнивъ, такъ безтолковъ, что изъ бездѣлицы готовъ сдѣлать сцену.... Если бы онъ узналъ, что я для васъ.... Вы себѣ представить не можете какъ онъ подозрителенъ. Въ особенности онъ васъ терпѣть не можетъ.

СВОРСКІЙ.

Неужели?

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Но вы будьте покойны.... я ему сказала, что поѣхала къ старой теткѣ.... и онъ о портретѣ ничего не узнаетъ.... Скажите сами, виновата-ли я? Я на всѣхъ сошлюсь. Можно-ли довольствоваться такой жизнью? Мужъ мой цѣлый день возится съ тяжеб-

ными дѣлами.... Гдѣ ему понять.... это стремленіе.... которое для души.... вы понимаете.... это чувство, которое въ одиночествѣ.... наполняетъ душу.... такими.... высокими чувствами.... я думаю.... Вы одни только умѣли меня понять.

СБОРСКІЙ *(въ сторону).*

Какъ бы не такъ!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Что?

СБОРСКІЙ.

Совершенно такъ.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Ахъ, да! Я увѣрена. Вы одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ мущинъ, у которыхъ понятія высокія, неиспорченныя. Васъ не удивляетъ, что женщина можетъ слѣдовать влеченію своего сердца,—и завсѣмъ тѣмъ не забывать своихъ обязанностей!

СБОРСКІЙ.

О, да-съ, конечно.... Только вы мнѣ говорили, что вашъ мужъ такъ ревнивъ....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

№ 4

Мой мужъ ревнивъ, такъ что жъ, ему же хуже,
Пускай кричитъ и сердится не впрокъ,

Ну, стану ль я заботиться объ мужѣ.
Когда ему въ рукахъ моихъ урокъ.
Не устрашитъ меня его угроза,
Въ мои лѣта, съ восторженной душой,
Мнѣ надобно поэзіи живой....
А мужъ такая проза!...

Грустно, право, отъ чего это такъ почти всегда происходитъ. Мужа не любишь.... а другаго любить не позволяютъ....Не надо, не должно! Вотъ и живешь такъ, между долгомъ обязанности и влеченіемъ сердца!.... И жизнь такъ проходитъ. Счастлива та женщина, которая можетъ встрѣтить человѣка безкорыстнаго, какъ вы....

СБОРСКІЙ.

Помилуйте!...

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

И вотъ почему я вамъ назначила такую награду, которую, я увѣрена, вы съумѣете вполнѣ оцѣнить.... Я подарю вамъ свой портретъ.... и увѣрена....

СБОРСКІЙ (*въ сторону*).

Что за несчастіе!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Что вы говорите?

СБОРСКІЙ.

Какое счастіе.... я говорю... Я не знаю, какъ васъ благодарить. (*Въ сторону.*) Какъ бы мнѣ отъ нея отвязаться!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Но, что съ вами дѣлается.... Вы, какъ будто, не въ себѣ... Вы за меня боитесь... Не бойтесь! Повторяю вамъ: никто не узнаетъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и АЗОТИНЪ.

АЗОТИНЪ.

Мое почтеніе, сударыня... я давно васъ дожидаюсь....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Я, кажется, немножко опоздала?

АЗОТИНЪ (*въ сторону*).

Да, немножко... цѣлый часъ.... (*Ей.*) О, помилуйте, все равно, не извольте безпокоиться.

СБОРСКІЙ (*въ сторону*).

Вотъ удобная минута.... улизну отъ нея! (*Убѣгаетъ.*)

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Мнѣ бы хотѣлось поскорѣе....

АЗОТИНЪ.

О, въ полминуты все будетъ кончено.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Сборскій, пойдемте.... вы мнѣ посовѣтуете.... Гдѣ же онъ? Ахъ, какой онъ осторожный!

АЗОТИНЪ, *(отдергивая занавѣску).*

Я къ вашимъ услугамъ.... Покорно прошу! (*Она входитъ въ мастерскую.*) Садитесь пожалуйста!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Странно! Куда же это онъ....

АЗОТИНЪ, *(подставляя кресло.)*

Вотъ сюда-съ, покорно прошу.... Подождите только одну минутку... я приготовлю пластинку. (*Уходитъ.*)

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Куда, въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣвался? (*Идетъ посмотрѣть за занавѣску.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и ШТУКАРЕВИЧЪ.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Нѣтъ, чортъ возьми... я не ошибся! Этотъ Сборскій, онъ чуть меня съ ногъ не сшибъ на лѣстницѣ.... онъ вездѣ мнѣ перебиваетъ дорогу.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА *(въ другой комнатѣ.)*

Ахъ!... Это мой мужъ!... Я пропала!!...

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Онъ меня не узналъ, а это былъ точно онъ.... Противный франтикъ... вездѣ суетея.... но гдѣ же хозяинъ? (*Стучитъ о полъ палкой.*) Ей, есть ли тутъ живые люди?...

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Если онъ войдетъ сюда, что со мною будетъ!...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и СВОРИНЪ *(входитъ въ мастерскую)*.

СВОРИНЪ.

Ну, слава Богу.... Машенькѣ получше... гдѣ я здѣсь оставилъ мою табакерку....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Послушайте... кто бы вы ни были, вы должны спасти меня.... я такъ молода, такъ не опытна...

СВОРИНЪ.

Позвольте... я ищу мою табакерку.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА, *(не слушая его).*

Тамъ мой мужъ... выдьте туда, удержите его, чтобъ онъ не засталъ меня здѣсь....

СВОРИНЪ.

Помилуйте... я не знаю ни васъ, ни вашего мужа... какое же мнѣ дѣло?

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Ахъ, это все равно.... Сжальтесь надо мной... я такъ неопытна.... Спасите меня, удержите его.... Ступайте, ступайте туда! (*Почти насильно его выталкиваетъ въ пріемную.*)

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Что это.... какъ будто знакомый голосъ? (*Идетъ въ ту комнату; въ это время Сворипъ выходитъ ему на встрѣчу.*)

СВОРИНЪ.

Мое почтеніе.... Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?..

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Благодарю.... Позвольте мнѣ посмотрѣть туда....

СВОРИНЪ, *(удерживая его).*

Нѣтъ-съ, извините, нельзя.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Отъ чего же нельзя?

СВОРИНЪ.

Позвольте васъ спросить: гдѣ я васъ видѣлъ?.. Вы ужасно похожи на одного человѣка....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Можетъ быть.... Но тамъ женскій голосъ.... точно голосъ моей жены... что тамъ за дама, скажите пожалуйста.

СВОРИНЪ.

Тамъ-съ.... не дама....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Кто же такой?

СВОРИНЪ.

Тамъ дѣвушка-съ, дочь моя, если позволите.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

А, въ такомъ случаѣ, извините.

СВОРИНЪ.

Скажите пожалуйста: гдѣ это я васъ видѣлъ?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Можетъ быть... Послушайте, вамъ сегодня заказывали портретъ?

СВОРИНЪ.

Мнѣ-съ?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Да, высокая дама, съ горностаевой муфтой.

СВОРИНЪ.

Супруга ваша?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Какое супруга?... Жена моя сама по себѣ; а вѣдь это красавица... Не правда ли?

СВОРИНЪ.

Кто? Ваша жена?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Какое, къ чорту, жена! давишняя красавица... понимаете... Вѣдь хороша плутовка... а? даромъ, что вы стары, а и у васъ, я думаю, глаза разгорѣлись....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА *(въ другой комнатѣ)*.

Что я слышу!

СВОРИНЪ.

Позвольте, объ комъ же вы изволите говорить. (*Въ сторону.*) а жена-то все слышитъ.

ШТУКАРИВИЧЪ.

Объ комъ?... разумѣется объ горностаевой муфтѣ.... что была давича по утру.... Да что вы мнѣ дѣлаете гримасы... Вѣдь вы ее видѣли?

СВОРИНЪ.

Нѣтъ-съ, не видалъ.

ШТУКАРИВИЧЪ.

Такъ кто же съ нея снималъ?

СВОРИНЪ.

Что снималъ?

ШТУКАРИВИЧЪ.

Ну, разумѣется, дагерротипъ. Чудесная женщина... хотѣла быть французской актрисой, да жаль, что нѣмка... Былъ молодцу не укора.... третьяго дня я ей подарилъ пару вороныхъ и коляску, а она обѣщала мнѣ свой портретъ... кто Богу негрѣшенъ, женѣ не виноватъ.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Ахъ, чудовище!

СВОРИНЪ *(въ сторону)*.

Ай, ай, а жена-то здѣсь рядошкомъ.... попался голубчикъ.

ШТУКАРИВИЧЪ.

Покажите мнѣ ея портретъ.

СВОРИНЪ.

Да гдѣ мнѣ его взять?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Развѣ онъ неудался?

СВОРИНЪ.

Незнаю-съ, это до меня не касается. Вотъ не угодно ли вамъ у нихъ спросить. (*Показываетъ на Азотина.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ и АЗОТИНЪ.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Такъ что же вы не скажете.... Здравствуйте.... я пріѣхалъ за дамскимъ портретомъ, который вы снимали.

АЗОТИНЪ.

Высокая, бѣлокурая дама, съ горностаевой муфтой?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Да, да, да! Покажите пожалуйста.... она для меня его заказывала...

АЗОТИНЪ.

Но онъ еще не фиксированъ.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Все равно... покажите его...

АЗОТИНЪ (вынимая изъ ящика).

Вотъ онъ.... только осторожнѣе, не испортите пожалуйста; малѣйшее прикосновеніе, и онъ изчезнетъ.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

А! прекрасно!... Посмотрите, какая красавица... чудо! чудо!...

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Нѣтъ! Я не могу болѣе выдерживать! (*Отдергиваетъ занавѣску и выбѣгаетъ въ пріемную комнату*). Прекрасно, сударь, прекрасно!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Что я вижу! жена! она была здѣсь!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Да, сударь! я васъ подкараулила! я знала, что вы пріѣдете сюда... и спряталась нарочно. Покажите мнѣ портретъ... я хочу видѣть вашу бѣложурую красавицу.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ай, попался!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Вы меня обманывали.... у меня есть соперница...

я давно это подозрѣвала... Теперь ужъ вамъ запираться нельзя... этотъ дагерротипъ васъ обличаетъ... Покажите мнѣ его....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ни за что на свѣтѣ....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Это ужасно! И вы еще смѣли мучить меня ревностью, когда сами такъ безсовѣстно смѣялись надъ моей неопытностью! Вы дарите ей лошадей и коляску, а я ѣзжу въ наемной каретѣ!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ай, ай, она рѣшительно все слышала!

СВОРИНЪ (*въ сторону*).

Ну, тутъ завязалась исторія... Возьму мою Машу и отправлюсь поскорѣе домой. (*Уходитъ.*)

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Полно, мой другъ, успокойся!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Покажите мнѣ портретъ.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ты непремѣнно этого хочешь?

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Покажите мнѣ портретъ... или я за себя не отвѣчаю....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ну, нечего дѣлать... такъ и быть... (*Въ сторону.*) Онъ еще не фиксированъ.... (*Стираетъ портретъ.*) на, изволь, гляди....

АЗОТИНЪ (*въ сторону*).

Ай, еще испортили дощечку! что это за народъ такой.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Что это? Тутъ ничего нѣтъ?... О, это ужъ слишкомъ!... Я вамъ этого никогда не прощу! Не называйте меня болѣе своей женой.... Все кончено между нами! Теперь не осталось въ моемъ разбитомъ сердцѣ ни одной капли любви и состраданія.. Слышите ли вы, сударь,.... ни одной капли!

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ и СБОРСКІЙ (*вбѣгаетъ*).

СБОРСКІЙ.

Вотъ гофманскія капли!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Что я вижу... Сборскій!!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (*въ сторону*).

Ахъ! зачѣмъ онъ воротился!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Такъ онъ здѣсь былъ вмѣстѣ съ вами! Давича я его встрѣтилъ на лѣстницѣ, а теперь.... О! теперь и вамъ запираться нельзя! Теперь моя очередь... Это условленное свиданіе.... дѣло ясное! Что теперь вы замолчали.... Сударыня!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Что мнѣ дѣлать? Куда ушелъ этотъ старичекъ... онъ бы меня выручилъ.... А, вотъ онъ.....

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, СВОРИНЪ и МАШЕНЬКА.

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА *(тихо Сворину)*.

Ради Бога, выдумайте поскорѣе, что нибудь... отклоните подозрѣніе моего мужа...

СВОРИНЪ.

Что еще тутъ выдумывать.... помоги Господи убраться только... (*Увидя Сборскаго.*) Ба, зачѣмъ вы сюда опять пожаловали? Кто васъ просилъ?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Оставьте, сударь; теперь это мое дѣло; отвѣчайте, отвѣчайте сію минуту....

СВОРИНЪ (*съ другой стороны*).

Вы слишкомъ дерзки... Вамъ именно было запрещено.....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Оставьте, сударь, теперь это мое дѣло, говорятъ вамъ. (*Сборскому*.) Отвѣчайте, для кого вы здѣсь?...

СВОРИНЪ.

Какъ, для кого? Извѣстно, для моей дочери.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Для вашей дочери?

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (*въ сторону*).

Отдыхаю! Какъ онъ это умно придумалъ!

СВОРИНЪ.

Да, вотъ, для нея.... онъ на ней сватался, но этому не бывать.... Я и давича ему при живописцѣ сказалъ....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Да вы то сами, кто такой? Развѣ не вы здѣсь хозяинъ?

СВОРИНЪ.

Какой я хозяинъ! Я Тульскій помѣщикъ, Сворипъ; пріѣхалъ сюда по процессу съ своей сватьей Барбаригиной....

ШТУКАРЕВИЧЪ *(вынимаетъ изъ кармана письмо).*

Возможно-ли? Позвольте, позвольте, помѣщикъ Сворииъ?... Такъ это вы ко мнѣ пріѣзжали вчера?... и оставили эту записку?

СВОРИНЪ.

А вы то кто? Неужели вы Петръ Антоновичъ Штукаревичъ, извѣстный Петербургскій стряпчій.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Я самый, къ вашимъ услугамъ.... Такъ вы говорите, что онъ влюбленъ въ вашу дочь?

СВОРИНЪ.

Ахъ, батюшка! Позвольте же рекомендоваться.... Наконецъ мнѣ довелось съ вами сойтись.... Дѣло мое совершенно правое.... вотъ извольте взглянуть.... (*Вынимаетъ бумаги.*)

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ахъ, отстаньте.... теперь мнѣ не до того!

СВОРИНЪ.

Вотъ, батюшка, мои документы; вотъ купчая крѣпость въ копіи, засвидѣтельствованная въ Палатѣ, вотъ закладная.... вотъ двѣ довѣренности по управленію имѣніемъ. Позвольте я вамъ объясню....

ШТУПАРИНИЧЪ.

Да отвяжитесь, пожалуйста....

АЗОТИНЪ (*въ сторону*).

Боже мой! У меня сегодня, просто, сумашедшій домъ!... (*Звонокъ.*) Ну еще кто-то.... Барбаригина!! ее недоставало для комплекта!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ и БАРБАРИГИНА.

БАРБАРИГИНА.

Вотъ и я опять! Хорошъ ты, батюшка, съ чего ты взялъ, что меня дожидаются? Ба, ба, да вы здѣсь, отецъ мой! А я было къ вамъ....

СБОРИНЪ, (*увидя ее*).

Марфа Савишна! и ее сюда принесла нелегкая. (*Отскакиваетъ и роняетъ дагерротипный снарядъ.*)

АЗОТИНЪ.

Ай! вы сломали мой аппаратъ!

БАРБАРИГИНА.

Батюшки! Спасите меня.... Вотъ мой злодѣй! вотъ онъ! Онъ меня горемычную сироту по міру пустить хо-

четъ.... На старости безъ куска хлѣба оставить.... Вотъ мои бумаги.... Г. Штукар.... какъ бишь васъ....

СВОРИКЪ.

Не слушайте ее! у нее документы фальшивые.... вы лучше разсмотрите мои бумаги.... Тутъ все въ подробности изложено....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Отвяжитесь вы, съ вашими бумагами.... у меня и отъ своей исторіи голова идетъ кругомъ.... ничего не хочу слушать!

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (*мужу*).

Скажите мнѣ, сударь, чей портретъ тутъ былъ? Кто эта бѣлокурая нѣмка?... Я хочу все знать!

СВОРСКІЙ.

Тетушка! перестаньте!

МАШЕНЬКА.

Папенька, сдѣлайте милость! (*Звонокъ.*)

АЗОТИНЪ.

Ну, еще кто-то пріѣхалъ. (*Запираетъ двери.*) не принимайте никого! всѣмъ отказывайте.... больше ужъ мѣста нѣтъ! Господа.... Ради Бога! покорнѣйше прошу васъ!

№ 5.

(изъ Севильскаго цирюльника).

ВСѢ.

Что за день такой несчастный,
Смыслу не добьешься тутъ!
Всѣ шумятъ, кричатъ ужасно,
И другъ друга не поймутъ!

БАРБАРИГИДА И СБОРСКІЙ.

Вотъ бумаги, поглядите,
Все въ порядкѣ тутъ, прочтите,
Вы, какъ стряпчій, разсудите,
Мы готовы слушать васъ!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Перестаньте, не шумите,
Вы меня тутъ оглушите,
Хоть не вмѣстѣ говорите,
Я не въ силахъ слушать васъ!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА, МАШЕНЬКА И СБОРСКІЙ *(Азотину)*.

Ради Бога, помогите!
Вы хоть ихъ уговорите,
Въ наше горе вы войдите!...
Мы покорно просимъ васъ!

АЗОТИНЪ.

Господа, вы такъ шумите!
Я хозяинъ, пощадите!
Ради Бога, вы уйдите,
Я прошу покорно васъ!

ВСѢ.

Что за день такой несчастный,
Смыслу не добьешься тутъ!

Всѣ шумятъ, кричатъ ужасно,
И другъ друга не поймутъ!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Позвольте, позвольте, господа! Вы всякому стряпчему голову завертите! Такъ и быть, я буду вашимъ адвокатомъ и постараюсь уладить это спорное дѣло....

БАРБАРИГИНА И СВОРИНЪ.

Сдѣлайте милость, батюшка! Мы только объ этомъ хлопочемъ.

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Да, да, я разомъ кончу вашу тяжбу и начну съ того, что вы должны помириться.

БАРБАРИГИНА И СВОРИНЪ.

Ни за что! Никогда! Никогда!

ШТУКАРЕВИЧЪ, *(тихо отводя его).*

Послушайте, Г. Своринъ.... вѣдь ваше дѣло неправо.... вы его проиграете....

СВОРИНЪ.

Неужели?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Повѣрьте моей совѣсти.... ужъ я не стану васъ обманывать.... Подумайте, пока есть время.

СБОРИНЪ.

Да, помилуйте, вы разсмотрите хорошенько мои бумаги....

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ну, ужъ какъ хотите! (*Отводя Барбаригину.*) Марфа Савишна, я подробно разсмотрѣлъ вашу тяжбу и долженъ васъ предупредить, что вы ее проиграете и еще должны будете заплатить за неправильный искъ....

БАРБАРИГИНА.

Неужели, отецъ мой?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Повѣрьте моей совѣсти.... я не стану васъ обманывать... Лучше помиритесь, пока еще непоздно.

СБОРСКІЙ И МАШИНЬКА.

Ахъ, заступитесь за насъ! Мы вамъ будемъ обязаны нашимъ счастіемъ!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Такъ вы точно любите другъ друга?

СБОРСКІЙ И МАШИНЬКА.

Ахъ, очень, очень любимъ!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Прекрасно! Надо спровадить этого молодца отъ моей

дражайшей половины. Теперь, господа, я обращаюсь къ вамъ, не какъ стряпчій, а какъ человѣкъ, который вамъ желаетъ добра! Что вамъ въ тяжбѣ... въ пустой ссорѣ? Такъ ли должны жить люди? Не поставленъ ли законъ всѣмъ людямъ жить въ мирѣ и согласіи? Выслушайте меня: у васъ одна только дочь, а у васъ единственный племянникъ; они любятъ другъ друга, соедините ихъ и отдайте имъ это спорное имѣніе въ приданое, — и дѣлу конецъ....

МАШЕНЬКА *(отцу)*.

Папенька! согласитесь сдѣлать наше счастіе!

СБОРСКІЙ *(теткѣ)*.

Тетушка! я вамъ единственная родня, у меня тоже никого нѣтъ, кромѣ васъ... Будьте великодушны!

СВОРИНЪ.

Ну, такъ и быть! хоть я и увѣренъ, въ моей правотѣ, да чтобъ доказать, что я непохожъ на вздорную бабу.... я согласенъ!

МАШЕНЬКА, *(обнимая отца)*.

Ахъ, папенька!

[illegible].

Я тоже не въ васъ, сударь. Я не стану лаяться въ чужомъ домѣ.... и согласна на все, что сказалъ Г. стряпчій... Штука.... Шту... виновата, батюшка, какъ бишь чвасъ....

СБОРСКІЙ.

Ахъ, тетушка!

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА (*Сборскому*).

Что это? вы самомъ дѣлѣ женитесь?

СБОРСКІЙ (*тихо*).

Что жъ дѣлать?... видите, какія обстоятельства....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Какое самопожертвованіе!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Ну, господа! гдѣ вы найдете въ Петербургѣ другаго такаго стряпчаго?

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

О, вы прекрасно умѣете уладить чужія дѣла; а чей же это былъ портретъ, сударь?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

А за чѣмъ ты сама сюда пожаловала, сударыня?... Ты меня обманула: сказала, что къ теткѣ поѣхала?

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Вы злодѣй! вы неблагодарный.... Вы забыли, что на той недѣлѣ ваши имянины; я хотѣла сдѣлать вамъ сюрпризъ, но теперь вы этого не стоите!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Неужели?... Такъ прости же меня, Лизавета Васильевна.... И если дѣло пошло на правду, такъ узнай же, что на этой дощечкѣ никакого портрета не было; мнѣ хотѣлось тебя только помистифировать. Я никогда никому не дарилъ ни лошадей, ни колясокъ.....

ЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА.

Полно, правда ли?

ШТУКАРЕВИЧЪ, *(указывая на Азотина)*.

Вотъ онъ тебѣ поручится. Ну, теперь наша комедія кончилась.... теперь нечего больше скрываться.... А каково мы съ вами надъ ней подшутили?...Ха, ха, ха!...

АЗОТИНЪ.

Да-съ, ха, ха, ха!... (*Въ сторону.*) Тутъ самъ чортъ не разберетъ, кто изъ нихъ кого дурачитъ!

ШТУКАРЕВИЧЪ.

И такъ, господа, у насъ теперь у всѣхъ миръ и согласіе... Мы всѣ довольны...

АЗОТИНЪ.

Прекрасно, господа: вы всѣ довольны, а за что же вы у меня отняли столько драгоцѣннаго времени?

ШТУКАРЕВИЧЪ.

Э, полноте, у васъ много впереди публики! Пользуйтесь случаемъ, пока она не разъѣхалась!

АЗОТИПЪ.

Ахъ, ваша правда!... Счастливая мысль! (*Придвигая на аван-сцену дагерротипный аппаратъ.*) Милостивые государи, позвольте мнѣ имѣть честь... это будетъ для меня самая лестная награда. Вы можете сидѣть, какъ вамъ угодно, и даже дѣйствовать руками, какъ заблагоразудите. (*Актерамъ.*) Вы же, господа, помогите мнѣ, пропойте окончательный куплетъ, а я, между тѣмъ буду наблюдать: удастся ли нашъ Дагерротипъ!

№ 6.

ВСѢ.

Одного мы всѣ желаемъ,
Чтобы трудъ нашъ не погибъ—
И отвѣта ожидаемъ:
Удался-ль Дагерротипъ?

—

МАСТЕРСКАЯ

РУССКАГО ЖИВОПИСЦА.

Оригинальный водевиль, съ живыми картинами, въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СИЛКО, живописецъ.
ГАНЯ, его другъ, тоже живописецъ.
ИВАНЪ КУЗМИЧЪ ЛАПШИНЪ, помѣщикъ.
ВѢРА ИВАНОВНА, его дочь.
СЕМЕНЪ, слуга **СИЛКО**.
Картина 1-я Сонъ художника.
2-я Сонъ слуги.
3-я Взятіе Турецкой пушки.

Декорація представляетъ бѣдную мастерскую живописца. Почти весь фонъ занятъ мольбертомъ, на которомъ поставленъ приготовленный въ рамкѣ холстъ; по бокамъ двери и окна. Люстра поднята, рампъ опущенъ, съ боковъ лампъ нѣтъ, на сценѣ темно. Силко спитъ въ креслахъ. Музыка играетъ подъ сурдиной. Послѣ трехъ перемѣнъ первой картины люстра опускается и на сценѣ становится свѣтло. На холстѣ изображается живая картина, въ которой любовь и слава вѣнчаютъ художника.

ЯВЛЕНІЕ I.

СИЛКО и СЕМЕНЪ *(входитъ со свѣчей)*.

СЕМЕНЪ.

Экое житье, анафимское, опять всю ночь не изволилъ раздѣваться, ходитъ себѣ, какъ шальной, по комнатѣ, вслухъ говоритъ, руками размахиваетъ, а тамъ.... свернется на креслахъ, да и заснетъ. Ну, ужъ эти мнѣ живописцы! Думалъ ли я, на старости лѣтъ, что со мною будетъ такая оказія: натирай цѣлый день краски, да пачкайся всякою дрянью. Добро бы хоть прокъ какой выходилъ, а то помалюетъ, помалюетъ, да и броситъ. Вишь не нравится, не доволенъ; снова, говоритъ, начну..... Ну, ужъ служба!

СИЛКО, *(просыпаясь)*.

Нѣтъ! Это не сонъ. Слава, любовь и она! Я ее видѣлъ!

СЕМЕНЪ.

Чего изволите-съ?

СИЛКО.

Молчи, не мѣшай! Я тебя не знаю. Я видѣлъ чудный міръ. Слава вѣнчала меня, любовь улыбалась мнѣ.

СЕМЕНЪ.

Ну, совсѣмъ рѣхнулся!

[illegible], *(болѣе и болѣе восторгаясь).*

Слава и любовь! Любовь и слава! Чувствуешь ли, понимаешь ли, что такое слава? Тебѣ скажутъ, что слава напрасный звукъ, обманъ, мечта; не вѣрь, не вѣрь! Это говорятъ люди желчные, завистливые, страждущіе отъ чужаго дарованія, обиженные чужимъ успѣхомъ,—не вѣрь имъ! Слава-это вѣнецъ искусства; это земное благословеніе всѣмъ даровитымъ порывамъ! Это чудное сознаніе, что всѣ поклоняются тебѣ заживо, что имя твое гремитъ во всѣ концы вселенной; слава-это лучезарный отблескъ генія, а геній, мой другъ, владыко міра! Толпа какъ волны, какъ море; но геній-какъ маякъ посреди моря, онъ горитъ и свѣтитъ во всѣ стороны, а море, т. е. понимаешь ли, волны, т. е. люди, разбиваются у ногъ его на мелкіе брызги.

[illegible] *(съ сожалѣніемъ).*

Совсѣмъ пропалъ!

[illegible].

И когда людская зависть, когда чувства собственной человѣческой немощи утомляютъ душу, тогда тихимъ, небеснымъ сіяніемъ улыбается намъ любовь. Понимаешь ли? Чистая, свѣтлая любовь, покорная, преданная, отрада неземная, воплощенная въ земную красоту.

[illegible].

Павелъ Александровичъ!

СЛАВКО.

Вотъ онѣ, мечты цѣлой моей жизни. Любовь-слава! Слава-любовь!

СЕМЕНЪ.

Павелъ Александровичъ, а дровъ-то у насъ нѣтъ.

СЛАВКО.

А?.... что?... что такое? дровъ? какихъ дровъ?

СЕМЕНЪ.

А вотъ-съ, этихъ-съ, которыми печи топятъ.

СЛАВКО.

Ахъ! это ты, Семенъ. Я еще, кажется, не совсѣмъ проснулся, что тебѣ надо?

СЕМЕНЪ.

Да вотъ дровъ-то надо купить.

СЛАВКО.

Ну, такъ купи.

СЕМЕНЪ.

Купи! легко сказать: купи! Вы все изволите разговаривать про любовь какую-то, да про славу.

№ 1.

Эхъ, баринъ, плохо наше дѣло,
Любовь да слава, чистый бредъ,

Коль разсудим немножко зрѣло,
Их нам не хватит на обѣдъ.
Охъ! и кому они по нраву,
Вонъ тамъ, дрова гдѣ продаютъ,
Дрова казали мнѣ на славу,
Да изъ любви ихъ не даютъ.

На дровяномъ-то у нихъ, вишь, дворѣ, своя любовь: деньги любятъ.

СИЛКО.

Деньги? Понимаю-пробужденіе! У меня нѣтъ денегъ, Семенъ!?

СЕМЕНЪ.

Давно не видалъ-съ.

СИЛКО.

Такъ ты думаешь, что я бѣденъ?

СЕМЕНЪ.

Помилуйте, смѣю ли я....

СИЛКО.

Не смѣй! Я богатъ! У меня первое сокровище-вѣра въ будущность, вѣра въ самаго себя! второе мое сокровище-дарованіе! третье-воля! Подай мнѣ кисти, Семенъ; не дай простыть вдохновенію, пора настала, теперь я могу начать свою картину. Мысль созрѣла, душа настроена, рука готова. Палитру!

СЕМЕНЪ (*грустно*).

Сейчасъ!

СИЛКО.

Да смотри, чтобъ никто не мѣшалъ мнѣ, теперь мнѣ нужны всѣ силы моего ума, вся святость уединенія для новаго созданія; я одинъ теперь съ духомъ творчества; богаче меня нѣтъ человѣка въ мірѣ!

СЕМЕНЪ.

А, если такъ, Павелъ Александровичъ, такъ ужъ вы, пожалуйста, и меня не забудьте.

СИЛКО.

А? что?

СЕМЕНЪ.

Три мѣсяца жалованья не получалъ, какой ни на есть, а сами изволите знать, все таки человѣкъ, есть, знаете, свои нуждишки: сапожишки подточить, табачку въ тавлинку, мірское, грѣшное дѣло. Вѣдь три мѣсяца, шутка сказать.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ГАНЯ.

СИЛКО.

Хорошо, завтра отдамъ.

СЕМЕНЪ.

Все завтра, да завтра; видно послѣ дождика въ четвергъ.

ГАНЯ.

Ну, нѣтъ, извини, Бова пустая голова, послѣ снѣга въ пятницу.

САШКО.

А! Ганя, здорово! какъ поживаешь?

ГАНЯ.

Живъ покамѣсть. (*Обращаясь къ Семену.*) А ты, кащей безсмертный, ты позволяешь себѣ говорить дерзости. А!

СЕМЕНЪ.

Помилуйте, должокъ такой бездѣльный.

ГАНЯ.

Отъ того-то и не отдаютъ, что онъ бездѣльный, будь онъ дѣльный, такъ и говорить бы не стали.

СЕМЕНЪ.

Да, какъ же батюшка, неужели по вашему пятнадцать рублей за три мѣсяца не дѣльный долгъ.

ГАНЯ.

И говорить не смѣй, что онъ недѣльный, онъ мѣсячный.

СЕМЕНЪ, *(растерявшись и махнувъ рукой).*

Съ вами совсѣмъ съ панталыку собьешься.

ГАНЯ.

Семенъ! Я замѣчаю въ тебѣ гнусное чувство неблагодарности! Ну, не ты ли служилъ у меня, не я ли уступилъ тебя моему другу, первому въ мірѣ живописцу, послѣ меня; нѣтъ, даже прежде меня, говорить надо правду.

СЕМЕНЪ.

Да что! Вѣдь за три мѣсяца.

ГАНЯ.

А съ меня сколько слѣдуетъ.

СЕМЕНЪ.

Ну, съ васъ-съ то и говорить нечего...мѣсяцовъ за восемь.

ГАНЯ.

Такъ вотъ видишь ли какой ты неблагодарный: съ меня за 8 мѣсяцевъ, а съ него только за 3 мѣсяца и ты жалуешься еще! Въ тебѣ достало духа жаловаться! У тебя нѣтъ дѣтей?

СЕМЕНЪ.

Какіе тутъ дѣти!

ГАНЯ.

И не имѣй никогда, а то придется краснѣть передъ

ними, бери примѣръ съ моей хозяйки. Три года гроша не видала. Вотъ достойная женщина,- а съ ней въкомпаніи три старыя хозяйки, два хозяина, 4 кухмистерши; кромѣ того лавочники, булочники, портные, сапожники, прачки, молочницы, мои всегдашніе гости! я рѣшительно никому не плачу, потому что люблю большое общество. Хозяйка, Катерина Панфиловна, хотѣла было на меня жаловаться, но я ее уговорилъ, я ей сказалъ такъ:

Скажи, доколь, о Катерина,
Жестокость въ сердцѣ сохраня,
За двѣсти семь рублей съ полтиной,
Тревожить станешь ты меня!
Изволь, я жизнь переиначу,
Я укротить себя хочу,
Покаюсь, съ горести заплачу,
Заплачу!.... но не заплачу.

СИЛКО.

Эхъ братецъ, какой у тебя счастливый характеръ; всегда веселъ, беззаботенъ, я тебѣ завидую.

ГАЛИ.

Да что мнѣ дѣлается? Артистъ и все тутъ. (*Весело.*)

№ 2.

Артистомъ, братецъ, я не даромъ,
Рожденъ судьбой на бѣлый свѣтъ,
И весь художественнымъ жаромъ,
И оживленъ я и согрѣтъ,
Всегда завишу отъ кредита,
Какъ есть отъ ногъ до головы,
Сего дня пью вино Лафита,
А завтра-воду изъ Невы.
Мой вѣкъ проходитъ въ наслажденьяхъ,
И даже, entre nous soit dit,

Я и въ любовныхъ похожденьяхъ,
Вѣрь, не останусь назади;
Вездѣ съ веселостью моею,
Мнѣ спутникъ-добрая душа,
И много я въ душѣ имѣю,
Но за душею-ни гроша!

СЕМЕНЪ.

Балагуръ, просто!...

ГАНЯ.

Семенъ.

СЕМЕНЪ.

Чего изволите!....

ГАНЯ.

Сходи въ кухню и посмотри нѣтъ ли тамъ меня. Когда тебя позовутъ,.. тебѣ позволится донести, только съ должнымъ почтеніемъ. Слышишь?

СЕМЕНЪ.

Ну, ужъ народецъ! попался за грѣхи!

ГАНЯ.

Семенъ, ты, кажется, хочешь опять забыться.

СЕМЕНЪ.

Иду.... сударь... иду... (*Уходитъ бормоча.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

СИЛКО и ГАНЯ.

ГАНЯ.

Паша посмотри на меня..... посмотри хорошенько....

СИЛКО.

Смотрю.

ГАНЯ.

Знаешь ли, братецъ, ты совсѣмъ похожъ на Италіянца.

СИЛКО.

Помилуй, я чистый Малоросіянинъ, хохолъ въ полномъ смыслѣ. Ты что это еще затѣялъ?...

ГАНЯ.

Что затѣялъ? Ты меня любишь и я тебя люблю; слѣдовательно ты долженъ быть непремѣнно Италіянцемъ,- кажется ясно?

СИЛКО.

Итальянцемъ??...

ГАНЯ.

Ну, да! чего ты хочешь? Извѣстности, денегъ... побольше денегъ, чтобъ жениться на той дѣвушкѣ, которая гостила въ той деревнѣ, гдѣ ты жилъ въ Харьковѣ.... а....

СИЛКО.

Не напоминай!

ГАНЯ.

Напротивъ. Я тебѣ напоминаю: радуйся, торжествуй, я даю тебѣ богатство; будь счастливъ, я тебя жалую въ Итальянцы; отнынѣ ты не Малороссъ Павелъ Александровичъ сынъ Силко, а Signor Maestro Giovanni Batisto Dominikino Silko!

СИЛКО.

Перестань чепуху городить, я хочу картину писать.

ГАНЯ.

Я говорю очень серьозно. Слушай! Вчерашній день я былъ въ Павловскомъ вокcалѣ; сожгли фейерверкъ, выпили порядочно, подчивалъ одинъ любитель искуствъ; знаешь ли, Вася, который преискусно проматываетъ состояніе, онъ хотѣлъ меня познакомить съ однимъ провинціаломъ, не знаю какъ его зовутъ. Говоритъ богатый, страстный охотникъ до Итальянской школы. Я думаю себѣ, дай-ко я его прошколю по-русски. Вася меня спрашивалъ, не знаю ли я Итальянца живописца, что этотъ помѣщикъ хочетъ купить картинъ. Я говорю, знаю: на Васильевскомъ Острову, въ 22 линіи, въ домѣ Камеръ-Лакея Федулова живетъ кавалеръ Силко Джіовани Батисто!... Вася передалъ помѣщику; помѣщикъ записалъ, и сегодня придетъ покупать твои картины... а?... неглупо?

СИЛКО.

Такъ онъ придетъ сюда?

ГАНЯ.

Черезъ полчаса.

СИЛКО.

И ты думаешь, что я соглашусь? Никогда! Лучше буду голодать еще столько же; но деньги не стану добывать обманомъ.

ГАНЯ.

Какимъ же обманомъ, на картинахъ ты не обманешь, картины вѣдь хороши; а виноваты ли мы, что теперь мода на иностранцевъ.

№ 3.

Всѣмъ иностранцамъ, эмигрантамъ,
У насъ всегда готовъ почетъ,
А Русскій, будь съ большимъ талантомъ,
Подъ часъ и хлѣба не найдетъ!
И такъ, обдуманною данью
Обычаямъ родной земли,
Будь Итальянецъ, по названью,
Чтобъ видѣть Русскіе рубли!

СИЛКО.

Нѣтъ, не говори! Дурачься одинъ какъ хочешь, я тебѣ не товарищъ.

ГАНЯ.

Не хочешь?... какъ угодно? Какъ, бишь, зовутъ твою харьковскую красавицу? Вѣрой, кажется? Ну, этой Вѣрѣ, кажется, плохая надежда на твою любовь.

СИЛКО.

А... какъ... почему?...

ГАНЯ

Да какъ же ты для нее не хочешь себѣ позволить самой невинной хитрости, ты ей ужъ просто напиши: сударыня, выходите за кого угодно, я не въ состояніи для васъ и парика надѣть.

СИЛКО.

За чѣмъ же парикъ?

ГАНЯ.

Да развѣ такого бѣлобрысаго Малоросса какъ ты, можно принять за Итальянца? Съ тебя только вѣдь и требуютъ, надѣнь парикъ. Стой поважнѣе, не говори ни слова, какъ будто ничего не понимаешь... понимаешь?

СИЛКО.

Ну, а потомъ что?

ГАНЯ.

А потомъ ничего? Остальное я самъ сдѣлаю, я тоже Итальянецъ, только обрусѣвшій; я говорю по Русски- пойдемъ къ парикмахеру.

СИЛКО.

За чѣмъ?

ГАНЯ.

Завиться, растрепаться, бороду надѣть, что за Итальянецъ, безъ бороды.

СИЛКО.

Ступай одинъ.

ГАНЯ.

Ѳома ты, безвѣрный; что будешь ты безъ Вѣры?

СИЛКО.

Ну, пойдемъ.

ГАНЯ.

Молодецъ!... Семенъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и СЕМЕНЪ.

ГАНЯ.

Семенъ, подай ему фуражку. Семенъ, на твоемъ горизонтѣ занимается денница необычайнаго блаженства.

СЕМЕНЪ.

Чего изволите?

ГАНЯ.

Будь остороженъ, какъ змій; кротокъ, какъ голубица,-въ горѣ ты не падай духомъ, въ счастьѣ небудь высокомѣренъ.

СЕМЕНЪ.

Да я все въ толкъ-то, батюшка, не возьму.

ГАНЯ.

Сохраняй всегда твои невинныя привычки. Подметай полъ, чисти сапоги, берегись пьянства и не спрашивай жалованья.

СЕМЕНЪ.

Эхъ, Гаврило Николаевичъ, не хорошо трунить надъ старикомъ.

ГАНЯ.

Прибери комнату. Если кто спроситъ, скажи Итальянцы сейчасъ придутъ, слышишь ли, Итальянцы! Ну, пойдемъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

СЕМЕНЪ (*одинъ*).

Пришлось старому хрычу возиться на старости лѣтъ съ пострѣлятами! Павелъ-то Александровичъ еще ничего, а вотъ мой-то, котораго я привезъ изъ деревни, изъ Подкатиловки, ужъ куда азартный.... Хорошо, что отецъ скончался: не много бы видѣлъ радостей, да и житье какое здѣсь, въ Питерѣ, а еще Столица! Никакого удовольствія. Былъ въ театрѣ: пля-

суны какіе-то выше головы ноги поднимаютъ, а народъ хлопаетъ въ ладоши. Эка невидаль! То ли дѣло, какъ у насъ въ деревнѣ, бывало, Матрена, полѣсовщика Вахрамова дочь, подбоченится, да пойдетъ себѣ, я вамъ доложу.... лебедь, просто лебедь; а потомъ Ирина ключница, другая Ирина птичница, Афимья, другая скотница; эхъ, что старое вспоминать! присѣсть-ко лучше, да отдохнуть маненько. (*Садится и зѣваетъ.*) А вотъ коровницу-то я и забылъ, Машка.... Хороша была, каналья, всѣ бывало ребята за ней, и я, грѣшный, туда же, а она намъ «отвяжитесь черти! я вамъ всѣ зубы повышибаю!» Эхъ было житье!

№ 4

(Камаринская).

Эхъ, житье, житье, прошедшее,
Какъ гулялъ, гулялъ тамъ съ бабами,
А слѣпой-то все подглядывалъ,
А глухой-то все подслушивалъ;
Да и спалъ-то тамъ безъ просыпа,
Отъ авторника до пятницы
Въ волю, волю, волюшку!

Эхъ, житье, жи.... (*Засыпаетъ.*) (*На холстѣ изображается сонъ Семена. Русская пляска, попойка и драка.*)

ЯВЛЕНІЕ VI. *(Послѣ картины).*

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ и СЕМЕНЪ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ *(входитъ послѣ 5-й перемѣны).*

Кажется здѣсь. Дома, что-ли?

СЕМЕНЪ, *(просыпаясь)*.

Кто тамъ?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Это я пришолъ-съ.

СЕМЕНЪ.

Кого нужно?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Синьора Джіованни Батиста Доминикина Силько.

СЕМЕНЪ.

Что-съ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Синьора Джіованни, Батиста Доминикина Силько.

СЕМЕНЪ.

Силко, здѣсь, точно-съ; а другихъ, что изволите называть, такихъ нѣтъ-съ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

А! значитъ туда попалъ! Наконецъ-то я въ мастерской Итальянскаго живописца, настоящаго Итальянскаго живописца. Какъ давно я ожидалъ этой минуты! Здѣсь, кажется, пахнетъ Италіей! Ты его слуга?

СЕМЕНЪ.

Слуга-съ!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Счастливый человѣкъ, ты видишь его каждый день, снимаешь съ него сюртукъ, подаешь ему бриться. Скажи, онъ, какъ всѣ люди, такъ и живетъ, обѣдаетъ?

СИМКИНЪ.

Нѣтъ-съ, обѣдаютъ они рѣдко.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Генiй! генiй никогда не подчиняется общимъ условiямъ. Наконецъ и я увижу генiя, да гдѣ же онъ?

СИМКИНЪ.

Скоро будутъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Это ихъ работа?

СИМКИНЪ.

Ихъ-съ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Чудо! Удивительно! Сейчасъ видна широкая Итальянская кисть. (*Смотритъ на картину*.)

ЯВЛЕНIЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ГАНЯ и СИЛКО, *(завитыя въ рукахъ держатъ бороды)*.

ГАНЯ.

Ну, выходи на сцену Синьоро Италiано.

СЕМЕНЪ.

Батюшка, Павелъ Александровичъ, у васъ гости.

ГАНЯ.

Кредиторы? такъ безъ разборовъ въ шею.

СЕМЕНЪ.

Нѣтъ-съ, чужой! Про Итальянцевъ говоритъ.

ГАНЯ.

Паша! живѣй надѣвай, надѣвай бороду.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ, *(оборачиваясь)*.

Что тамъ... ахъ, мое нижайшее почтеніе.

ГАНЯ.

Погодите и не смотрите.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ *(съ удивленіемъ)*.

Какъ-съ, не смотрите?...

ГАНЯ *(протягиваетъ руку)*.

Теперь можно! Фавориска! Бонжорно Сеньоре! Коместата.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Покорнѣйше васъ благодарю, и васъ такъ же.

ГАНЯ.

Эй, Лазароне! Андантевіа!

СЕМЕНЪ (*до сей минуты надоѣдавшій Силко*).

Что-съ?

ГАНЯ (*съ обыкновеннымъ жестомъ*).

Пошелъ вонъ! (*Семенъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ СЕМЕНА.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Вы меня извините, что я пришелъ раньше назначеннаго срока.

ГАНЯ.

Напротивъ, очень пріятно: чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, говоритъ одна Итальянская пословица. Вы говорите по Итальянски?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Нѣтъ-съ еще; учусь!

ГАНЯ.

Много знаете?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Покуда, ровно ничего.

ГАНЯ.

А по Французски?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Тоже-съ.

ГАНЯ.

То есть, тоже, что и по Итальянски: ровно ничего.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Да-съ.

ГАНЯ.

Не много же! Киво-пьяно, ва-сано, каста дива ламіа вендетта, унъ секретто перъессеръ, феличе грація, грація Роберто!... Неужели вы ничего не поняли?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ (*со вздохомъ*).

Нѣтъ-съ!

ГАНЯ (*въ сторону*).

И я тоже! (*Удивляясь.*) Удивляюсь какъ можно не знать Итальянскаго языка!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Позвольте спросить: это вы сами, г. Силько.

ГАНЯ.

Нѣтъ-съ, вотъ онъ! Сынъ Юга! Земли, гдѣ произ-

растаютъ сливы, макароны [illegible] мадонны! Онъ весь, какъ вы его видите, родился въ Италіи.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

А! такъ они....

ГАНЯ.

Итальянецъ, чисто Римско-Западной крови!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ (*Силко*).

Очень пріятно познакомиться.... здоровы ли вы? (*Силко кланяется.*) (Тихо Ганѣ.) Вѣрно понимаютъ, но не говорятъ?

ГАНЯ.

Напротивъ; онъ не много говоритъ, но ничего рѣшительно не понимаетъ!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Не понимаетъ? т. е. какъ же это такъ? Экъ, жаль, а мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ нимъ.

ГАНЯ.

Говорите со мной! Въ Италіи я прожилъ десять лѣтъ и знаю ее, какъ свои пять пальцевъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Какъ, и вы тамъ были?

ГАНЯ.

Не только былъ, но даже тоже тамъ родился.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Какъ, и родились въ Италіи?

ГАНЯ.

Да.... почти въ Италіи, въ ея окрестностяхъ, (*Въ сторону.*) въ Тамбовѣ!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Смѣю спросить, въ какомъ городѣ?

ГАНЯ.

Въ городѣ... въ городѣ Пармѣ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Какъ-съ?

ГАНЯ.

Въ Пармѣ, откуда и пармезанъ получилъ свое названіе. Этотъ городъ находится въ Тосканскомъ герцогствѣ, на Аппенинскомъ полуостровѣ, въ заливѣ Св. Франциско Доминико. Напротивъ его, на югѣ, находятся: гора Этна, развалины Помпеи и Геркулана, и герцогство Миланское. На западѣ заливъ Санта-Яго-ди Кампостела, острова Корсика и Св. Елены; на востокъ: Турція, Греція, Азія и Африка, а къ сѣверу уже матушка Россія.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

А, понимаю! Извините мое любопытство; что, какъ тамъ, въ Италіи-то, какъ тамъ все?

ГАНЯ.

То есть, про что же вы спрашиваете!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Про все-съ!

ГАНЯ.

Тамъ все очень пріятно. Въ Италіи люди очень веселые; живутъ всегда припѣваючи.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

А живопись-то, я думаю, какая!

ГАНЯ.

О! живопись—самая живописная.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Я вамъ доложу, я съ малолѣтства люблю живопись, когда я былъ вотъ этакой маханькой и тогда уже смерть любилъ марать разныя рожи на стѣнахъ, и однажды нарисовалъ такого нищаго, что жалко было смотрѣть,— у меня въ деревнѣ есть даже своя рисовальная школа.

ГАНЯ.

Неужели?...

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Есть художникъ свой изъ дворовыхъ,—вотъ ужъ могу похвастать—Русскій, а не хуже иностранца.

ГАНЯ.

Ничего нѣтъ удивительнаго.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Одинъ только у него недостатокъ,—разумѣется неважный,—людей не умѣетъ писать.

ГАНЯ.

Кого же онъ пишетъ?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Звѣрей. Я вамъ доложу, на звѣряхъ собаку съѣлъ, а какъ человѣка начнетъ писать, все какъ-то на звѣря смахиваетъ. Но, позвольте, я вотъ за чѣмъ пришелъ: не согласится ли г. живописецъ снять мой портретъ?

ГАНЯ.

Почему же нѣтъ? Я его спрошу, — Синьоръ Джіовани! волете фаръ иль портрето ди квеста дурачино? Онъ согласенъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Только вотъ что! Я бы желалъ нельзя ли снять съ меня только одну сторону лица?

ГАНЯ.

То есть профиль?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Да-съ, и непремѣнно вотъ съ этой стороны.

ГАНЯ.

Отъ чего же не съ другой; развѣ съ одной стороны вы на себя не похожи?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Эта сторона, мнѣ кажется, красивѣе.

ГАНЯ.

Да! у васъ съ одной стороны Греческій профиль.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Неужели? А мнѣ говорятъ, на оборотъ, будто бы я похожъ на Сократа.

ГАНЯ.

Ну, да, съ другой стороны на Сократа—Сократъ былъ тоже Грекомъ. Да не хотите ли посмотрѣть скорѣе нашу работу. Синьоръ Силько, дате міо востре картино.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Тутъ и ваша работа?

ГАНЯ.

Не много, большая часть работы Синьора Силько.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

А! его!... Ваша живопись какой школы?

[illegible], *(забывшись)*.

Моя?...

ГАНЯ, *(перебивая)*.

За чѣмъ вы его спрашиваете, онъ не понимаетъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Какъ же мнѣ послышалось, будто онъ сказалъ: «моя.»

ГАНЯ.

Ну, да; по Итальянски это значитъ: «сдѣлайте милость, не спрашивайте меня, потому что я ничего не понимаю!»

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

А!!...

ГАНЯ.

Да! Синьоръ!... Ву зі препаре?... вуй? бене!.... садитесь; я вамъ буду объяснять сюжеты картинъ! Синьоръ! Помогате минутъ пока.

№ 5

Картины наши мы представимъ,
И предъ ученымъ знатокомъ
Себя, повѣрьте, не ударимъ,
Питомцы Рима, въ грязь лицемъ:
Вотъ вамъ горящій градъ Помпея,
Писалъ которую Брюловъ,
Двѣ сотни дайте, не жалѣя,
За сотню цѣлую головъ,

Теперь, [illegible],
Оригинальная, клянусь,
Все мрачно, черно, страшно, дико —
Таковъ во всемъ Фламандскій вкусъ!
А вотъ злодѣи, вотъ черкесы:
Глаза—огонь, въ аршинъ усы,
Густыя брови, какъ навѣсы,
И крючковатые носы!
Теперь антикъ.... смотрите въ оба,
Вотъ волкъ и пойманный баранъ,
Баранъ невинность, волкъ же-злоба;
Писалъ ихъ дивный Тиціанъ!
Вотъ вамъ Поль-Потера собака
И два черкасскіе вола,
Изъ-за картины этой драка
Не разъ на выставкѣ была,
Вотъ геній гдѣ: благоговѣйте,
Но мы его не продадимъ,
Вы только денегъ не жалѣйте,
Мы все вамъ даромъ отдадимъ!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Чудесно! въ особенности Помпея; какой огонь въ этомъ пожарѣ!

ГАНЯ.

А мой пейзажъ?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Это вашъ—поздравляю! Я давно желалъ пріобрѣсть такую коллекцію. Вѣрочка будетъ безъ ума отъ радости!

СИДКО, *(забывшись)*.

Вѣрочка? Какая Вѣрочка?

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Что съ вами?... (*Ганю.*) что съ нимъ?

ГАНЯ.

Ничего-съ. Не обращайте на это вниманія. (*Силко.*) Чортъ тебя побери, замолчишь ли ты, братецъ?

СИЛКО.

Слышалъ? Онъ сказалъ Вѣрочка!

ГАНЯ.

Да тебѣ, что за дѣло?... Это жена его.... старуха.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Я бы очень хотѣлъ пріобрѣсть эту превосходную коллекцію. Сколько вы возьмете за нее?

ГАНЯ.

Я сейчасъ переведу. (*Силко.*) Сколько проситъ?

СИЛКО.

Сколько хочешь.

ГАНЯ.

Да тысячи три серебромъ.

СИЛКО.

Что ты братецъ, съ ума сошелъ?

ГАНЯ.

Молчи пожалуйста!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Что жъ?... Это не дорого.... я съ величайшимъ удовольствіемъ согласенъ; Синьоръ Силько, (*Подаетъ ему руку*:) вы понимаете, я согласенъ.

СИЛЬКО.

Я тоже-съ!...

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Что-о-съ?

СИЛЬКО (*въ сторону*).

Проговорился!

ГАНЯ.

Онъ говоритъ: *я тоже-съ*... это слово на всѣхъ языкахъ одинаково.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Позвольте, я только схожу за своей Вѣрочкой, показать ей покупку. Вы позволите?...

ГАНЯ.

Сдѣлайте одолженіе.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Такъ досвиданія!

ГАНИ.

Синьоръ аспета... унъ моменто, унъ моменто.... я хотѣлъ попросить васъ... какъ бишь это по-русски называется... Дате сперва унъ задатно.

СИЛЬКО, *(дергая его)*.

Разбойникъ! что ты дѣлаешь?

ГАНИ.

Прошу денегъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Задатно... что такое задатно? Ахъ!... да... денегъ, извольте.... вотъ, что есть въ бумажникѣ—остальныя принесу.

ГАНИ.

Только вы должны держать въ тайнѣ, что купили здѣсь картины.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Отъ чего же?

ГАНИ.

Отъ того, что многіе изъ нихъ скопированы съ запрещеныхъ оригиналовъ, тихонько отъ Папы Римскаго. Показывать можете кому угодно, только не говорите, что купили у Итальянца Синьора Силько.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Будьте покойны, никто не узнаетъ. Прощайте, я скоро вернусь. Adio... grande, grande..., живописецъ, вотъ и я заговорилъ по Итальянски. Хе, хе, хе! До свиданія! (*Уходитъ, всѣ провожаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

СИЛКО и ГАНЯ, (*кидая вверхъ парикъ*).

ГАНЯ.

Бррава!... Виватъ! знай нашихъ!

СИЛКО, (*снимая бороду и парикъ*).

Злодѣй! что ты дѣлаешь? какъ тебѣ не стыдно?

ГАНЯ.

Вотъ-те на! Совѣтую тебѣ жаловаться, вмѣсто того чтобы кричать и веселиться.... Эй, Семенъ! Семенъ, пляши польку.

СЕМЕНЪ (*входитъ*).

Куда мнѣ батюшка!....

ГАНЯ.

Видишь ли: одна сто рублевая, другая, третья, а мелочи мы не считаемъ.

СЕМЕНЪ.

Ахъ, батюшки мои, въ самомъ дѣлѣ деньги! Дайте же хоть посмотрѣть какія бываютъ?

ГАНЯ.

Пляши польку.... со мной.... тредери.... дери.... вотъ такъ.

СЕМЕНЪ, *(падая на кресла).*

Эхъ, я уморился совсѣмъ!

ГАНЯ.

Семенъ, истинный философъ узнается въ дни счастья; избѣгай малодушія, злато-мечтаніе пустое.... на, бери ассигнацію, поди въ лавки, купи чаю, сахару, двѣ бутылки шампанскаго, папиросъ, дровъ и свѣчей,—у насъ сегодня балъ, не забудь одѣться приличнѣе. Въ твои лѣта не годится слишкомъ заботиться о наружной красотѣ;—но мудрецъ всегда соблюдаетъ во всемъ приличіе.

СЕМЕНЪ.

Что, Павелъ Александровичъ, итти, что-ли?

САМЪ.

Иди.... дѣлай, что онъ говоритъ; я самъ не понимаю, что нынче у меня происходитъ.

СЕМЕНЪ.

А жалованье, батюшка?

ГАЙИ.

Возьми и жалованье.

СЕМЕНЪ.

На нашей улицѣ праздникъ, дождались наконецъ.

ГАЙИ.

Берегись только, Семенъ, на углу роспивочная лавочка: человѣкъ слабъ, будь твердъ передъ искушеніемъ, внемли совѣту дружбы!....

СЕМЕНЪ.

Будьте покойны сударь.... дрова, свѣчи, сахару, чаю—не забыть бы чего!

ГАЙИ.

Не напейся пьянъ на радости; пьянство большой порокъ, слышишь ли? Да главное, не забудь принести Шампанскаго. (*Семенъ уходитъ; оборачиваясь къ Силко.*) Что ты такъ нахмурился?

СИЛКО.

Совѣстно, братецъ, не о такомъ успѣхѣ я мечталъ.

ГАЙИ.

Э, братецъ, однимъ достоинствомъ трудно выдти въ люди, надо полагаться иногда на счастье.

СИЛКО.

А если она узнаетъ?

ГАНЯ.

Кто она?

СИЛКО.

Да она!

ГАНЯ.

Помилуй.... она въ Харьковѣ; ну, да разбогатѣй только изъ любви къ ней, она не взыщетъ. Женщины за это никогда не сердятся.

СИЛКО.

До чего я дожилъ... рядимся, какъ на святкахъ, изъ куска хлѣба!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ *(кричитъ за сценой)*.

Сюда! сюда! осторожнѣй.

ГАНЯ.

Помѣщикъ вернулся! ей, поскорѣй, бороду надѣвай; живо, живо! (*Мѣняются бородами.*)

СИЛКО.

Въ самомъ дѣлѣ! чтобъ не узналъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ ИВАНЪ КУЗМИЧЪ и ВѢРА.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Вотъ и я опять, а вотъ и дочь моя!

СИЛЬВІО, *(вскрикивая)*.

Вѣра!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Да-съ, Вѣра.... вы по чему знаете?

ГАНЯ.

Да, молчи же!.... онъ сказалъ: ессо, по Итальянски значитъ: это правда!....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Только позвольте.... какъ же у нихъ волосы были другаго цвѣта, и у васъ также?

ГАНЯ *(въ сторону)*.

Ахъ, чортъ побери! (*Вслухъ Ивану Кузмичу*.) Это такъ, такъ показалось, а впрочемъ, можетъ быть, живописцы всегда возятся съ красками, такъ не мудрено, что какъ нибудь нечаянно....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ *(въ сторону)*.

Они меня, кажется, просто дурачатъ.

СИЛЬВІО.

Вѣра, это я.

ВѢРА.

Ахъ!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Что съ тобой?

ВѢРА.

Ничего.... оступилась.

СИЛКО.

Ганя.... это.... она!.... займи его чѣмъ нибудь.

ГАНЯ, (*въ сторону*).

Дѣло портится.... позвольте.... Вы, кажется, одной картины не видали еще копію съ Веронеза....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Гдѣ же?

ГАНЯ.

Вотъ здѣсь.... (*Отводитъ его.*)

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Вѣрочка!.....

ГАНЯ.

Она смотритъ другую картину, не мѣшайте.

ВѢРА.

Боже мой! Неужели это вы?!

СИЛКО.

Да-съ! Вы не узнали?

ВѢРА.

Развѣ вы въ маскарадъ собираетесь?

СИЛКО.

Нѣтъ-съ... я объясню вамъ....

ГАНЯ (*Ивану Кузмичу*).

Вы одинъ глазъ зажмурьте, другой прижмурьте и смотрите въ кулакъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Ничего не видно.

ГАНЯ.

Приставьте къ глазу и смотрите сквозь пальцы.

ВѢРА.

Вы не женаты?

СИЛКО.

Сохрани Богъ!.... а вы не замужемъ?

ВѢРА.

Пока еще нѣтъ.

СИЛКО.

Подождите еще не много; теперь я еще бѣденъ, но скоро я сдѣлаюсь извѣстенъ; слава принесетъ богатство, и тогда я все положу къ вашимъ ногамъ, я вамъ докажу, что вы однѣ жили въ душѣ моей, что я любилъ васъ всегда чисто, пламенно, горячо, какъ можетъ только любить художникъ.....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Ба!... ба!.... это что значитъ? Итальянецъ говоритъ чистымъ русскимъ языкомъ, да еще къ дочери моей подъѣзжаетъ.

СИЛКО.

Какой я Итальянецъ, я Павелъ Александровичъ сынъ Силко, изъ Роменскаго уѣзда; я познакомился съ Вѣрой Ивановной въ Харьковской губерніи, когда она гостила у тетки.

ВѢРА.

Я вамъ, папенька, разсказывала.....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Молчать! ахъ, вы мальчишки этакіе! дурачить меня затѣяли; я думалъ, что я къ Итальянцамъ пришелъ, а они, изволите видѣть, такіе же Русскіе, какъ и я; ахъ вы дрянь этакая, да я буду въ Полицію жаловаться; гдѣ мои деньги?.... Отдайте мнѣ мои деньги!

СИЛКО.

Ганя, отдай! тутъ, извините не всѣ.... остальныя я вамъ пришлю.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Ахъ, вы, прощалыги, скоморохи, тиранники этакіе; на глаза не смѣйте мнѣ показываться. Вѣра пойдемъ!

ВѢРА.

Папенька, простите ихъ!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Ни, ни.... не смѣй и говорить.

№ 6.

(Галопъ изъ балета: Гитана.)
Не въ сущей добротѣ я ли
Вамъ вѣрилъ, какъ дуракъ,
А вы вотъ и затѣяли
Меня цыганить такъ.
Но только, вотъ лишь выйду я,
Такъ я васъ проучу,
И вамъ ужъ за обиду я
Обоихъ отплачу!
На васъ я жаловаться буду;
Когда меня обидятъ въ чемъ,
Такъ я ужъ вѣчно не забуду—
Не будь Иваномъ Кузмичемъ!

ВѢРА, ГАНЯ, СИЛКО.

Вмѣстѣ
Простите шалости,—не будьте
Такъ строги къ людямъ молодымъ,
Гнѣвъ справедливый свой забудьте
И будьте намъ отцемъ роднымъ!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! И слышать не хочу!... (*Его удерживаютъ, но онъ уходитъ съ бѣшенствомъ.*)

СИЛКО (*являетс*я).

Все для меня кончено!...

ГАНЯ.

Ахъ, я дуракъ!... Ахъ, я оселъ этакой! Вѣкъ себѣ

не прощу. Вотъ услужилъ другу; Павлуша, бей меня, ругай меня,—дѣлай со мной, что хочешь; ну кто бы могъ подозрѣвать, что это будетъ его дочь!

Силко, (ломая кисти.)

Теперь мнѣ не для чего работать!...

Гаия.

Ломай! ломай! Меня бы сломать слѣдовало. Этотъ бюстъ за чѣмъ здѣсь? Въ дребезги его. Картина моя.... Ну, ее....къ чорту! (*Кидаетъ ее въ окно.*) На себя бы готовъ руки наложить—прости, братецъ, извини, вѣкъ не буду!

Силко.

Богъ тебя проститъ, Ганя.

Ганя (*плачетъ*).

Ахъ, я собака этакая! Ты со мной не говори такъ ласково. Ругай меня, бей меня, мнѣ будетъ легче!

Силко (*плачетъ*).

Я въ послѣдній разъ ее видѣлъ...

Ганя (*плачетъ*).

За чѣмъ я на свѣтъ родился?...

Силко (*плачетъ*).

И что она,—она-то подумала обо мнѣ!...

ГАНЯ *(плачетъ).*

И поправить-то теперь нечѣмъ. (*Падаютъ оба на кресла по обѣимъ сторонамъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ИВАНЪ КУЗМИЧЪ и ВѢРА.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ *(входитъ съ изломанной шляпой на головѣ и выброшенною въ окно картиною въ рукахъ, въ страшномъ негодованіи).*

Нѣтъ-съ! Это ужъ изъ рукъ вонъ—здѣсь, просто, разбойники живутъ. На жизнь мою посягаютъ. Не успѣлъ я выдти на улицу, какъ мнѣ прямо въ голову эта штука,— я думалъ параличъ разбилъ. Тутъ умыселъ.... убійство,—не угодно ли со мной къ квартальному. Подъ судъ васъ, на висилицу васъ, въ каторгу!

ГАНЯ.

Этого не доставало еще. Это я виноватъ, нечаянно бросилъ, съ горя.... съ меня извольте взыскивать.

СИЛКО.

Нѣтъ-съ, мы оба виноваты.

ГАНЯ.

Не вѣрьте,—онъ заступается.

САШКО.

Нѣтъ-съ, онъ не долженъ отвѣчать одинъ.

ВѢРА.

Папенька, не сердитесь,—простите!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Нѣтъ, довольно они надо мной смѣялись. Теперь моя очередь. Это что за шумъ опять такой?

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и СЕМЕНЪ (*пьяный, съ покупкою*).

СЕМЕНЪ.

Вотъ, батюшка, я въ аккуратѣ, все принесъ, какъ приказано.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Пьянаго недоставало—настоящій вертѣпъ разбойничій.

СЕМЕНЪ.

Выпилъ батюшка,—грѣха таить нечего, выпилъ; встрѣтилъ добраго человѣка, выпили вмѣстѣ. Да вамъ то что.... вотъ, предъ Павломъ Александровичемъ виноватъ.... точно виноватъ!... Стыдно!... да и передъ

Гаврилом Алексѣевичем еще горше виноват. Я покойному барину дал слово служить ему честно, что называется въ аккуратѣ, когда вотъ еще выѣзжали изъ Подкатиловки....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Изъ какой Подкатиловки?

СЕМЕНЪ.

Село Подкатиловка, Тамбовской губерніи, хорошее село. Церковь каменная.. мелкопомѣстные все живутъ. Добрый баринъ былъ Алексѣй Кузмичъ. Царство ему небесное!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Что ты.... Какой Алексѣй Кузмичъ?

СЕМЕНЪ.

А вамъ на что?... Извѣстно какой, Дашкинъ, Алексѣй Кузмичъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Какъ!.... а сынъ-то его?

СЕМЕНЪ.

А сынъ,—извѣстное дѣло,—вотъ Гаврило Алексѣевичъ....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Какъ, этотъ? Ахъ ты, мерзавецъ, да вѣдь ты мой племянникъ. Я самъ—Лапинъ, Иванъ Кузмичъ—братъ отца твоего покойнаго.

ГАНЯ *(на колѣнахъ)*.

Дядюшка! Дѣлайте со мной, что вамъ угодно, только его простите; онъ ни въ чемъ не виноватъ. Все я затѣялъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Я цѣлую недѣлю тебя отыскиваю по Петербургу, хорошо отрекомендовался, нечего сказать.

СИНИЧКИНЪ.

То-то я гляжу: какъ будто знакомое лицо. Ну, батюшка, Иванъ Кузмичъ, какой же ты гадкій сталъ.... старый какой.... плѣшивый! а въ 20-мъ году, когда къ намъ молодцомъ въ послѣдній разъ пріѣзжалъ; когда изволили жениться на дочери откупщика; молодцомъ просто былъ. Куда все дѣвалось? Вѣкъ бы не узналъ, право. Ахъ, ты, батюшка. Старикашка, просто, дрянный сталъ—никуда нигодящій!

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Ну, перестань, перестань, и ты хорошъ.

ГАНЯ.

Дядюшка! Такъ какъ теперь у васъ есть племян-

никъ, вы должны непремѣнно лишиться дочери. Позвольте мнѣ отдать ее отличному художнику, другу моему Павлу Александровичу.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Итальянцу?

ГАНЯ.

Нѣтъ; онъ, слава Богу, Русскій. Теперь времена такія, что Русскій человѣкъ никому не уступитъ.

СИЛКО.

Иванъ Кузмичъ, я не смѣю говорить за себя, но Вѣра Ивановна меня знаетъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Такъ вотъ за чѣмъ ты такъ любила живопись и меня туда же, стараго болвана, въ охотники записала.

ВѢРА.

Люблю, папенька!... Что дѣлать!...

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Любишь живопись.... а живописца-то еще больше, кажется?

ВѢРА.

Папенька, наше счастье зависитъ отъ васъ....

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Тс.... тс.... посмотримъ еще.

СИЛКО.

Ганя, другъ мой, я твой вѣчный должникъ.

ГАНЯ.

Вотъ-те на!—Наконецъ и мнѣ кто нибудь да долженъ.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Да художникъ ли онъ?

СИЛКО.

Позвольте доказать только.

ИВАНЪ КУЗМИЧЪ.

Ну, хорошо! Напиши такую картину, чтобы всѣ похвалили, и тогда, пожалуй, женись на моей дочери.

СИЛКО.

О, больше я ничего и не желаю, Иванъ Кузмичъ. Вѣра, дай мнѣ руку твою; ты будешь довольна своимъ женихомъ. Теперь же начну я свой трудъ,—онъ давно обдуманъ, но дожидается счастья для созданія. Кисти, палитру! (*Музыка декламируетъ.*)

№ 7.

Сойди, святое вдохновенье,
Артиста трудъ благослови

И очерти его творенье
Во имя—славы и любви!

(Публикѣ.)

Теперь картину, я съ охотой,
Наброшу скорою рукой,
А вы подайте голосъ свой:
Довольны-ль вы моей работой
И нашей бѣдной Мастерской?...

(Начинаетъ писать картину,—дѣйствующіе по сторонамъ. Силко показываетъ на картину,—картина является.)

ГОРБУНЪ,

или

ВЫБОРЪ НЕВѢСТЫ.

Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БРЕМСЕНЪ, одесскій негоціантъ, обрусѣвшій нѣмецъ.

АДОЛЬФЪ, его племянникъ, возвратившійся изъ Индіи.

ЕЛИЗАВЕТА, 20 лѣтъ } дочери Бремсена.
ЕЛЕНА, 17 лѣтъ }

ТРИКОПФЪ, мѣстный поэтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Одессѣ.

СЦЕНА 1.

Кабинетъ купца, съ особой отгородкой, окружающей конторку.

БРИ[illegible]Ъ, *(одинъ, за конторкой, разсматриваетъ счеты и корреспонденцію).*

А новаго кассира все еще нѣтъ до сихъ поръ. Сегодня долженъ быть, а все нѣтъ еще. Посмотримъ, какой-то еще будетъ? А теперь-то именно мнѣ и нуженъ помощникъ.... Ну, посмотримъ, что тутъ такое? (*Разбираетъ бумаги.*) Изъ Манчестера прислали ситцевъ.... хорошо! Требуютъ пеньки.... Пошлемъ!... «На сахаръ можно сдѣлать славное дѣло».— Конечно!—«да и вообще цѣны на нѣкоторые предметы видимо поднимаются, благодаря войнѣ съ Турками».—А какъ подумаешь, какое славное это дѣло-война! Конечно, не вблизи; вблизи, оно дѣло непріятное, даже опасное; но издалека, и особенно въ нашемъ купеческомъ сословіи, ничего лучшаго и желать нельзя, кажется.... если есть у кого залежавшійся товаръ, и тотъ идетъ съ рукъ, а коли кто во время догадается, скупитъ въ однѣ руки, хоть бы напримѣръ, сахаръ, хлѣбъ или корицу, да повыдержитъ, понабьетъ цѣну повыше, такъ тутъ въ одинъ мѣсяцъ барыша можно нажить больше, чѣмъ въ другой хорошій годъ.... Я думаю, на биржѣ будетъ нынче суматоха. Который теперь часъ? (*Смотритъ на часы.*) чтобъ не опоздать только.... главное, не упустить бы изъ рукъ са-

хару; онъ и теперь уже по 9 рублей; черезъ недѣлю будетъ по 12, а черезъ двѣ, можно будетъ рубль на рубль взять.... а не будь войны, тотъ же сахаръ продавали бы въ убытокъ. Хорошее дѣло война! Однако, сахаръ, сахаръ! Какъ бы не упустить покупку. (*Поетъ*).

№ 1.

Вѣрнѣйшей операціи
Не встрѣтится опять;
Барышъ на ассигнаціи,
Въ недѣлю тысячъ пять!
Афера; просто, славная;
Какъ сахаръ закуплю,
Такъ съ сахаромъ исправно я
Всей биржѣ насолю!...

Половина двѣнадцатаго.... Къ двѣнадцати надо быть на биржѣ.... Ахъ, чуть было не забылъ прочитать письма! (*Распечатываетъ одно письмо.*) Это изъ Макарьевской ярмарки: «Уральское желѣзо и чугунъ вздорожали; велико требованіе въ Петербургъ и на оружейные заводы». Ну, такъ и есть; все по случаю войны.... (*Распечатываетъ другое письмо.*) Это откуда? Ба, изъ Петербурга, отъ брата. Добрый мой Францъ Иванычъ! Вотъ торговое-то дѣло! Лѣтъ двадцать не видались. Онъ въ Петербургѣ сидитъ за конторкой, а я вотъ въ Одессѣ. Дорого бы я далъ, чтобъ обнять его! Что-то онъ пишетъ? «Носятся слухи о запрещеніи вывоза хлѣба за границу. Надо его сбывать поспѣшнѣе. Держитесь крѣпко за колоніяльный товаръ.... особенно поднимайте сахаръ». Такъ, такъ я и говорилъ.... «Изъ Индіи возвращается

старшій сынъ мой, Адольфъ.... ѣдетъ на Одессу. Малый ловкій и предпріимчивый. Въ Индію ѣздилъ не даромъ.... а если дочки твои не сговорены, такъ не отпускай Адольфа, не сдѣлавши дѣла. И зять, и помощникъ будетъ славный.... Пусть другъ другу приглянутся. Онъ дочерей твоихъ уже знаетъ по портретамъ, и, кажется, отъ нихъ безъ ума. Жени на той, которой онъ понравится, а молодыхъ препроводи ко мнѣ въ наличности, сполна и безъ замедленія». (*Складываетъ письмо и встаетъ.*) А чтожъ? и въ самомъ дѣлѣ! Дѣвочки мои недурны. Мнѣ, старику, возиться съ ними некогда.... онѣ все однѣ, да однѣ.... безъ матери.... Ну, да и дѣла мои пойдутъ поскорѣе. Помощникъ.... съ капиталомъ отдѣльнымъ, и самостоятельнымъ, съ опытностію, ловкій. Давай Богъ поскорѣе такого гостя.... Пусть только посватается, а между тѣмъ сахаръ мы спустимъ съ рукъ, на барыши сыграемъ свадьбу, а тамъ соединимъ капиталы, работа и барыши пополамъ, да на бланкахъ для нашей корреспонденціи и отпечатаемъ огромными буквами новую фирму: Россійскій торговый домъ Бремсенъ и....

СЦЕНА 2.

БРЕМСЕНЪ и АДОЛЬФЪ.

АДОЛЬФЪ, (*обнимая дядю*).

.... и компанія! почтеннѣйшій дядюшка!...

БРИНСКИНЪ.

Кого... я... вижу... Адольфъ! Ты уже здѣсь, изъ Индіи? Такъ скоро? ты сынъ Франца?

АДОЛЬФЪ.

Я самый.... торопился дядюшка.... по прямой дорогѣ: на Константинополь.

БРИНСКИНЪ.

Какъ же, въ теперешнее время?

АДОЛЬФЪ.

На турецкой фелукѣ, дядюшка.

БРИНСКИНЪ.

Ну, молодецъ, братъ! Дай-ко взглянуть на себя. Вылитый отецъ! Вотъ такимъ-то зналъ я своего Франца.... Какъ подумаешь, однакожъ, время-то какъ летитъ! Двадцать лѣтъ не видались.... Ну, очень радъ, очень радъ! Однакожъ, ты посиди здѣсь.... а мнѣ надо на биржу.... не упустить бы сахару.... Ба! да это чтожъ у тебя такое? Развѣ ты горбатый?

АДОЛЬФЪ *(весело)*.

Это, такъ, ничего, дядюшка. Это индѣйская мода.... Я вотъ сбѣгаю, переодѣнусь....

БРИНСКИНЪ.

Но ты богатъ, по крайней мѣрѣ?

АДОЛЬФЪ.

Какъ вамъ сказать, дядюшка? Кромѣ горба ничего не имѣю.

БРЕМСКИНЪ.

Что, ты терпѣлъ кораблекрушеніе?

АДОЛЬФЪ.

Терпѣлъ, дядюшка, но....

БРЕМСКИНЪ.

Вотъ она, торговля-то! Ну, да впрочемъ бѣда не большая! Я вернуся скоро, ты мнѣ все раскажешь обстоятельно. Рафинадъ на биржѣ продаютъ; надо поторопиться.... Да, да, всѣмъ бы молодецъ; жаль, что на спинѣ-то у тебя такой сахаръ, то есть горбъ, хотѣлъ я сказать. Ну, посиди-ко въ конторѣ, а я сейчасъ вернусь.

АДОЛЬФЪ.

Я хотѣлъ бы переодѣться.

БРЕМСКИНЪ.

Успѣешь послѣ.... посиди здѣсь.... побереги контору. По 9 рублей за пудъ! Если взять тысячь на двадцать.... А какъ на отца-то похожъ! Ну, прощай! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 3.

АДОЛЬФЪ (*одинъ*).

Чудакъ, а добрый человѣкъ долженъ быть мой дядюшка. Онъ, какъ кажется, уже мечтаетъ о фирмѣ Бремсена и компанія. Да что же, и я не прочь; Индѣйская жизнь вотъ гдѣ у меня сидитъ. Сестрицы мои хороши, какъ день, если судить по портретамъ, которые въ прошломъ году батюшка прислалъ мнѣ въ Калькутту. А съ портретами было приказаніе, чтобы я, по окончаніи калькутскихъ дѣлъ, побывалъ въ Одессѣ и женился бы на одной изъ кузинъ. (*Садится за конторку*.) Уфъ! Пора, давно пора мнѣ промѣнять мою кочевую жизнь на осѣдлую, семейную. Дядюшка всегда велъ дѣла свои счастливо. Состояніе у него должно быть хорошее. Но не въ томъ дѣло. Главное— найти въ женѣ любящее сердце, пожалуй немножко ума въ придачу не мѣшаетъ. Хорошо бы пожить наконецъ для себя?... Однако, гдѣ же моя комната, надо переодѣться. А.... вотъ и кузина, кажется. Это старшая.... (*Встаетъ, хочетъ выдти изъ-за рѣшетки конторки, но въ это время изъ боковыхъ дверей входитъ Елизавета, съ книгою въ рукахъ. Адольфъ прячется за рѣшеткой*).

СЦЕНА 4.

ЕЛИЗАВЕТА, АДОЛЬФЪ.

ЕЛИЗАВЕТА (*смотритъ въ книгу и декламируетъ*).

И скучно, и грустно, и не кому руку подать
Въ минуты душевной невзгоды!

Что пользы напрасно и вѣчно желать!
А годы проходятъ... все лучшіе годы!
Любить? Но кого же? На время–не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
Въ себя ли заглянешь, — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда—
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно!
Что страсти? Вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка!...
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка.

АДОЛЬФЪ.

Читаетъ Лермонтова! Какъ идутъ къ ней эти прекрасные стихи!

ЕЛИЗАВЕТА.

Однако, уже 12 часовъ.

СЦЕНА 5.

ЕЛИЗАВЕТА, АДОЛЬФЪ и ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА *(входитъ)*.

А, ты здѣсь? Я тебя вездѣ искала.

ЕЛИЗАВЕТА *(въ сторону)*.

Какая она несносная! За чѣмъ она сюда пришла?

АДУЕВЪ.

И эта хороша! Вотъ задача теперь: какую выбрать?

ЕЛЕНА.

Я пришла сказать тебѣ новость.

ЕЛИЗАВЕТА.

Какую новость? Не могла ты найти другаго времени!...

ЕЛЕНА.

Варенька Коренова выходитъ за-мужъ. Сегодня обручили.

ЕЛИЗАВЕТА.

За-мужъ? за кого это?

ЕЛЕНА.

За Графа Мисхорина.

ЕЛИЗАВЕТА.

За старика?

ЕЛЕНА.

Представь себѣ, за старика! Ей 17 лѣтъ, а ему подъ 70. Что ты на это скажешь?

ЕЛИЗАВЕТА.

Что! Я нахожу, что если она его любитъ, она хорошо дѣлаетъ. Любовь все извиняетъ.

ЕЛИНА.

Да развѣ можно любить старика?

ЕЛИЗАВЕТА.

А почему-жъ нѣтъ? Ты судишь, какъ ребенокъ. Любовь похожа на милосердіе: она не разбираетъ ни лѣтъ, ни наружности.

АДОЛЬФЪ.

Какія прекрасныя чувства! Я бы выбралъ эту.

ЕЛИЗАВЕТА.

О, да! Я чувствую, что я могла бы посвятить жизнь свою для счастія человѣка обиженнаго, забытаго, отверженнаго, даже безобразнаго. Понимаешь ли, какъ благородно, какъ высоко—отрадно сказать себѣ: онъ жалокъ, онъ ничтоженъ, онъ несчастливъ, онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ,—но я замѣняю ему всю Вселенную! Для него я лучше почестей, славы, красоты и молодости. Для него—я вся жизнь его, радость въ настоящемъ, надежда въ будущемъ. Мною онъ живетъ, и кромѣ меня—нѣтъ ему убѣжища на свѣтѣ.

ЕЛИНА.

Такъ ты вышла бы за урода?

ЕЛИЗАВЕТА.

Безъ сомнѣнія.

ЕЛЕНА.

Какъ? за калѣку, стараго, безобразнаго, лысаго, гадкаго, горбатаго?

ЕЛИЗАВЕТА.

Конечно,—если въ немъ душа только хороша.

АДОЛЬФЪ.

Это ангелъ, а не женщина!

ЕЛЕНА.

Ну, нѣтъ, извини, я съ этимъ не согласна. Что за радость имѣть всегда передъ глазами какое нибудь чучело. На то и даны глаза, чтобы любить привлекательное.

АДОЛЬФЪ.

Ну, эта, кажется, съ чувствами довольно пошлыми.

ЕЛЕНА.

Что до меня касается, я бы хотѣла мужа молодаго, котораго я могла бы дольше любить; недурной наружности, чтобъ мнѣ весело было на него глядѣть,—и наконецъ, съ состояніемъ, чтобъ жить не въ нуждѣ и оставить что нибудь дѣтямъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Избавь меня отъ этихъ прозаическихъ расчетовъ.

(*Вздыхая.*) Видно онъ нынче не будетъ. Для тебя жизнь такъ рѣзко, такъ опредѣлительно выражается. Ты не понимаешь неясныхъ стремленій души.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, не понимаю.

ЕЛИЗАВЕТА.

Гдѣ тебѣ!... Нѣтъ, тебѣ не понять тайнаго плача сердца, когда оно взываетъ къ небу. Ты не можешь постигнуть, сколько живительной силы можетъ имѣть одинъ взглядъ, полный сочувствія, одно простое слово, ничтожныя рѣчи, которыя только для насъ имѣютъ смыслъ.

ЕЛЕНА.

Охота тебѣ все читать такія грустныя стихотворенія, и все о любви.... Нѣтъ, по моему, на все есть время. Прійдетъ пора.... будемъ любить, выйдемъ замужъ....

№ 2.

(Поетъ.)

Дѣвичье значенье
Вотъ, кажется, въ чемъ:
Души нетерпѣнье
Держать подъ ключемъ.
Имъ думать не надо
Какъ мужа добыть.
Найдется—такъ рада,
А нѣтъ—такъ и быть!

Что думать, какъ далѣ
Жизнь кончимъ свою?!
Покамѣсть на балѣ
Я польку люблю.
Непрочь я мазурки,
Коль гладокъ паркетъ,—
Супружество—жмурки,
А молодость—свѣтъ.

На все свое время,
Но лучше—пока
Свобода не бремя
И жизнь такъ легка.
А время найдется
Мечтать о любви
Покамѣсть живется;
Тогда и живи!

Дѣвичье значенье
Вотъ, кажется въ чемъ:
Души нетерпѣнье
Держать подъ замкомъ.
Имъ думать не надо
Какъ мужа добыть:
Найдется—такъ рада,
А нѣтъ—такъ и быть!

ЕЛИЗАВЕТА (*въ сторону*).

Нѣтъ, видно не будетъ. Да и лучше. (*Ей.*) Пойдемъ въ мою комнату. Я тебѣ покажу послѣдній нумеръ Современника.

ЕЛЕНА.

За чѣмъ мнѣ онъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Въ чтеніи, мой другъ, лучшая отрада, лучшій отдыхъ отъ вседневной суеты. Пойдемъ. (*Въ сторону.*) Хорошо, что онъ не пришелъ.

СЦЕНА 6.

АДОЛЬФЪ *(одинъ.)*

Чудо.... прелесть. Умъ.... красота.... глубина чувства.... Въ ней все; я буду любить Елизавету мою безъ ума. Какъ хорошо я сдѣлалъ, что бросилъ свою Индію, и такъ поторопимся. Да нѣтъ, я не достоинъ ее; я веселый, беззаботный малый,— а для нее нуженъ человѣкъ съ необыкновенными достоинствами. Она не захочетъ любить меня. Что я передъ ней.... она красавица,— а я красотой никогда не славился. Впрочемъ, отъ мужа красоты не требуется.

№ 3.

Когда ужъ рѣчь идетъ о мужѣ,
О томъ чтобъ, вѣчно жить вдвоемъ;
Тотъ, право лучше, кто похуже:
Онъ не измѣнится ни въ чемъ.
Хоть красота съ ума всѣхъ сводитъ,
Но въ красотѣ одна бѣда;
Что скоро красота проходитъ,
А безобразье никогда!

Да впрочемъ, чего я боюсь? Она сама говорила, что любовь не разбираетъ ни лѣтъ, ни наружности,—что, она можетъ выдти за-мужъ за человѣка отверженнаго, безобразнаго. Вѣдь я, наконецъ, не такъ уже дуренъ. Рѣшено, сейчасъ же пріодѣнусь.... и съ перваго дня объявлю свое намѣреніе.

СЦЕНА 7.

АДОЛЬФЪ и ТРИКОПФЪ.

ТРИКОПФЪ *(входитъ на цыпочкахъ)*.

Тсъ.... тсъ.... ты здѣсь....

АДОЛЬФЪ.

Это что-за голосъ?

ТРИКОПФЪ.

Гдѣ ты, моя желанная, послѣдняя искра потухшаго сердца, роскошное свѣтило моего мрачнаго горизонта.

АДОЛЬФЪ.

Это что-то подозрительно.

ТРИКОПФЪ.

Отецъ твой вышелъ. Насталъ вожделенный часъ свиданья. Я немного опоздалъ сегодня. Ты сердишься? Я слышу шорохъ твоего платья. Отвѣчай же.... Дай услышать небесный твой голосъ.... Здѣсь ты?

АДОЛЬФЪ, *(за рѣшеткой, басомъ)*.

Здѣсь!...

ТРИКОПФЪ, *(отскакивая съ испугомъ)*.

Это что такое.... ужъ не западня ли? Отколотятъ пожалуй! Кто тамъ?

АДОЛЬФЪ (*выходя*).

Честь имѣю рекомендоваться, прошу любить и жаловать.

ТРИКОПОФЪ.

Да вы-то сюда какъ попали? Ахъ, какой я безтолковый. Это новый кассиръ, котораго сего дня ожидали. Здравствуйте, любезнѣйшій; давно вы здѣсь?

АДОЛЬФЪ.

Недавно-съ; съ полчаса.

ТРИКОПОФЪ.

Хорошее у васъ мѣстечко тутъ?

АДОЛЬФЪ.

Да-съ, покамѣсть не дурно. Не знаю что будетъ дальше....

ТРИКОПОФЪ.

Смотрите, ведите счеты аккуратно.... Вы видно привыкли къ сидячей жизни. У васъ и спина-то такая?.... (*Хлопаетъ по спинѣ.*) Однакожъ, о томъ, что вы меня здѣсь видѣли, ни полслова, слышите ли?

АДОЛЬФЪ.

Смѣю ли я?

ТРИКОНОФЪ.

А что касса въ хорошемъ состояніи.... какъ вы думаете, по сколько придется каждой дочери г. Бремсена?

АДОЛЬФЪ.

Да, если она за васъ выйдетъ, такъ ей придется не много.

ТРИКОНОФЪ.

Что это ты говоришь, любезный?

АДОЛЬФЪ.

Теперь у насъ всѣ капиталы въ оборотѣ. Счетовъ не сводили. Торговое дѣло, знаете, невѣрное.

ТРИКОНОФЪ *(въ сторону)*.

Не поторопился ли я?....

АДОЛЬФЪ.

Вѣроятно, вы главный повѣренный Г. Бремсена?

ТРИКОНОФЪ.

Ну, нѣтъ, братецъ.

АДОЛЬФЪ.

Можетъ быть компаніонъ.

ТРИКОПФЪ.

Ну, нѣтъ, и не компаніонъ.

АДОЛЬФЪ.

Родственникъ?

ТРИКОПФЪ.

Не совсѣмъ еще.

АДОЛЬФЪ.

Такъ кто же вы такой?

ТРИКОПФЪ.

Я, братецъ, человѣкъ, о которомъ и вы, вѣроятно, слыхивали.

АДОЛЬФЪ.

Можетъ быть.... но кто же?...

ТРИКОПФЪ.

Я, любезный?... Я самъ Трикопфъ.... Аполлонъ.

АДОЛЬФЪ.

Трикопфъ?

ТРИКОПФЪ.

Извѣстный, братецъ, сочинитель.... Вы, можетъ

быть, читали.... мои Облака и Туманы, Порванныя струны.... Это все мое.... и большую мою диссертацію....Нѣчто о вѣчности.

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ-съ, грѣшный человѣкъ, не читалъ.

ТРИКОПФЪ.

Я тотъ самый, о которомъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1849 года, въ 11 нумерѣ сказано: «у г. Трикопфа слогъ чистый, правильный и даже изящный.» Обо мнѣ даже въ одной періодической газетѣ отзывались съ похвалой! (*Въ сторону.*) Кстати, я послалъ редактору два фунта Турецкаго табаку изъ Одессы.

АДОЛЬФЪ (*разсѣянно*).

Да-съ. Это все очень пріятно. (*Въ сторону.*) Какъ бы узнать: для которой онъ приходилъ. Неужели для Елизаветы. Нѣтъ; быть не можетъ! Она съ такими глубокими чувствами! Вѣрно для этой вертлявой Елебы. (*Ему.*) Скажите, однакожъ, г. Кнопфъ, какъ нишь ваша фамилія...

ТРИКОПФЪ.

Трикопфъ.... Аполлонъ....

АДОЛЬФЪ.

Съ вашими блестящими способностями.... вы, вѣрно, имѣете большіе успѣхи.... въ особенности у женщинъ?...

ТРИКОПФЪ.

Да, не безъ того.

АДОЛЬФЪ.

Да и здѣсь, кажется, въ домѣ?

ТРИКОПФЪ.

Шш.... шш.... ни слова объ этомъ. Отецъ еще ничего не знаетъ.

АДОЛЬФЪ.

Не знаетъ?... А дѣло далеко зашло.

ТРИКОПФЪ.

Покамѣстъ еще въ облакахъ, на землю еще не спускаемъ. По второе Октября она созналась мнѣ, что она ко мнѣ не равнодушна,—позволила ей говорить ты.

АДОЛЬФЪ.

И здѣсь у васъ свиданье?

ТРИКОПФЪ.

Здѣсь, каждый день.... Я караулю на улицѣ, когда отецъ выйдетъ. Это значитъ двѣнадцать пробило. Старикъ аккуратный, идетъ на биржу!... а меня здѣсь ожидаетъ она.

АДОЛЬФЪ.

Которая же?....

ТРИКОПОФЪ.

Только смотрите, пока не говорите....

АДОЛЬФЪ.

Да которая же?....

ТРИКОПОФЪ.

Вы меня еще выдадите. Вы кассиры, люди опасные!

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ, напротивъ; я помогу вамъ, какъ хотите.

ТРИКОПОФЪ.

А въ самомъ дѣлѣ, можно бы было у него занять денегъ.... на счетъ будущихъ благъ....

АДОЛЬФЪ.

Скажите, которая?....

ТРИКОПОФЪ.

Да что это васъ такъ интересуетъ?... Ну, извольте, я вамъ скажу. Только, чуръ, никому.... (*Оглядывается.*)

АДОЛЬФЪ:

Никому...!

ТРИКОЛОФЪ.

Вотъ, видите ли, это случилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Представьте себѣ....

(*Голосъ Бремсена за кулисами.*)

Скажите кассиру, чтобъ онъ дожидался!

ТРИКОЛОФЪ.

Вотъ-те на!... Старикъ вернулся не въ примѣръ, рано.... я зайду послѣ.... Теперь не хорошо, если съ вами увидитъ.

АДОЛЬФЪ.

Да которая же??....

ТРИКОЛОФЪ.

Но я первый разъ. Я отсюда юркну.... Объ дѣльцѣ послѣ поговоримъ.

СЦЕНА. 6.

БРЕМСЕНЪ и АДОЛЬФЪ.

АДОЛЬФЪ

Которая же? Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія.... Елена.... та бы не полюбила такого пошлаго болвана.

БРИКСИНЪ.

Ну, вотъ и я весь на лицо. Нынче, братецъ, славный для меня день въ итогѣ. Рафинадъ весь купленъ, и ты пріѣхалъ. Представь себѣ, въ одно утро полтину на рубль успѣли набавить. Видно, поняли въ чемъ дѣло. Да и я не промахъ. Да-съ, по 9 рублей 75 копѣекъ.... и все забралъ, все.... ничего не оставилъ. Захочу, такъ вся Одесса будетъ пить чай съ медомъ. Сахару ни куска. Все у меня. Весь капиталъ убухалъ. Черезъ недѣлю шесть гривенъ на рубль возьму.... Каково распоряжаюсь?

АДОЛЬФЪ.

Прекрасно, дядюшка! (*Въ сторону.*) Онъ и не подозрѣваетъ, что у него происходитъ въ домѣ! (*Ему.*) Дядюшка, я бы хотѣлъ переодѣться....

БРИКСИНЪ.

Пустяки, братецъ; успѣешь еще. Пойдемъ завтракать вмѣстѣ, да потолкуемъ, а тамъ и влюбиться успѣешь.

№ 4.

Законъ всегдашній у меня:
То дѣлать, что велитъ разсудокъ,
Бояться сердца, какъ огня,—
И полагаться на желудокъ!

АДОЛЬФЪ.

(Вальсъ)
Хочу отъ нынѣшняго дня
То дѣлать, что велитъ разсудокъ,
Бояться сердца, какъ огня—
И полагаться на желудокъ!

БР[illegible]Ъ.

Вмѣстѣ
Законъ всегдашній у меня:
То дѣлать, что велитъ разсудокъ,
Бояться сердца, какъ огня—
И полагаться на желудокъ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА 9.

ТРИКОПФЪ и ЕЛИЗАВЕТА.

ЕЛИЗАВЕТА.

Говорятъ, Адольфъ пріѣхалъ. Такъ и есть: батюшка съ кѣмъ-то разговариваетъ.... Объ Индіи.... Онъ, точно. Какой пріятный голосъ! Ему лѣтъ тридцать, не больше будетъ. У него мой портретъ въ голубомъ платьѣ.... Кого же онъ выберетъ? Пойду переодѣться поскорѣе. (*Трикопфу*.) Вы здѣсь за чѣмъ?

ТРИКОПФЪ.

Какъ за чѣмъ? Теперь время чтенія нашего.

ЕЛИЗАВЕТА (*съ досадой*).

Нѣтъ, теперь вовсе не время.

ТРИКОПФЪ.

Быть можетъ.... Что такое время? Простой физіологическій анализъ нашихъ душевныхъ манифестацій.

ЕЛИЗАВЕТА.

Мнѣ некогда теперь....

ТРИКОНОФЪ.

Какъ дивно хороша ты сегодня съ твоею блѣдно-меланхолическою женственностію. Дай мнѣ руку, прекрасный другъ мой!

ЕЛИЗАВЕТА.

Съ чего вы взяли? Что, вы съ ума сошли?

ТРИКОНОФЪ.

Не съ чего. Я ни съ чего не взялъ.... Не ты ли сама?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Пожалуйста, не говорите мнѣ ты.

ТРИКОНОФЪ.

Не сама ли ты позволила? Развѣ забыла ты уже незабвенный день 2-го Октября?

ЕЛИЗАВЕТА.

Ну, что тутъ помнить? Ребячество было, шалость. Отъ скуки стихи начали читать, а вы подумали, я не знаю что!

ТРИКОНОФЪ.

Нѣтъ, я очень знаю. Вы мнѣ говорили, что наши

души сестры по страданіямъ, по этому паренію къ высшему, что вы ни въ грошъ не ставите, презираете, хотѣлъ я сказать, законы свѣта и цѣпи приличій. Такъ докажи мнѣ это теперь. Уйдемъ, убѣжимъ на край свѣта!

ЕЛИЗАВЕТА (*въ сторону*).

Жаль, что локоновъ не успѣю распустить.... они мнѣ очень къ лицу.

ТРИКОНОФЪ.

Ты думаешь, ты колеблешься? О, свѣтлая мечта души встревоженной и пылкой! Не дразни меня своимъ притворнымъ равнодушіемъ. Ты знаешь, я легковѣренъ, я довѣрчивъ, какъ малое дитя, ты укротила это львиное сердце, эту необузданную волю! Хочешь ли-я буду плакать, умолять тебя? Но нѣтъ! Я вѣрю въ твою искренность, я буду глядѣть на тебя, я положу голову мою на твои колѣна и засну безмятежнымъ сномъ ребенка.

ЕЛИЗАВЕТА (*холодно*).

Вы никому не сказывали о нашихъ чтеніяхъ?

ТРИКОНОФЪ.

Небу, звѣздамъ, вѣтру, волнамъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

А людямъ?... людямъ?

ТРИКОНОФЪ.

Обидно мнѣ твое подозрѣніе. Я храню въ сердцѣ твою любовь, какъ перлъ въ раковинѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да перестаньте говорить про любовь. Теперь не то на умѣ вовсе.

ТРИКОНОФЪ.

Ты встревожена! Неужели набѣжало зловѣщее облако на свѣтлое небо нашей симпатіи? Скажи мнѣ, что заставило тебя содрогнуться, моя лилія?

ЕЛИЗАВЕТА.

Да перестаньте же. Дайте слово, что вы никогда, никому не разскажите....

ТРИКОНОФЪ.

Чего?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Да про эти чтенія.

ТРИКОНОФЪ.

Но почему же?...

ЕЛИЗАВЕТА.

А потому, что я хочу это все забыть.... Не все же, въ самомъ дѣлѣ, мечтать! Не могу же я пожертвовать

своей судьбы однѣмъ мечтамъ. Прощайте, бѣдный другъ, когда вы станете читать Пушкина, Лерманто-ва-вспомните обо мнѣ. А теперь, не удерживайте болѣе. Союзъ нашихъ сердецъ долженъ рушиться! У меня есть высшія обязанности.... я должна итти одѣться.

ТРИКОНОФЪ.

Да погоди же!...

ЕЛИЗАВЕТА.

Не останавливайте! Я высказала приговоръ намъ обоимъ. Тяжело, а дѣлать нечего!

ТРИКОНОФЪ, *(бѣгая съ бѣшенствомъ).*

Нѣтъ! Дудки!... Шалишь!... Атанде!... Что же ты думаешь, что меня можно провести въ самомъ дѣлѣ, какъ пошлаго дурака? Нѣтъ, извини! Или ты будешь моей женой, законной, что называется супругой, съ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, или я тебя обезславлю на весь городъ. Прошу покорно! Шалость, ребячество.... Хорошо ребячество! Нѣтъ ужъ въ самомъ дѣлѣ, это изъ рукъ вонъ! Чтобъ я шесть недѣль даромъ каждое утро поролъ такую галиматью, какъ будто бы мнѣ по 30 руб. съ листа платили; а потомъ надоѣлъ и выбрасываютъ какъ старую туфлю!... Нѣтъ, не на такого напали. Впрочемъ, надо подождать еще.... Дѣло можетъ обойтись еще, быть можетъ, и безъ скандала. Нѣтъ ли какой нибудь поэзіи еще? Ба! вотъ въ карманѣ. Нѣтъ, это письмо къ Брусничкину.... Вотъ, вотъ именно, что можетъ пригодиться:

И такъ, коварная, опять ты обманула,
Опять въ груди сомнѣнія змѣя!...

Живетъ себѣ; не то чтобъ перваго нумера, а такъ, годится.... Какъ будто нарочно. Кому бы отдать только?

СЦЕНА 10.

ТРИКОПФЪ и ЕЛЕНА.

ТРИКОПФЪ.

А, да вотъ опять она. Нѣтъ, не она! Маленькая!

ЕЛЕНА.

Вы его видѣли?...

ТРИКОПФЪ.

Кассира,—что-ли?...

ЕЛЕНА.

Онъ пріѣхалъ!

ТРИКОПФЪ.

Знаю....

ЕЛЕНА.

Наконецъ-то пріѣхалъ, братецъ!

ТРИКОНОФЪ.

Не называйте меня братцемъ. (*Мрачно.*) Все кончено.... Грозный приговоръ судебъ долженъ совершиться надо мною. Прощайте; бездомный, отверженный, пойду бродить въ пустынѣ жизни, не требуя ни сочувствія, ни сожалѣнія.

ЕЛЕНА.

Что съ вами?

ТРИКОНОФЪ.

Я ее любилъ, вы знаете, ее ли я не любилъ? Я любилъ ее страшной, необузданной, нечеловѣческой любовью.

ЕЛЕНА.

Какъ страшно! Да кто это?

ТРИКОНОФЪ.

Она не говорила вамъ. Обманчивая, коварная, легковѣрная женщина!...

ЕЛЕНА.

Да кто же!...

ТРИКОНОФЪ.

Кто?... Кто, сестра твоя, ребенокъ!

ЕЛЕНА.

Ахъ! Да вы, кажется, нездоровы? Здоровы ли вы?

ТРИКОПОФЪ *(съ горькимъ смѣхомъ).*

Я нездоровъ!... Въ душѣ моей буря, въ жилахъ моихъ огонь.... Кругомъ ужасъ, запустѣніе, обманъ, позоръ.... А ты меня спрашиваешь: здоровы ли вы? Не бойся, я бодръ, я силенъ, я освѣжаю голову свою, пламенную, въ ураганахъ, я привыкъ къ насмѣшкамъ судьбы.... Но безвѣстность меня терзаетъ.

ЕЛЕНА.

Я не понимаю, все....

ТРИКОПОФЪ.

Вчера еще она внимала моей страстной рѣчи;—вчера еще небо улыбалось мнѣ въ ея очахъ. А сегодня, чортъ ее знаетъ.... Нѣтъ, виноватъ, я хотѣлъ сказать: кто постигнетъ женское непостоянство,—сегодня она холодно отвернулась отъ меня....

ЕЛЕНА.

Да что же я-то могу?

ТРИКОПОФЪ.

Слушай, ребенокъ. Тутъ я набросилъ нѣсколько роковыхъ, кровью и слезами написанныхъ стиховъ. Отдай ихъ, отдай, отдай! (*Вынимаетъ ошибкою письмо къ Брусничкину.*)

ЕЛЕНА.

Да я.... какъ же? Не знаю....

ТРИКОНОФЪ.

Отдай, отдай. Скажи сестрѣ: это его предсмертная пѣснь! Это его прощанье,— на вѣки, слышишь ли.... на вѣки!... на вѣки, на вѣки!... Черезъ полчаса я прійду за отвѣтомъ.

СЦЕНА 11.

ТѢ ЖЕ и АДОЛЬФЪ.

АДОЛЬФЪ.

Славный поваръ у дядюшки! Ба!... Вотъ они вмѣстѣ! А, такъ эта-то?

ТРИКОНОФЪ *(глухимъ голосомъ)*.

Возьми!....

АДОЛЬФЪ.

Ай да кузина!... Такая еще молоденькая, а ужъ....

ЕЛЕНА.

Если все, что вы говорите, правда, я исполню ваше желаніе. Только боюсь....

ТРИКОНОФЪ.

О, ты будешь моимъ утѣшеніемъ! Чрезъ полчаса....

АДОЛЬФЪ.

Да этакъ я узнаю всѣ ихъ секреты. (*Кашляетъ; Елена поспѣшно кладетъ бумагу въ книгу.*)

ТРИКОПФЪ.

Опять этотъ горбатый кассиръ! (*Съ замѣшательствомъ.*) А, здравствуйте! Я опять-сюда зашелъ.

АДОЛЬФЪ.

Не безпокойтесь, г. Думкопфъ.

ТРИКОПФЪ.

Моя фамилія Трикопфъ.... Аполлонъ.

АДОЛЬФЪ.

Все равно.... Куда же вы?

ТРИКОПФЪ.

Не знаю.... куда нибудь.... на край свѣта.... гдѣ нѣтъ обмана.

АДОЛЬФЪ.

Недалеко-ли будетъ итти, а впрочемъ счастливой дороги! (*Трикопфъ уходитъ.*)

СЦЕНА 12.

АДОЛЬФЪ и ЕЛЕНА.

АДОЛЬФЪ.

Право не знаю.... съ чего начать.... Что за домъ та-

кой? Только, что я хотѣлъ разсказать свою исторію дядѣ,—кассиръ какой-то пришелъ.... Меня опять отправили въ кабинетъ. Да этакъ цѣлый день не дадутъ переодѣться....

ЛИНА.

Такъ это вы—братецъ Адольфъ....

АДОЛЬФЪ.

Весь на лицо, къ услугамъ вашимъ. Извините, каковъ есть....

ЛИНА.

Мы васъ такъ давно ожидаемъ. Дядюшка писалъ такъ много о васъ.... Какъ странно, неправда ли, совсѣмъ кажется чужіе, а вѣдь близкіе родные.

АДОЛЬФЪ.

Очень странно.... а близкіе родные, такъ что и поцѣловать васъ можно.

ЛИНА.

Разумѣется, очень можно.

АДОЛЬФЪ (*весело*).

Даже должно. (*Въ сторону.*) Какая миленькая.... Еслибы.... не скотина, этотъ Дункопфъ.... (*Важно.*) Ну, однакоже сестрица—я вамъ братъ,—я вамъ братъ, вы мнѣ сестрица. Такъ вы, пожалуйста... я прошу васъ видѣть во мнѣ брата.

[illegible].

Конечно, какъ же иначе....

АДОЛЬФЪ.

Такъ вы будьте со мной откровенны. Бываютъ такія тайны иногда....

[illegible].

Какія тайны?...

АДОЛЬФЪ *(въ сторону)*.

Не понимаетъ!... (*Ей.*) Ну, такія есть тайны, при которыхъ братъ можетъ пригодиться.

[illegible].

У меня нѣтъ никакихъ тайнъ.

АДОЛЬФЪ.

Каково притворяется!

[illegible].

Если бы были какія нибудь тайны,— у васъ лицо такое доброе.... я вамъ сказала бы.

АДОЛЬФЪ.

Да еще кокетничаетъ. Ай, да Одесское воспитаніе! Ну, а если сердце заговорило,...

[illegible].

Нѣтъ;—у меня сердце, самое молчаливое.

АДОЛЬФЪ.

Вы никого не любите?

НИНА.

Какъ, никого? Очень люблю: во-первыхъ, папеньку, а потомъ сестру, а потомъ дяденьку, что въ Петербургѣ, а потомъ....

АДОЛЬФЪ.

А потомъ?....

НИНА.

А потомъ буду любить, разумѣется, васъ... вы вѣдь близкіе родственники....

АДОЛЬФЪ.

Самые близкіе.... О, да она преопасная.... Да гдѣ же другая, та лучше, та красавица, и съ такими чувствами возвышенными.... Пора бы ей прійти.

СЦЕНА 13.

ТѢ ЖЕ и БРЕМСЕНЪ.

БРЕМСЕНЪ.

Если полпроцента коммисіи,—такъ не стоитъ того.... Теперь время военное. Два процента—уступлю....

Пожалуй. А, вы уже познакомились? Новый кассиръ, братъ, человѣкъ толковый. Я ему про сахаръ разсказываю; а онъ говоритъ: а кофе, вы забыли? Представь, кофе-то я забылъ!

АДОЛЬФЪ.

Да прикажите наконецъ указать мнѣ мою комнату. Я хотѣлъ бы переодѣться.

БРИНСКИНЪ.

Сейчасъ.... Ты дѣтей ужъ видѣлъ... Лизу мою видѣлъ? Два процента мало, три-можно взять.

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ, старшей сестрицы я не видалъ.

[illegible].

Она одѣвается.

БРИНСКИНЪ.

А ты зачѣмъ не нарядилась?

[illegible].

Да такъ.... я объ этомъ не подумала....

БРИНСКИНЪ *(зоветъ)*.

Елизавета Ивановна.... поди-ко поздороваться съ братцомъ....

СЦЕНА 14.

ТѢ ЖЕ и ЕЛИЗАВЕТА *(разряженная)*.

АДОЛЬФЪ.

Какъ хороша!! Еще кажется лучше!

ЕЛИЗАВЕТА.

Ахъ, Боже мой, онъ горбатый!

ЕЛЕНА.

Посмотри, какое у него доброе сердце.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да онъ уродъ!... съ горбомъ!

ЕЛЕНА.

А я и не замѣтила.... то есть, замѣтила, да не обратила вниманія.

АДОЛЬФЪ *(хочетъ поцѣловать Елизавету)*.

Позвольте, сестрица.... (*Елизавета величаво протягиваетъ ему руку.*) А, вотъ какъ!...

[illegible].

Какъ же я это кофе-то забылъ. Поговорите немножко.... я сейчасъ вернусь. Два слова скажу еще только кассиру; хорошая можетъ быть операція. (*Уходитъ.*)

—

СЦЕНА 15.

ЕЛИЗАВЕТА, ЕЛЕНА и АДОЛЬФЪ.

ЕЛИЗАВЕТА (*жеманно*).

Какой пріятный сюрпризъ для папеньки. Вы такъ неожиданно пріѣхали.

АДОЛЬФЪ.

Для васъ неожиданно, а я давно ожидалъ этой минуты. Не шутка прожить 10 лѣтъ въ Индіи! Десять лучшихъ лѣтъ! Провести всю свою мододость вдали отъ семейства, отъ родныхъ, отъ друзей,—посреди соперниковъ и враговъ, вдали отъ родины, отъ всего милаго душѣ!...

ЕЛЕНА.

Бѣдный!...

АДОЛЬФЪ.

Но пока бьется въ человѣкѣ сердце,—оно совсѣмъ очерствѣть не можетъ, даже и въ коммерческихъ дѣлахъ. Въ трудной моей жизни меня поддерживала одна мысль, одна надежда.... что прійдетъ время и мнѣ отдохнуть. Отецъ мой и дядя, по нашему закону, вздумали породниться еще ближе. Мнѣ прислали ваши портреты. Эти портреты были моимъ талисманомъ.

ЕЛЕНА (*необдуманно*).

А который вамъ больше понравился?

АДОЛЬФЪ.

Оба поразили меня.... Но теперь я вижу, какъ они еще далеки отъ подлинниковъ.

ЕЛИЗАВЕТА *(въ сторону).*

Онъ говоритъ не дурно.... Но горбъ, горбъ какой страшный.

АДОЛЬФЪ.

Ваши портреты придали мнѣ новую жизнь. Я рѣшился бросить всѣ дѣла и спѣшить въ Одессу. Пріѣзжаю въ Константинополь.... Слышу—война съ Россіей! Неугодно-ли ѣхать объѣздомъ? Я долго не думаю, нанимаю фелуку,—и вотъ какъ вы меня видите....

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ же вы небоялись?...

АДОЛЬФЪ.

Я глядѣлъ на вашъ портретъ и надѣялся васъ видѣть.

ЕЛЕНА.

На ея портретъ!... (*Задумывается.*)

АДОЛЬФЪ.

И теперь я такъ счастливъ! Теперь я могу быть такъ счастливъ, если вы захотите только подтвердить обѣщанье вашего батюшки....

АТ[illegible]

Но, позвольте...

АДОЛЬФЪ.

Ахъ, не мѣшайте, пожалуйста. Я вамъ не мѣшаю же....

ЭММА.

Что это?.... (*Уходитъ въ углубленіе.*)

ЕЛИЗАВЕТА.

И вы не боялись для вашего здоровья?...

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ....

ЕЛИЗАВЕТА.

При вашемъ тѣлосложеніи?...

АДОЛЬФЪ.

Я здоровъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Скажите пожалуйста.... съ вами давно случилось это несчастіе?

АДОЛЬФЪ.

Какое?....

ЕЛИЗАВЕТА.

А вотъ это.... съ рожденія, или по несчастному случаю?

АДОЛЬФЪ *(оглядывается)*.

Что?... А, горбъ мой! Нѣтъ-съ, не съ рожденья. Послѣ выросъ; по случаю.

ЕЛИЗАВЕТА.

Оно васъ очень огорчаетъ.

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ-съ, ни сколько. Я человѣкъ беззаботный и прямой, т. е. въ иносказательномъ смыслѣ, я не гляжу, что сзади меня дѣлается. Да и за чѣмъ? Мужемъ я могу быть не хуже другаго, даже, можетъ быть, лучше.

№ 5

Словамъ, повѣрьте, горбуна:
Съ судьбой онъ борется упрямо.
Хоть не пряма его спина;
За то глядитъ на всѣхъ онъ прямо.
Да и жену, повѣрьте, я
Душевнымъ не подвергну пыткамъ;
Всѣ съ недостатками мужья,—
А я одинъ всегда съ избыткомъ!

Да-съ! У меня, слава Богу, недостатка нѣтъ, или, можно сказать, даже лишнее.

ЕЛИЗАВЕТА.

Я удивляюсь, какъ вы можете шутить такъ. Я признаюсь, на вашемъ мѣстѣ не была бы такъ хладнокровна. Вѣдь это хуже чѣмъ несчастье! Это несчастье такое....

АДОЛЬФЪ.

Смѣшное, хотите вы сказать.

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы сами это говорите.

АДОЛЬФЪ.

Стыдно тому, кто смѣется... надъ человѣческой природной немощью. На это не нужно ни ума, ни сердца.

ЕЛИЗАВЕТА.

Конечно.

АДОЛЬФЪ.

Не вы ли давича говорили, что можете осчастливить человѣка отверженнаго, даже безобразнаго.

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы слышали?

АДОЛЬФЪ.

Да, я давича сидѣлъ тутъ за конторкой, я восхи-

щался вашими чувствами. Вы говорили: что любовь, какъ милосердіе, не разбираетъ ни лѣтъ, ни наружности.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да-съ.... Это конечно все очень хорошо, въ стихахъ.... въ романѣ,—но въ самомъ дѣлѣ быть женою человѣка.... такого.... такого.

АДОЛЬФЪ.

Ну, ужъ говорите.... горбатаго.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ну, да. Вѣдь прійдется гулять съ нимъ подъ ручку, на бульварѣ. Всѣ станутъ смотрѣть, показывать на него..... Еще бы если онъ имѣлъ какое нибудь высокое значеніе, или могъ бы окружить жену всѣми прихотями роскоши.

АДОЛЬФЪ *(сухо)*.

Нѣтъ-съ. Я, кромѣ горба, ничего не имѣю.

ЕЛИЗАВЕТА *(въ сторону)*.

Онъ бѣдный!.... (*Вслухъ*). Какъ вы странно глупите. Ваша досада впрочемъ очень извинительна; впрочемъ, виновата ли я? За чѣмъ вы сами не прислали своего портрета изъ Индіи? Тогда бы вамъ не нужно было и предпринимать такого труднаго путешествія.

АДОЛЬФЪ, *(съ чувствомъ)*.

Да-съ; точно, напрасно я спѣшилъ, напрасно пренебрегалъ опасностями. Оставаться бы мнѣ въ Индіи! ....Такъ, что же? Потому что я горбунъ, я долженъ отказаться отъ всѣхъ радостей, отъ счастья, отъ семейства? Потому что я горбунъ, я долженъ встрѣтить насмѣшку тамъ, гдѣ я прошу любви.... Да у насъ, въ Индіи, и у дикарей нѣтъ такихъ понятій. У васъ сестрица, я вижу, поэзія только на словахъ, а въ душѣ сухо, какъ въ Аравійской пустынѣ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы, кажется,... забываете....

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ! Я этого никогда не забуду. Такъ вотъ за чѣмъ я такъ торопился!.... Вотъ всѣ мои надежды, которыми я жилъ такъ долго!... Прощайте!... Отправляюсь снова въ Индію, въ Африку; пойду таскаться по бѣлому и черному свѣту. Взвалю на спину котомку. Да и взваливать нечего.... и безъ того грузъ порядочный! Что дѣлать мнѣ теперь?.... Написать батюшкѣ, что все кончено; что воли его я не могу исполнить.... А грустно, право! очень грустно! обидно даже.... Развѣ поступить по индейски?

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ, по индейски?....

АДОЛЬФЪ.

У насъ въ Индіи вотъ какой обычай: когда человѣкъ получаетъ отказъ отъ дѣвицы или вдовы, избранной его сердцемъ, онъ почитается недостойнымъ жизни и обязанъ самъ на себя наложить руки. Въ противномъ случаѣ, общественное мнѣніе, налагаетъ на него неизгладимую печать безчестья и презрѣнія, какъ на труса.

ЕЛЕНА.

Ну, а скажите, пожалуйста, Адольфъ, я хотѣла спросить васъ.... что же дѣлаютъ въ Индіи дѣвицы или вдовы, которыя сами подвергаются отказу мужчины. Должны ли они также лишать себя жизни?

АДОЛЬФЪ.

Непремѣнно. Только зачѣмъ же вы это спрашиваете?

ЕЛЕНА.

А за тѣмъ, что я въ одномъ положеніи съ вами: я получила такой же отказъ, какъ и вы. Вы о томъ и не подумали?

АДОЛЬФЪ.

Да, кто же оскорбилъ васъ отказомъ?

ЕЛЕНА.

Да вы сами. Дѣлая предложеніе сестрѣ, вы меня

отвергали. Скажите мнѣ, обязана ли я, по индейскимъ обычаямъ, лишить себя жизни? Я бы этого очень не желала; мнѣ хочется пожить еще....

АДОЛЬФЪ.

Вы прелестное созданіе!.... Да нѣтъ,—что я говорю.... Какъ вамъ грѣшно! какъ вамъ не стыдно! Вы еще хуже сестрицы!....

ЕЛЕНА.

Я?....

АДОЛЬФЪ.

Вы смѣетесь надо мною.... Она, по крайней-мѣрѣ, говоритъ откровенно, а вы еще шутите!

ЕЛЕНА.

Я?....

АДОЛЬФЪ.

Конечно!.... у васъ совсѣмъ другое на умѣ.

ЕЛЕНА.

У меня?...

АДОЛЬФЪ *(ей на ухо)*.

Да, вотъ и улика на лицо!

СЦЕНА 16.

ТѢ ЖЕ и ТРИКОПФЪ.

ТРИКОПФЪ *(входитъ мрачно и декламируетъ)*.

Конецъ! еще одинъ ударъ судьбы.
Къ покою тихо отойду я!
Но смерть я встрѣчу безъ мольбы,
Привѣтомъ братскимъ поцѣлуя.
И такъ, отъ жизненной борьбы
Отрадно тихо отдохнуть!

АДОЛЬФЪ.

Могъ же ей понравиться такой дуракъ!

ТРИКОПФЪ.

Было время... обманы и мечты роемъ толпились въ душѣ моей. Я вѣровалъ во все прекрасное, такъ просто, такъ молодо, такъ горячо! Я пилъ довѣрчиво изъ кубка жизни! Но кубокъ разбился, струна порвалась.... сомнѣніе вкралось черной змѣей въ мое сердце.... Ну, что? Жизнь или смерть?

ЕЛИЗАВЕТА *(тихо)*.

Берегитесь! мы не одни здѣсь.

ТРИКОПФЪ.

Не бойтесь: онъ все знаетъ. Онъ мнѣ пріятель!... Здравствуй, братецъ!

АДОЛЬФЪ.

Да-съ.... я все знаю; я не буду мѣшать замысламъ Г. Перекопа.

ТРИКОПФЪ.

Моя фамилія Трикопфъ.... Аполлонъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ же, если онъ все знаетъ, онъ могъ обращаться ко мнѣ?...

АДОЛЬФЪ

По крайней-мѣрѣ, пріѣздъ мой кому нибудь да пригодится.... я самъ думалъ, долго думалъ о семейномъ счастьѣ.... но, видно, оно не для меня! Жилъ же я вѣкъ свой одинокій, холостой. Не привыкать же!...

ТРИКОПФЪ.

Что это онъ такъ разчувствовался, горбатый кассиръ?

АДОЛЬФЪ.

Въ рукахъ моихъ находятся кой-какія незначительныя цѣнности....

ТРИКОПФЪ.

Еще бы! Цѣлая касса!...

АДОЛЬФЪ.

Если они нужны для вашего счастья, я отдамъ ихъ вамъ.

ТРИКОПФЪ.

Что это? Это слишкомъ; этого я не ожидалъ. Вы хотите посягнуть на кассу Г. Бремсена.

АДОЛЬФЪ.

Что за вздоръ вы говорите, Г. Трикопфъ!

ТРИКОПФЪ.

Трикопфъ.... Аполлонъ.

АДОЛЬФЪ.

Ну, все равно. Какъ смѣете вы говорить, что я стану располагать чужою собственностію?

ТРИКОПФЪ.

Да изъ чего вы горячитесь, госнодинъ кассиръ.

АДОЛЬФЪ.

Какой кассиръ?

ЕЛИНА.

Какой кассиръ?

АДОЛЬФЪ.

Что я за кассиръ?

ТРИКОПФЪ.

Такъ вы не кассиръ?

ЕЛЕНА.

Какой онъ кассиръ! это братецъ нашъ, Адольфъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

А вы не знали?

АДОЛЬФЪ.

Я братъ.

ЕЛЕНА.

Онъ братъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Онъ братъ.

ТРИФОНОФЪ.

Онъ братъ?

АДОЛЬФЪ.

И даже, вопреки разсудку, я радъ....

ЕЛЕНА.

Онъ радъ?

ЕЛИЗАВЕТА.

Онъ радъ?....

ТРИФОНОФЪ.

Онъ радъ?

АДОЛЬФЪ.

....Вамъ приходиться не на шутку.

№ 6.

Да, по влеченье моему
И съ невозможностью не споря,
Кассиръ я вамъ не по найму,
А просто такъ себѣ, отъ горя!

ТРИКОПФЪ.

О, если вы братъ.... Это дѣло другое!.... Великодушный смертный, пріиди въ мои объятія! Я принимаю твои подарки. Дай прижать мнѣ тебя къ моему истлѣвшему, испепелившемуся человѣческому сердцу! Обними меня!

АДОЛЬФЪ, *(отталкивая его).*

Позвольте.... Вамъ-то я ничего не дамъ, т. е. далъ бы, да совсѣмъ другое.... (*Еленѣ.*) Вамъ я отдаю все немногое, что могъ сохранить я въ свою жизнь. Дайте мнѣ руку, милая Елена, дайте мнѣ руку господинъ Ольдекопфъ! Будьте счастливы.... я не буду мѣшать вашей любви. Я склоню, уговорю дядюшку.... Я все знаю: и свиданья ваши въ дядюшкиномъ кабинетѣ во время биржи, и любовь вашу, и даже памятный день, 2 Октября....

ЕЛИЗАВЕТА.

Что это онъ говоритъ?

ЕЛЕНА.

Да, нѣтъ,—что вы, Адольфъ? Я не люблю его вовсе.... я даже вовсе его не люблю....

АДОЛЬФЪ.

Не притворяйтесь же.... давича я здѣсь стоялъ.... я все слышалъ.

ЕЛЕНА.

Да что вы слышали?

АДОЛЬФЪ.

Онъ говорилъ вамъ ты.

ЕЛЕНА.

Вольно ему ....Онъ поэтъ, сумасшедшій, т. е. всѣмъ говоритъ ты.

АДОЛЬФЪ.

Онъ передалъ вамъ письмо.

ЕЛЕНА.

Ахъ, я и забыла. Совсѣмъ не письмо, а стихи какіе-то, къ сестрѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да, я просила господина Трикопфа принести мнѣ стихи....

АДОЛЬФЪ.

Ахъ, такъ это вы, кузина, любите стихи; такъ 2 Октября.... это съ вами ?А.... такъ позвольте же мнѣ передать вамъ, что слѣдуетъ.... (*Вынимаетъ изъ книги бумагу и хочетъ отдать Елизаветѣ.*)

СЦЕНА 17.

ТѢ ЖЕ и БРЕМСЕНЪ.

БРЕМСЕНЪ.

Это что за счетъ у тебя въ рукахъ?

АДОЛЬФЪ.

Это не счетъ, дядюшка, это стихотвореніе господина, какъ бишь, васъ?

БРЕМСЕНЪ.

Стишоночки?.... Ахъ, вы здѣсь господинъ Трикопфъ!.... Здравствуйте, здравствуйте, что вамъ угодно?

ТРИКОПФЪ.

Мнѣ-съ, я не знаю, не смѣю.

ЕЛИЗАВЕТА (*скоро*).

Что тамъ написано?

ТРИКОПФЪ.

Ничего,—поэзія, отчаяніе.... рифмы порядочныя.... Иванъ Ивановичъ, читайте вслухъ; это слабое произведеніе вырвалось изъ глубины сердца.... это послѣдній крикъ поэта, убитаго горемъ и насмѣшливыми ударами судьбы. Оно вамъ выскажетъ мои надежды и мое отчаяніе....

БРЕМСИНЪ.

Что это такое?... «Старикъ Бремсенъ не что иное какъ толстый ходячій гроссъ-бухъ»....

ТРИКОПОФЪ.

Нѣтъ-съ.... Это не то. Это письмо къ Брусничкину.... Вотъ настоящія стихи.... Я самъ прочту:

И такъ коварная, опять ты измѣнила...

БРЕМСИНЪ.

Нѣтъ, позвольте.... тутъ много интереснаго.... тутъ именно высказаны ваши надежды. (*Читаетъ.*) «Дружище, Брусничкинъ, пришли мнѣ пожалуйста еще 5 цѣлковыхъ. Вѣришь ли, безъ гроша сижу. Сапоговъ даже не начто купить. Съ заплатками же ходить не возможно при любовныхъ похожденіяхъ»....

АДОЛЬФЪ.

Э, да это очень интересно.... что-то въ родѣ Гоголя....

ТРИКОПОФЪ.

Да позвольте, прочтите это:

И такъ коварная....

АДОЛЬФЪ.

Да не мѣшайте.... господинъ Трингельдъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Боже мой.... что я сдѣлала?...

БРЕМСЕНЪ.

«Дѣлишки мои идутъ исправно. Старикъ Бремсенъ не что иное, какъ толстый ходячій гроссъ-бухъ. Дальше носа ничего не видитъ». (*Благодарю покорно!*) Меньшая сестра совершенный ребенокъ. Ее въ сторону. За то какъ хороша моя Лиза. Съ какимъ чувствомъ читаетъ стихъ! У нея тысячь полтораста будетъ приданаго, а это для нашего брата не дурно! Она уже призналась мнѣ въ любви».... Это что значитъ?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Не вѣрьте, не правда!

БРЕМСЕНЪ.

....«Когда старикъ уходитъ на биржу, мы читаемъ, братецъ, читаемъ всякую чушь, а между тѣмъ и мои аферы подвигаются. Дѣло, кажется, въ шляпѣ. Старика принудимъ, согласиться; и тогда я тебѣ отдамъ 375 рублей, т. е. съ нынѣшними 380, которые я тебѣ состою долженъ! Твой Трикопфъ». Прекрасно!... (*Молчаніе.*)

АДОЛЬФЪ.

Дядюшка! Господинъ Трикопфъ бѣденъ. Бѣдность не порокъ.

БРЕМСЕНЪ.

Да чортъ ли въ ней!

АДОЛЬФЪ.

Мнѣ кажется, что дѣло зашло такъ далеко, что для репутаціи сестрицы, Елизаветы Ивановны, этотъ бракъ долженъ состояться.

БРИМСЕНЪ.

Пускай идетъ за кого хочетъ, я гроша не дамъ. Все свое состояніе отдамъ Еленѣ.

АДОЛЬФЪ.

Еленѣ, я надѣюсь, будетъ не нужно.

БРИМСЕНЪ.

А почему же?...

АДОЛЬФЪ.

Да вотъ почему. Позвольте мнѣ только спѣть пѣсню. Цѣлое утро не даютъ мнѣ времени переодѣться. Эй, человѣкъ! Сними братецъ, съ меня пальто, да поосторожнѣе.... горба не задѣнь. Ну, хорошо, вотъ такъ, спасибо. Ну, а теперь отвяжи горбъ; тяжелъ проклятый!

ЕЛИЗАВЕТА.

Такъ онъ не горбатый?

АДОЛЬФЪ.

Подай-ко его сюда теперь. Вотъ мой горбъ, милая Елена, (*Кладетъ къ ея ногамъ.*) а вотъ и я самъ! (*Становится на колѣни.*)

БРИНСЕНЪ.

Что это значитъ?

АДОЛЬФЪ.

А это значитъ, дядюшка, что теперь война. Я пріѣхалъ на турецкой фелукѣ. Меня могли ограбить, взять мои чемоданы.... а горбъ, дѣло не завидное; никто не отниметъ. Я все, что имѣю, и зашилъ въ горбъ. Спасибо ему.... онъ навелъ меня на счастье.... Отдайте мнѣ Елену....

БРИНСЕНЪ.

Разсчетливый малый. Сынъ мой, обними меня!

АДОЛЬФЪ.

Вы мнѣ цѣлый день не давали переодѣваться.... я бы давно вамъ разсказалъ свою исторію. Да всѣ здѣсь заняты такъ.... говорилъ же я, что все мое состояніе въ горбу. Ну, вотъ оно.

БРИНСЕНЪ.

Да тутъ, братецъ, жемчугъ, бриллiанты, шали....

АДОЛЬФЪ.

Есть кой-какіе камышки. Всякая дрянь.... Это невѣстѣ моей подарокъ.

ЕЛЕНА.

А вы, безъ горба, еще лучше, Адольфъ.

БРИНСКИНЪ:

Фектуры нѣтъ у тебя. На сколько всего?

АДОЛЬФЪ.

Милліона на два.

БРИНСКИНЪ.

Серебромъ?

АДОЛЬФЪ.

Конечно; на ассигнаціи теперь болѣе не считаютъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ай, до чего довели вы меня. Что мнѣ останется?...

ТРИКОНОФЪ.

А поэзія?...

ЕЛИЗАВЕТА.

Ахъ, я несчастная!

АДОЛЬФЪ.

Да это все пустяки. Лучшее богатство я здѣсь нашелъ.

ДИНА.

Гдѣ же?

АДОЛЬФЪ.

Въ твоемъ сердцѣ!

БРЕМСЕНЪ.

Однако, братецъ, я все это положу въ кассу. Теперь мы напишемъ новую фирму: Бремсенъ и Ко....

АДОЛЬФЪ.

И компанія....

БРЕМСЕНЪ.

Ну, пойдемъ, запишемъ аккуратно.

АДОЛЬФЪ.

Пишите пока одни.... Мнѣ надо поговорить съ доброй, съ милой моей женой. Я съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этой минуты.... Но, однакожъ, позвольте....

№ 7.

Я нетерпѣнье пересилю,
Какъ ни мила моя жена,
Чтобъ знать какая водевилю
Сегодня участь быть должна?
И вотъ, опять согнулъ я спину,
Предъ вами сгорбивши стою!
На эту легкую картину
Улыбку бросите-ль свою?
Успѣхъ ли будетъ, иль паденье....
Уже-ль мы бились о пустомъ?
И мнѣ отъ васъ, безъ одобренья,
Уйти и съ носомъ и съ горбомъ....
Но если вамъ сказать угодно,
Что не убили мы бобра....
Тогда я выпрямлюсь свободно,
И съ плечъ вдругъ свалится гора!

УНДИНА,

ОПЕРА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

МУЗЫКА

А. Ѳ. Львова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГЕРЦОГЪ.
БЕРТАЛЬДА.
РЫЦАРЬ ГУЛЬБРАНДЪ.
АЛЬВАЛЬДО, наперстникъ ГЕРЦОГА.
ГОЛЬДМАНЪ, старый рыбакъ.
БЕРТА, жена его.
УНДИНА.
РЫБАКИ.
Придворные, солдаты, цѣхи, крестьяне и пр. и пр.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Сцена представляетъ внутренность хижины рыбака. Въ углубленіи, съ одной стороны окно, съ другой лѣстница, ведущая на чердакъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОЛЬДМАНЪ, БЕРТА и РЫБАКИ. *(Рыбаки суетятся около сѣтей, неводовъ и прочихъ рыболовныхъ орудій).*

Хоръ рыбаковъ.

Ужъ день погасъ....
Вечерній часъ
До утра насъ
Къ покою проситъ;
И рыбаки,
Сѣвъ въ челноки,
На дно рѣки
Свой неводъ бросятъ.

ГОЛЬДМАНЪ *(отходитъ съ Бертой въ сторону).*

А гдѣжъ Ундина?

БЕРТА.

Богъ вѣсть.
Опять въ лѣсу.

ГОЛЬДШАЛЪ.

Опять
Постарому, у водопада
Скитается.

МАРТА.

Эхъ! право грѣхъ
Ей стариковъ такъ безпокоить.
Грѣхъ ей право,
Не жалѣть объ старикахъ.
Ей забава,—
Намъ безсонница да страхъ.

ГОЛЬДШАЛЪ.

Другъ, не бойся:
Молодость живетъ шутя;
Успокойся,
Возвратится къ намъ дитя.

(*Къ рыбакамъ*.)

Эй! доброй ночи вамъ.

Хоръ.

Прощайте,
Ужъ день погасъ....
Вечерній часъ
До утра насъ
Къ покою проситъ;
И рыбаки,
Сѣвъ въ челноки,

Вновь у рѣки
Свой неводъ бросятъ.
Пора, пора
Вплоть до утра
Намъ удалиться
Подъ мирный кровъ,
Чтобъ рыболовъ
Могъ весело трудиться.

БЕРТА И ГОЛЬДМАНЪ.

Ну, доброй ночи.

Хоръ.

Доброй ночи!...
(*Медленно расходятся.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

БЕРТА и ГОЛЬДМАНЪ.

ГОЛЬДМАНЪ (*послѣ краткаго молчанія, затворяетъ дверь, а потомъ идетъ смотрѣть въ окно*).

ГОЛЬДМАНЪ.

Темно!... зги Божьей не видать.

БЕРТА.

Бѣда

Съ Ундиною случилась. Ахъ, не увидимъ
Ее мы болѣе.

ГОЛЬДМАНЪ.

Богъ милостивъ.
Шалунья рѣзвая вернется,
И снова станетъ тѣшить насъ.

БЕРТА.

Нѣтъ, страшно на душѣ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Эй, полно!

БЕРТА.

Боюсь я, что-то не къ добру.

(*Стучать въ дверь.*)

ГОЛЬДМАНЪ.

Чу! слышишь ли?

БЕРТА.

Стучатъ?

ГОЛЬДМАНЪ.

Да! да!
Она вернулась, видишь ли?...

БЕРТА.

Ну! слава Богу;
Бѣги же, отвори скорѣй.

ГОЛЬДМАНЪ.

Иду....

(*Голосъ за кулисой.*)

Эй! отворите, отворите....

ГОЛЬДМАНЪ *(останавливается въ удивленіи, Берта всплескиваетъ руками).*

ГОЛЬДМАНЪ.

Что это?...

БЕРТА.

Ахъ нѣтъ, не она.

ГОЛЬДМАНЪ.

Кто тамъ?

(*Голосъ.*) Несчастный рыцарь.
Отъ смерти спасся онъ едва,
И къ вамъ пришелъ просить ночлега.

БЕРТА.

Не отворяй; онъ, можетъ быть, разбойникъ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Нѣтъ! Онъ гость мой. Въ хатѣ мирной
Для странника всегда есть уголъ;
А бѣдныхъ защищаетъ Богъ....

(Идетъ отперетъ дверь. Входитъ рыцарь Гульбрандъ, усталый и изнеможенный.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и РЫЦАРЬ.

РЫЦАРЬ.

Ахъ! люди добрые, позвольте
Мнѣ въ вашей хатѣ отдохнуть;
Едва я спасся лишь отъ смерти,
И силы измѣняютъ мнѣ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Вотъ кресла.... гость, садись.

РЫЦАРЬ *(опускается въ кресла, Берта подходитъ къ нему съ любопытствомъ).*

БЕРТА.

Скажи!...
Откуда ты? и что случилося
Съ тобой.

РЫЦАРЬ.

Зовутъ меня Гульбрандъ.
Чай объ Рингштетенѣ слыхали вы?
То замокъ мой....

БЕРТА.

Но гдѣ же, рыцарь,
Съ тобой была бѣда.

РЫЦАРЬ.

Вотъ здѣсь, въ лѣсу.

ГОЛЬДМАНЪ И БЕРТА *(вскрикиваютъ)*.

ГОЛЬДМАНЪ.

Въ лѣсу!!...

БЕРТА.

Въ лѣсу!!...

ГОЛЬДМАНЪ *(печально)*.

Какъ, ты не знаешь,
Что это страшный лѣсъ; что люди
Входить въ него не смѣютъ; да!...
Живутъ одни въ немъ только духи.

БЕРТА.

Ахъ! разскажи гость, разскажи,
Что было тамъ съ тобой; и страшно,
И хочется узнать.

Рыцарь (одушевляясь).

Извольте;
Все вамъ, какъ было, разскажу!...

Вошелъ я поздно въ лѣсъ дремучій:
Вдругъ вижу я.... съ мной идетъ
Старикъ, весь въ бѣломъ одѣяньѣ;
Какъ волны точно борода.
Одежда длинная влачится
Вдоль по землѣ, и отъ шаговъ
Неслышно шума.... вдругъ со мной
Онъ, усмѣхаясь, рѣчь заводитъ,
И рѣчь была какъ плескъ волны,
И я заслушался невольно
И въ чащу лѣса мы вошли.
Ага! женихъ! Ага! нашъ храбрый рыцарь!
Вдругъ закричалъ старикъ, и борода
Ужъ впрямь вдругъ хлынула волнами;
Одежда мигомъ разлилась
Свирѣпымъ, яростнымъ потокомъ.
И слышалъ я трескучій смѣхъ
И волны выше, выше били,
Горой вздымаясь до небесъ;
И утопалъ я.... ждалъ ужъ смерти....

Но вотъ съ небесной высоты,
О незабвенное видѣнье:
Вдругъ Ангелъ свѣтлой красоты
Несется къ жертвѣ на спасенье.
Едва касаясь до земли,
Грозитъ стихіи онъ враждебной,

И ободряетъ издали
Меня улыбкою волшебной.
Рванулся я ... ревѣлъ потокъ,
Съ досадой бѣшеною вылъ;
Но Ангелъ свѣтлый мнѣ помогъ
И я, безъ чувствъ, къ землѣ доплылъ....

Лучезарный
Ангелъ мой!
Благодарной
Я душой
Вѣчно, вѣчно твой.
Смерти часъ
Видѣлъ я,
Чудомъ спасъ
Ты меня.
Лучезарный
Ангелъ мой,
Благодарной
Я душой
Вѣчно, вѣчно, вѣчно твой.
И помню я,—изнемогая
Къ нему я руки простиралъ,
А онъ, въ туманѣ изчезая,
Дорогу къ вамъ мнѣ указалъ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Что слышу я?...

БЕРТА.

Она! она! моя Ундина...

[illegible].

Въ туманѣ слѣдъ его пропалъ

(*вмѣстѣ.*)

Лучезарный ангелъ мой!
Смерти часъ видѣлъ я,
Чудомъ спасъ ты меня.
Благодарной я душой
Вѣчно, вѣчно, вѣчно твой.

БЕРТА.

Не волшебною ты силой,
А Ундины нашей милой
Витязь ты спасенъ рукой.

ГОЛЬДМАНЪ.

Къ людямъ ты пришелъ убогимъ,
Но чѣмъ есть, хотя не многимъ,
Подѣлимся мы съ тобой.

ГОЛЬДМАНЪ.

Чудесный случай; въ самомъ дѣлѣ
Необъяснимъ.

БЕРТА.

Тебя спасла
Ундина.

ГОЛЬДМАНЪ.

Да!

РЫЦАРЬ:

Какъ, неужели?...
Дочь ваша.

ГОЛЬДМАНЪ.

Нѣтъ, пріемышъ нашъ.

РЫЦАРЬ.

О гдѣжъ она? о дайте, дайте
Хоть разъ взглянуть мнѣ на нее,
И въ благодарности горячей
Ей сердце высказать свое....

(Струя воды обкачиваетъ снаружи окно хаты и слышенъ за кулисой веселый смѣхъ Ундины.)

БЕРТА.

Она! она!

РЫЦАРЬ.

Блаженный часъ!!...

УНДИНА *(за кулисой)*.

Водопадъ мой дядя,
Ручеекъ мой братъ....

ГОЛЬДМАНЪ, *(качая головой)*.

Опять безсмысленныя пѣсни
И шалости....

РЫЦАРЬ, *(увидя Ундину).*

Какъ хороша!!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и УНДИНА.

УНДИНА.

Водопадъ мой дядя,
Ручеекъ мой братъ,
На Ундину глядя
Все одно шумятъ:
Берегись Ундина!
Говоръ нашъ пойми;
Не живи, Ундина,
Съ хитрыми людьми.
Люди безъ пощады,
Все у нихъ обманъ;
Нѣтъ у нихъ прохлады
Нашихъ свѣжихъ странъ,
Смерть у нихъ, Ундина,
И огонь въ крови;
Берегись Ундина
Берегись любви.
Оставайся съ нами;
Нашъ украшенъ домъ
Чудными цвѣтами,
Крупнымъ жемчугомъ.

Слушайся Ундина,
Слушай, что вдвоемъ
Мы тебѣ, Ундина,
Шепчемъ и поемъ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Ну, перестань же.... Надо гостю и отдохнуть.

УНДИНА *(подходитъ къ рыцарю и играетъ его цѣпью).*

Какая цѣпь
Прекрасная. Давно тебя я дожидаюсь,
Мой храбрый рыцарь.

ГОЛЬДМАНЪ.

Перестань;
Чужихъ побойся.

РЫЦАРЬ.

Ахъ! Ундина!
За чѣмъ ты жизнь мнѣ отдала?

УНДИНА *(смѣется).*

Ручеекъ мой дядя,
Водопадъ мой братъ,
На Ундину глядя
Все одно шумятъ.

(Смѣется и исчезаетъ въ боковой кулисѣ.)

РЫЦАРЬ *(бѣжитъ за ней)*.

Постой, постой... Ушла... исчезла...

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ УНДИНЫ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Рѣзва какъ птичка!

РЫЦАРЬ.

Кто она?...
Молю тебя, скажи: видѣнье
Воздушное, иль дочь она твоя?

ГОЛЬДМАНЪ.

Не знаю самъ и самъ смущаюсь....
Была дочь милая у насъ
Но та младенцемъ утонула.

БЕРТА.

Несчастная, несчастная я мать!

ГОЛЬДМАНЪ.

И жили года мы четыре,
Два старца бѣдные, въ слезахъ.

Какъ нынче помню я.... однажды
Сидѣли мы у камелька,
Поникнувъ грустно головою,
И поминали нашу дочь,
Какъ вдругъ, дверь эта распахнулась,
И въ хату дѣвочка вошла,
Въ чудесномъ, пышномъ одѣяньѣ,
И въ дочери просилась къ намъ,
Утопшей дочери въ замѣну;
И точно намъ она какъ дочь.
Одно насъ только огорчаетъ:
Въ ней нѣтъ души, въ ней мысли нѣтъ;
Она какъ птичка беззаботна,
Безъ чувства жизни, какъ цвѣтокъ.
Поетъ безсмысленныя пѣсни,
И исчезаетъ иногда,
Не понимая нашей брани.
Но рыцарь добрый, ты усталъ,
Усни, и намъ пора съ старухой
Пойти въ свой уголъ отдохнуть;
Прощай.

РЫЦАРЬ.

Прощай, почтенный старецъ.

(*Старикъ и старуха всходятъ по лѣстницѣ на чердакъ, Рыцарь садится въ креслы.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

РЫЦАРЬ *(одинъ)*.

Непостижимо.... непонятно!!....
Какъ хороша! Да ктожъ она?....
За чѣмъ къ ней такъ стремится сердце?
За чѣмъ Бертальды красота
Меня ужъ болѣ не чаруетъ?
Ужель ее я разлюбилъ?....
Глаза смыкаются невольно.
Быть можетъ это сонъ
Мнѣ грезится.... Ундина!... Ахъ.... Ундина!...

(Засыпаетъ, облокотившись на столъ; музыка играетъ тихо; черезъ нѣсколько времени дверь сама собой отворяется; въ дверяхъ задумчиво стоитъ Ундина.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

РЫЦАРЬ и УНДИНА.

УНДИНА.

Волны жизни,
Волны счастья,
Въ свѣтъ иной,
Въ свѣтъ земной
Унесите меня.

РЫЦАРЬ (*вскакиваетъ съ кресель*).

Она! Она!

УНДИНА.

Ахъ! погоди что-то страшно мнѣ невольно,
Въ мысляхъ темно, сердцу больно,
И для жизни я безъ силъ;
О, скажи мнѣ, гость прекрасный,
Для чего ты въ лѣсъ опасный
Поздно вечеромъ ходилъ.

РЫЦАРЬ.

Страстью пылкой увлеченный,
Для невѣсты я надменной
Жизнью весело игралъ;
Ей коварной, ей въ угоду,
Въ темномъ лѣсѣ, въ непогоду
Я какъ жертва погибалъ.

УНДИНА (*отворачивается и плачетъ*).

РЫЦАРЬ.

Ты плачешь?...

УНДИНА.

Нѣтъ, будь счастливъ съ ней.

РЫЦАРЬ.

Ее теперь я проклинаю!
Тебѣ, душа души моей,
Я жизнь и счастіе ввѣряю....

УНДИНА, (радостно):

Что слышу я?

РЫЦАРЬ.

Я твой на вѣкъ!

УНДИНА.

Ахъ! повтори!

(*Вмѣстѣ*).

Ангелъ милый, несравненный,
Проживемъ мы вѣкъ блаженный,
Тихимъ счастьемъ осѣненный,
Жизни свѣтлой до конца,
И любовью вдохновленной
Освятимъ свои сердца.

РЫЦАРЬ.

Ундина! Что же ты такое?
Скажи, скажи, не мучь меня;
Ты не видѣнье ли какое?
Дай сердцу разгадать тебя.

УНДИНА.

Я бѣдная Ундина,
Не отъ людей я рождена;

Но душу я любовью
Съ тобой найти должна.

(*Становится на колѣни.*)

Теперь, мой повелитель,
Теперь повелѣвай,
И свѣтъ, гдѣ бы ты ни былъ,
Съ тобой мнѣ будетъ рай.
Твоя на вѣкъ!

РЫЦАРЬ.

Я твой до гроба.

УНДИНА.

Любить хочу.

РЫЦАРЬ.

Люблю тебя.

(*Вмѣстѣ.*)

И жить мы будемъ оба
Другъ друга пламенно любя.

РЫЦАРЬ.

Свѣтлая радость,
Радостный часъ;
Счастья свѣтило
Блещетъ для насъ.

УНДИНА.

Свѣтлая радость... и пр.

(*Между тѣмъ страшная фигура дяди Струя глядитъ въ окно.*)

РЫЦАРЬ.

Старикъ лѣсной... Ундина,
Намъ смерть грозитъ.

УНДИНА.

Насъ ждетъ любовь;
Тебя спасла ужь я отъ смерти,
Тебя, мой другъ, спасу я вновь.

(*Дѣлаетъ знакъ, Струй исчезаетъ.*)

Твоя на вѣкъ!

РЫЦАРЬ.

Я твой до гроба!

УНДИНА.

Любить хочу!

РЫЦАРЬ.

Люблю тебя!

(*Вмѣстѣ.*)

И жить мы будемъ оба
Другъ друга пламенно любя.

Свѣтлая радость,
Радостный часъ,
Счастья свѣтило
Блещетъ для насъ.

РЫЦАРЬ.

Ундина, милая Ундина,
Благословило небо насъ.
Чегожъ еще намъ дожидаться?
Пойдемъ сейчасъ же въ замокъ мой,
Пойдемъ, пойдемъ...

УНДИНА.

О нѣтъ, другъ милый,
Нельзя мнѣ добрыхъ стариковъ
Оставить, не простившись съ ними.

РЫЦАРЬ.

Что хочешъ ты?...

УНДИНА.

Хочу сказать,
Что ты пришелъ, мой другъ желанный.
(*Зоветъ стариковъ.*)
Вставайте люди добрые!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГОЛЬДМАНЪ.

Что тамъ?

УНДИНА.

Скорѣй, скорѣй сюда!

БЕРТА.

Что здѣсь случилось?

УНДИНА.

Судьба моя рѣшилась.
Благословите нашъ союзъ.
И вѣтренность Ундины
Простите...

ГОЛЬДМАНЪ.

Что, что слышу я?...

БЕРТА.

Ты хочешь насъ покинуть?...

УНДИНА.

Такъ свыше суждено.

РЫЦАРЬ.

Благослови насъ, добрый старецъ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Увидимъ... послѣ....

УНДИНА.

Нѣтъ! сейчасъ,
Чтобы успѣть еще избавить

Васъ всѣхъ отъ яростной грозы,
Что здѣсь надъ хатой забушуетъ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Все непонятныя слова,
Но отказать ей я не смѣю.
Склоните-жъ юныя сердца
Къ молитвѣ, дѣти, и примите
Благословенье старика.
Молю тебя, о провидѣнье!
Услышь мое благословенье,
Святой союзъ благослови;
Даруй имъ вѣру и терпѣнье,
И жизни дай пройти теченье
Въ согласьи, мирѣ и любви.

(*Прочіе.*)

Молю тебя и пр. и пр.

ГОЛЬДМАНЪ.

(*обнимаетъ Ундину*).

Прощай же дочь. Тебя ввѣряю
Другому я.

БЕРТА (*обнимаетъ ее тоже.*)

Объ старикахъ
Не забывай...

РЫЦАРЬ.

Вамъ обѣщаю.
Любить Ундину вѣчно.

(*Прижимаетъ Ундину къ сердцу. Ундина вскрикиваетъ восторженно.*)

УНДИНА.

Ахъ!!...
О счастье!... мигъ блаженный,
Душа во мнѣ кипитъ;
Душа, душа съ вселенной
Восторгомъ говоритъ;
Я сердце понимаю,
Я жить хочу любя,
Я радуюсь, страдаю,
Я чувствую себя.

(*Между тѣмъ на сценѣ становится темно. Слышенъ вой вѣтра и приближающійся гулъ. Вбѣгаютъ въ безпорядкѣ испуганные рыбаки, одинъ за другимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И РЫБАКИ.

1-й. Спасайтесь!
2-й. Спасайтесь!
3-й. Спасайтесь!
4-й. Спасайтесь!

Хоръ.

Спасайтесь, спасайтесь,
Потокъ нашъ кипитъ,
Изъ берега вышелъ,
Все ломитъ, валитъ
Бѣснуясь, все топитъ,
Намъ смертью грозитъ,
Отъ гибели Богъ насъ
Одинъ защититъ ..

УНДИНА.

Теперь пойдемъ!... теперь душой
Я вся твоя...

РЫЦАРЬ, ГОЛЬДМАНЪ И БЕРТА.

Постой, постой!

(*Гроза усиливается.*)

Хоръ.

О страшный часъ!

УНДИНА.

Пойдемъ, другъ милый,
Гроза утихнетъ послѣ насъ;
Любви, любви насъ ждетъ свѣтило;
Пойдемъ, пойдемъ.

РЫЦАРЬ.

Пойдемъ, другъ милый,
Пойдемъ, пойдемъ.

Хоръ.

О страшный часъ!

Вмѣстѣ съ хоромъ.

УНДИНА И РЫЦАРЬ.	*Хоръ.*
О счастье, мигъ блаженный и пр. и пр.	Спасайтесь, спасайтесь и пр. и пр.

УНДИНА.

Теперь пора... пойдемъ.

УНДИНА И РЫЦАРЬ *(съ вдохновеніемъ).*

Пойдемъ!

(Поспѣшно обнимаютъ стариковъ и уходятъ. Гроза во всей своей силѣ. Молнія сверкаетъ, посреди треска и гула водопада.)

РЫБАКИ, ГОЛЬДМАНЪ И БЕРТА *(на колѣняхъ).*

О страшный часъ!...
О смерти часъ, конечный часъ!...
Помилуй, Боже, грѣшныхъ насъ...

(Половина хижины обрушивается. Въ прощелинахъ видѣнъ разъяренный водопадъ, съ которымъ борется рыцарь, неся Ундину на плечѣ. Занавѣсъ опускается.)

—

ДѢЙСТВІЕ II.

(Площадка Герцогскаго замка. На лѣво готическіе ворота. Вдали Дунай, съ живописнымъ, перспективнымъ берегомъ, по горамъ коего разбросаны замки. На площадкѣ тронъ съ двумя мѣстами; приготовленія къ празднику).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕРЦОГЪ и АЛЬВАЛЬДО.

ГЕРЦОГЪ.

Да, другъ Альвальдо, да!
Меня жестоко онъ обидѣлъ.

АЛЬВАЛЬДО.

Могучій Герцогъ, извини,
Но я постигнуть не умѣю,
Зачѣмъ велѣлъ ты пригласить
Измѣнника съ своей подругой,
Ундиною....

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ, Альвальдо?
За тѣмъ, что дочь мою
Любовью прежнею онъ любитъ;
Затѣмъ, что я хочу

Страданіемъ его подруги,
Мученьями его души,
Съ нимъ за обиду расплатиться.
Пока мой мечъ еще при мнѣ,
Пока огонь въ крови пылаетъ,
Никто смѣяться не дерзаетъ
Моей могучей сѣдинѣ.
Не знаю слова я прощенья;
Обиду помню я свою,
И жажду крови, жажду мщенья,
Я вражьимъ сердцемъ утолю.

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ хоръ царедворцевъ.

Хоръ.

Милой Бертальдѣ
Нынѣ мы въ честь
Всѣ собралися,
Дружно на пиръ.
Чтобъ разцвѣтала
Розой она;
Всѣмъ въ утѣшенье,
Въ радость отцу.

ГЕРЦОГЪ.

Благодарю за поздравленье,
Къ Бертальдѣ вмѣстѣ мы пойдемъ,

И отъ души ее поздравимъ,
Товарищи.

Хоръ.

Да здравствуетъ Бертальда!

ГЕРЦОГЪ.

Мести вѣрной,
Мести скорой,
Мести страшной
Я хочу.
За обиду,
За презрѣнье,
За измѣну
Отплачу!
За Бертальду
Счастье жизни,
Сердца радость,
Отомщу.
Пусть измѣнникъ;
Пусть предатель
И съ подругой
Пропадетъ;
Мести злоба
Ихъ до гроба
Доведетъ.

Хоръ.

Да здравствуетъ Бертальда!...

ГЕРЦОГЪ.

Да! да! да здравствуетъ Бертальда!...

ГЕРЦОГЪ.

Мести вѣрной и пр.

Хоръ.

Милой Бертальдѣ и пр.

(*Всѣ уходятъ по знаку Герцога за нимъ въ боковые двери.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

УНДИНА (*въ пышномъ нарядѣ*) и ГОЛЬДМАНЪ.

УНДИНА.

О добрый, добрый мой отецъ,
Я счастлива теперь вполнѣ;
Въ душѣ свѣтло.

ГОЛЬДМАНЪ.

Прощай Ундина;
Пора домой; старуха ждетъ
Меня внизу съ народомъ.

УНДИНА.

Нѣтъ!
Не такъ уйдешь же ты отсюда;
Тебѣ я дочерью была
И наградить тебя хочу я.

ГОЛЬДМАНЪ.

Ундина, видно и тебя
Уже испортилъ свѣтъ лукавый;
Не надо мнѣ твоихъ наградъ,
Живи счастливо.

УНДИНА.

Погоди;
Повѣрь словамъ твоей Ундины;
Подарокъ мой меня достоинъ;
На праздникъ съ Бертой приходи;
Тамъ все узнаешь ты....

ГОЛЬДМАНЪ, *(качая головой)*.

Все также
Рѣзва и такъ же шаловлива.

УНДИНА.

Пойдемъ за Бертою; ее
Обнять же надо мнѣ.

ГОЛЬДМАНЪ.

Пойдемъ.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

БЕРТАЛЬДА *(входитъ печальна и задумчива)*.

Онъ любилъ меня такъ страстно,
Онъ такъ страстно говорилъ,

Но любовію напрасно . . .
Онъ покой мой возмутилъ.
Онъ дерзнулъ меня обидѣть,
Онъ посмѣлъ мнѣ измѣнить,
И заставилъ ненавидѣть,
Сердце жадное любить.

ЯВЛЕНІЕ V.

БЕРТАЛЬДА и ГУЛЬБРАНДЪ.

ГУЛЬБРАНДЪ.

Бертальда!

БЕРТАЛЬДА.

Онъ!!...

ГУЛЬБРАНДЪ.

Какъ сердце бьется!

БЕРТАЛЬДА.

Меня еще онъ любитъ!...

ГУЛЬБРАНДЪ.

Что ей сказать?

БЕРТАЛЬДА.

О красота,
Ты отомсти за вѣроломство!

(*Къ Гульбранду*.) Гдѣжъ, честный рыцарь, ты скажи,

Твоя прекрасная подруга?
Ундина гдѣ?

ГУЛЬБРАНДЪ.

О, пощади
Мое волненье;
Любви томленье
Въ моей груди;
Не будь сурова,
Прости меня,
Люблю я снова,
Люблю тебя,
Одну тебя.

БЕРТАЛЬДА.

Что слышу я?
Измѣнникъ!... Ты къ другой прикованъ
Теперь и клятвой и душой.

ГУЛЬБРАНДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ, я былъ лишь очарованъ
Волшебствомъ, силой не земной....

Но я все твой.... я вѣчно твой;
Теперь въ тоскѣ неизцѣлимой
Я изнываю день и ночь.

БЕРТАЛЬДА.

Оставь меня.

ГУЛЬБРАНДЪ.

О, сжалься!

БЕРТАЛЬДА.

Прочь!...
И ненавистный.... и любимый.
О какъ мнѣ быть,
О горе злое,
Мнѣ про былое
Какъ позабыть?
Всю жизнь тоскуя,
Умру любя;
Хоть не хочу я
Любить тебя,
Любить тебя!

ГУЛЬБРАНДЪ.

О, сердца восхищенье!

БЕРТАЛЬДА.

О, сердца восхищенье!

ГУЛЬБРАНДЪ.

Простила мнѣ она!
Забыты всѣ мученья.

БЕРТАЛЬДА.

А я отомщена!!...

(Вмѣстѣ.)

ГУЛЬБРАНДЪ.

О сердца восхищенье!
Душа оживлена;
Забыты всѣ мученья,
Простила мнѣ она,

БЕРТАЛЬДА.

О сердца восхищенье!
Душа оживлена;
Забыты всѣ мученья,
И я отомщена.

(*Рыцарь становится на колѣни; входитъ Ундина.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГУЛЬБРАНДЪ и БЕРТАЛЬДА.

(*Стоятъ пораженные. — Ундина становится между ними и смотритъ на нихъ съ недовѣрчивостью*).

УНДИНА.

Что вижу я?

БЕРТАЛЬДА.

Ундина!....

УНДИНА.

Да! Ундина,

ГУЛЬБРАНДЪ.

Что дѣлать?

УНДИНА.

Что со мной?
За чѣмъ невольное смущенье
Мнѣ въ душу крадется змѣей?
На сердцѣ тяжкое сомнѣнье,
И гибнетъ счастія покой.

БЕРТАЛЬДА.

Настало жданное мгновенье,
И ревность, жгучею змѣей,
Имъ отомстить за преступленье,
Погубить счастія покой.

ГУЛЬБРАНДЪ.

Неодолимое смущенье
Мнѣ въ душу крадется змѣей;
Кому любовь? Кому презрѣнье?
Погибъ на вѣкъ души покой.

(*Входитъ Альвальдо.*)

АЛЬВАЛЬДО.

Могучій Герцогъ ожидаетъ
Васъ для начала празднества.

(*Уходитъ.*)

УНДИНА.

Душа, душа моя страдаетъ.

ГУЛЬБРАНДЪ.

Разрушу узы колдовства.

(*Къ Бертальдѣ.*)

Пойдемъ!—

УНДИНА (*вскрикиваетъ*).

Меня онъ покидаетъ.

(*Бѣжитъ за ними и беретъ ихъ за руки.*)

О, нѣтъ! о, нѣтъ, не можетъ быть,
Вы не могли такъ лицемѣрить,
Вы не могли мнѣ измѣнить;
Душа такъ просится вамъ вѣрить.

Счастье вновь
Засіяетъ
И любовь
Насъ утѣшитъ.

Пусть, друзья,
Вѣчно съ вами
Жизнь моя
Пронесется.

ГУЛЬБРАНДЪ.

О, какъ мнѣ быть?

БЕРТАЛЬДА.

О, горе злое!

УНДИНА.

Хочу вамъ вѣрить, васъ любить.

ГУЛЬБРАНДЪ, *(въ полголоса Бертальдѣ).*

Бертальда! вспомни про былое.
Счастье вновь
Засіяетъ,
И любовь
Насъ утѣшитъ;
Вѣкъ любя,
Вѣкъ съ тобою
Жизнь моя
Пронесется.

БЕРТАЛЬДА.

О, какъ мнѣ быть?

ГУЛЬБРАНДЪ.

О, горе злое!

УНДИНА.

Хочу вамъ вѣрить, васъ любить

ГУЛЬБРАНДЪ, (*Бертальдѣ*).

О, вспомни, вспомни про-былое.

БЕРТАЛЬДА.

Счастье вновь
Засіяетъ
И любовь
Будетъ мщеньемъ;
Да, друзья,
Вѣчно съ вами
Жизнь моя
Пронесется.

(*Вмѣстѣ всѣ трое.*)

Счастье вновь и пр.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оркестръ играетъ маршъ.—Торжественное шествіе; входятъ по парно тѣлохранители, ремесленные цехи съ знаменами, рыцари, царедворцы, пажи и пр. Герцогъ съ Бертальдой въ Княжеской мантіи, за ними Гульбрандъ съ Ундиной, и снова рыцари и дамы; шествіе замыкается народомъ. Въ народѣ видны Гольдманъ и Берта.

(*Хоръ.*)

Милой Бертальды
Нынѣ мы въ честь

Всѣ собралися
Дружно на пиръ.
Чтобъ разцвѣтала
Розой она,
Всѣмъ въ утѣшенье,
Въ радость отцу.

ГЕРЦОГЪ (съ возвышенія).

Друзья, сегодня промелькнуло
Семнадцать лѣтъ, что я
Бертальду дочерію назвалъ,
И радостенъ мнѣ этотъ день.

(*Хоръ.*)

Да здравствуетъ Бертальда!

ГЕРЦОГЪ.

Берите кубки, пейте други,
Вы нынѣ братья всѣ мои;
Веселой пляской забавляйтесь,
Дѣлите счастіе мое.

(*Начинаются танцы, образуются группы, выкачиваются бочки, народъ гуляетъ*).

(*Хоръ*).

Весело други,
Весело братья
Мы попируемъ
Въ радостный день.

Герцогъ нашъ щедрый
Намъ лишъ веселье,
Игры и пляски
Ставитъ въ законъ.

(*По окончаніи хора Герцогъ обращается къ Ундинѣ.*)

ГЕРЦОГЪ.

За чѣмъ, прекрасная Ундина,
Ты въ общей радости одна
Такъ молчалива.

УНДИНА.

Нѣтъ,
Я какъ сестру люблю Бертальду,
И ей готовлю я подарокъ,
Который лучше всѣхъ земныхъ
Сокровищъ.

ГЕРЦОГЪ.

Внимайте всѣ.

Хоръ.

Внимайте.

(*Толпятся около Ундины.*)

УНДИНА.

(*Баллада.*)

Не цвѣты красуются, не заря блеститъ;

У рѣки, забытая, плачетъ дѣвочка,
Вотъ подъѣхалъ къ берегу Герцогъ на конѣ,
Сжалось сердце доброе, Герцогъ сжалился;
Взялъ къ себѣ сиротку онъ, въ пышный замокъ свой,
Небомъ чудно данную назвалъ дочерью.

БЕРТАЛЬДА.

Что слышу я ?

ГЕРЦОГЪ.

Что значитъ это ?

Хоръ.

Что за разсказъ!...

ГЕРЦОГЪ.

О, продолжай, Ундина!

УНДИНА.

Разцвѣла красавица въ княжескомъ дворцѣ;
А старушка мать ея не наплачется,
А старикъ отецъ молчаливъ сталъ и угрюмъ,
Не хотятъ о дочери слово вымолвить,
Тяжко имъ на старости быть безъ радости,
Безъ отрады жизнь влачитъ ненужную.

БЕРТАЛЬДА.

Ты про меня поешь?

ГЕРЦОГЪ.

Да, да.
Такъ было точно, гдѣ же, гдѣ же,
Отецъ и матъ...

Хоръ.

Скажи, Ундина!

(*Ундина бѣжитъ за Гольдманомъ и Бертой, которые выходятъ изъ толпы, съ распростертыми объятіями*).

УНДИНА.

Вотъ, вотъ они!

ГОЛЬДМАНЪ.

Дитя мое!

БЕРТА.

О, дочь моя!

УНДИНА.

Ступайте дочь обнять;
Награда вотъ моя!

БЕРТАЛЬДА.

Прочь! прочь!
Не вѣрьте злобному обману;
Не дочь я нищихъ рыбаковъ.

[illegible], (*Т[illegible]упая*).

Какъ!.. что?.. признать ты насъ не хочешь?
Да, да, ты точно намъ не дочь.
Да будетъ проклятъ часъ
Рожденья твоего;
Да не узнаешь ты
Вѣкъ счастья на землѣ!
А смерти въ страшный день,
Пусть помнится тебѣ
Проклятіе отца!

(*Общая картина.*)

ФИНАЛЪ.

УНДИНА.

Что со мною? страшно стало!...
Смысла нѣтъ въ людскихъ словахъ;
Сердце холодомъ объяло...
И въ душѣ невольный страхъ.

БЕРТАЛЬДА И ГУЛЬБРАНДЪ.

Душу злоба разтерзала;
Въ сердцѣ ненависть и страхъ...
Какъ безстыдная скрывала
Ревность въ сладостныхъ словахъ.

[illegible], [illegible] И БЕРТА.

Счастье жизни просіяло,
Сердцу въ радостныхъ лучахъ!
Но погасло, но пропало,
И въ душѣ невольный страхъ.

Хоръ.

Страшно стало! страшно стало!..
Въ нашихъ слышится сердцахъ;
Будто сердце простонало
Въ ихъ загадочныхъ словахъ.

(*Бертальда на колѣняхъ предъ Гульбрандомъ.*)

О если ты,
Защитникъ мой,—
Отъ клеветы
Ундины злой
Меня спаси,
И воскреси
Ты мой покой.

ГУЛЬБРАНДЪ.

(*Къ Ундинѣ.*) Прочь отъ меня
Ты демонъ мой,
Съ сего я дня
Тебѣ чужой;
Иди, ступай

Въ нечистый край,
Тебѣ родной.

УНДИНА (*вскрикиваетъ*).

Что слышу?.. Ахъ!! все кончилось со мною;
Разлуки слово ты сказалъ!
Разстаться должно намъ! такъ велѣно судьбою,
И ты!.. И ты... меня изгналъ.

Любовь моя
Прощай, прощай!
Иду вновь я
Въ свой свѣтлый край.
Ты съ ней живи
Въ любви, въ любви,
И не жалѣй
Ты прежнихъ дней.
Вѣкъ счастливъ будь,
Меня забудь,
Прощай, прощай
Прощай!...

(*На сценѣ становится темно.—Дунай сердито хлещетъ объ берегъ.—Ундина кидается въ рѣку. Общее смятеніе и суматоха*).

Хоръ.

Исчезла! погибла... бѣгите...
Садитесь скорѣе на челнъ;
Невинную жертву спасите
Отъ ярости гибельныхъ волнъ.

Нѣтъ болѣе бѣдной спасенья?
Нѣтъ силы въ отважныхъ рукахъ.
Судьбы совершились велѣнья,
Ундина погибла въ волнахъ!

(Гольдманъ уводитъ жену, указывая съ презрѣніемъ на дочь; Бертальда въ обморокѣ.— Рыцарь хочетъ спасти Ундину, его удерживаютъ.—Герцогъ стоитъ въ недоумѣніи. Занавѣсъ опускается.)

—

ДѢЙСТВІЕ III.

(Сцена представляетъ дорогу. Вправо замокъ Рингштетенъ. Влѣво, вдали храмъ. Въ углубленіи горы и пейзажъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГУЛЬБРАНДЪ *(одинъ).*

Прости меня, святая тѣнь,
Казненъ жестоко я тобою;
Хотя на день, хотя на день
Дай оживиться мнѣ душою;
Любовью прежней осѣня
Души печальной злую муку,
Забудь про страшную разлуку,
Прости меня, прости меня.

ЯВЛЕНІЕ II.

(Изъ правыхъ дверей выходитъ свадебное шествіе и Бертальда, окруженная женщинами).

Хоръ.

Чету счастливую
Младыхъ любовниковъ

Мы поведемъ ко храму,
Гдѣ ждетъ ихъ счастья
Святой союзъ.

БЕРТАЛЬДА.

Готово все; давно во храмѣ
Насъ ждутъ ужъ брачные вѣнцы;
Что жъ медлишь ты?

ГУЛЬБРАНДЪ.

Постой Бертальда;
Въ душѣ моей невольный страхъ;
Постой, постой!

БЕРТАЛЬДА.

А! вѣроломный,
Ты клятвѣ хочешь измѣнить;
Ты разлюбилъ Бертальду снова,
О, я несчастная!!

ГУЛЬБРАНДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Пойдемъ къ вѣнцу, моя невѣста,
Тебя я дорого купилъ;
Пойдемъ.

(Начинается шествіе.)

Хоръ.

Чету счастливую
Младыхъ любовниковъ
Мы поведемъ ко храму,
Гдѣ ждетъ ихъ счастія
Святой союзъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕРЦОГЪ, *(окруженный свитой, останавливаетъ шествіе.)*

Стойте, стойте!..
Если я тебя Бертальда
Долго дочерію звалъ,
Если ты ужъ не забыла
Что тебѣ я былъ отцомъ,
То исполни мою волю,
И преступнаго ты брака
Съ рыцаремъ не заключай.

(Таинственно.)

Какъ только ночь
На землю ляжетъ
И я засну,
Тогда во снѣ,
Одѣта въ бѣломъ,
Ундина вдругъ

Ко мнѣ является,
И плачетъ, плачетъ
И говоритъ:
Не допускай
Ты ихъ союза
Онъ имъ погибель;
Ступай, спѣши,
Спѣши, спаси
Ты ихъ отъ смерти.

ГУЛЬБРАНДЪ.

Ты слышишь ли, Бертальда?

БЕРТАЛЬДА.

Слышу!
Ты радъ, коварный, слову измѣнить;
Къ чему намъ слушаться чужаго;
Онъ не отецъ мнѣ, онъ чужой;
Не для тебя ль я съ нимъ разсталась
Ты мой, пойдемъ.

ГЕРЦОГЪ.

Неблагодарная!

ГУЛЬБРАНДЪ.

Что дѣлать мнѣ?

Хоръ (mineur.)

Чету счастливую
Младыхъ любовниковъ

Мы поведемъ ко храму,
Гдѣ ждетъ ихъ счастья
Святой союзъ.

(*Идутъ медленно, поникнувъ головами*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГОЛЬДМАНЪ, (*вбѣгаетъ поспѣшно; платье его въ безпорядкѣ.*)

ГОЛЬДМАНЪ.

Стойте, стойте!
Я, какъ отецъ, не позволяю
Свершиться вашему союзу.
Какъ только ночь
На землю ляжетъ,
И я засну,
Тогда во снѣ,
Ундина вдругъ
Ко мнѣ является,
И плачетъ, плачетъ
И говоритъ:
Не допускай
Ты ихъ союза;
Онъ ихъ погибель;

Ступай, спѣши,
Спѣши, спаси
Ты ихъ отъ смерти.

(*Картина*)

ГЕРЦОГЪ И ГОЛЬДМАНЪ.

Внемлите нашимъ вы словамъ,
Не совершайте преступленья,
Не искушайте провидѣнья;
Не будетъ вамъ, не будетъ вамъ
Небесъ благословенья.

БЕРТАЛЬДА.

Не вѣрь коварнымъ ты словамъ;
Не совершай ты преступленья;
Исполни волю провидѣнья;
И будутъ намъ, и будутъ намъ
Небесъ благословенья.

ГУЛЬБРАНДЪ.

Невольно вѣрится словамъ
Напоминавшимъ преступленье;
Не умолимо провидѣнье;
Не будетъ намъ, не будетъ намъ
Небесъ благословенья.

Вмѣстѣ.

БЕРТАЛЬДА.

Прочь... прочь. Не слушайся совѣтовъ;
Они мнѣ недруги, они хотятъ
Меня на вѣки обезславить. Пойдемъ;
Я не отдамъ тебя, ты мой на вѣки.

Хоръ. (lamentoso).

Чету счастливую...
О, страшно, страшно намъ...
Мы поведемъ ко храму
Гдѣ ждетъ ихъ... страшно,
О, страшно намъ!

(*Похороннымъ шествіемъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ГОЛЬДМАНЪ и ГЕРЦОГЪ.

ГЕРЦОГЪ *(беретъ Гольдмана за руку).*

Мы долгъ исполнили съ тобой,
Мужайся другъ.

ГОЛЬДМАНЪ.

О Боже!
Ужель.... ужель она мнѣ дочь?

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛЬВАЛЬДО входитъ въ испугѣ.

АЛЬВАЛЬДО.

Съ ужасной вѣстью я пришелъ къ вамъ
Какъ только подошли мы къ храму,

Не вдалекѣ стоялъ колодецъ:
Вдругъ камень съ шумомъ отвалился;
Вода забила вдругъ фонтаномъ,
И изъ воды вся въ бѣломъ одѣяньѣ,
Явилась женщина.

ГЕРЦОГЪ.

Ундина!

ГОЛЬДМАНЪ.

Да, моя Ундина!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хоръ (*бѣжитъ.*)

Чудо свершилось!
Ундина опять
Въ замокъ явилась;
Невѣрныхъ карать.

(*Суматоха и бѣготня на сценѣ; въ изступленіи вбѣгаетъ Гульбрандъ.*)

ГУЛЬБРАНДЪ.

Она!... Она!... она!...

(*Падаетъ въ обморокъ на скамейку. Ундина медленно выступаетъ изъ толпы и становится на колѣни подлѣ Рыцаря.*)

Не послушали, не повѣрили,
Не послушали словъ Ундины вы,
И принудили, и заставили
Вы Ундину показаться вновь.
Бѣдный другъ, судьбою
Мнѣ назначено опять,
Вновь зажить тобою,
Друга милаго обнять;
Снова жаромъ поцѣлуя
Твоего коснусь чела;
Но не жизнь тебѣ несу я, —
Смерть тебѣ я принесла!

ГУЛЬБРАНДЪ.

Она! она! ее увидѣлъ я во снѣ,
И весело и страшно стало мнѣ;
Но сонъ ли это? Ахъ!

УНДИНА.

Я бѣдная Ундина,
Не отъ людей я рождена;
Но счастье я съ тобою
Въ любви найти должна.

(*Въ оркестрѣ слышится: «ручеекъ мой дядя» и пр.*)

ГУЛЬБРАНДЪ.

Ундина, забудь
Мои преступленья;

Какъ прежде ты будь
Мой радостный геній;
Въ объятья мои,
Залогомъ прощенья,
Ундина приди!

УНДИНА.

Нѣтъ, скройся, бѣги,
Бѣги, другъ любимый;
Объятья мои
Ударъ несразимый;
Я смерть!

ГУЛЬБРАНДЪ.

Да, смерть зову я!
Мнѣ умереть блаженство отъ тебя;
О, дай воскреснуть мнѣ въ восторгѣ поцѣлуя,
И умереть любя.

(*Вмѣстѣ.*)

Засіяло, засверкало
Въ сердцѣ свѣтозарнымъ днемъ;
Все земное ужъ пропало,
Снова мы вдвоемъ!

(*Обнимаются. Рыцарь падаетъ мертвый у розоваго куста.*)

Хоръ.

Страшно, страшно! Ангелъ смерти,
Пролетѣлъ надъ головами.

Ундина.

Мертвый, мертвый.... о теперь,
Теперь съ тобой я неразлучна.
Волна съ волной,
Женихъ къ невѣстѣ;
И ты со мной,
Мы будемъ вмѣстѣ;
Твой милый прахъ
Я не покину,
Я съ нимъ въ слезахъ
Солью Ундину,
Твою Ундину,
Въ слезахъ, въ слезахъ,
Въ слезахъ!

Герцогъ и Гольдманъ.

Ундина!

Ундина.

Прочь, оставьте люди;
Не знаю болѣ я людей!
Слезы брызжутъ ужъ волнами
Слезы льются какъ ручей.
Волна съ волной и пр.

(*По окончаніи аріи исчезаетъ въ кустахъ; вмѣсто ея брызжетъ фонтанъ. — На сценѣ ночь и лунное сіяніе.*)

Хоръ (сценѣ.)

Свершилось чудное, а намъ
Смириться должно передъ небомъ,
Внимать его священной волѣ,
И прославлять его дѣла!

(Картина.)

НОЧЬ ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ.

—

Эта шутка, ничтожная въ литературномъ отношеніи и непонятная для незнающихъ Кавказа, была написана для тифлисской сцены, по соображеніи ея средствъ и дарованій прежняго ея декоратора, Г. Дербеза. Піеса, впрочемъ, по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, никогда не была исполнена. Такимъ образомъ она попала въ *Зурну*, чему оправданіемъ можетъ служить развѣ то, что *Зурна* — оркестръ не взыскательный, не придерживается утонченныхъ законовъ искусства, а оживляется лишь говоромъ и звуками неподдѣльнаго радушія.

(Примѣчаніе Автора).

НОЧЬ ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ,

или

ГРУЗІЯ ЧЕРЕЗЪ 1000 ЛѢТЪ.

Шутка въ двухъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Декорація представляетъ видъ Тифлиса à vol d'oiseau. Сцена раздѣлена на плоскія крыши, съ трубами, террасами и т. п. Ночь со звѣздами и мѣсяцомъ. На дальнихъ террасахъ группы женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ танцуютъ лезгинку при освѣщеніи факеловъ, воткнутыхъ въ крышу. На первомъ планѣ пирушка грузинскихъ дворянъ, сидящихъ на крышѣ. На 2-мъ—Сатаръ и зурначи. —Прежде поднятія занавѣса начинается трескъ зурны и продолжается нѣсколько времени).

ЯВЛЕНІЕ I.

КАЙХОСРО-ГАРГОШВИЛИ, КАРАПЕТЪ ТХАГИКОНОВЪ, РЕВАЗЪ РЕЦЕТЕЛИ и 8 человѣкъ грузинскихъ дворянъ.

РЕВАЗЪ.

Позвольте.... я стану говорить.... и всѣмъ меня слушать! Всякое дѣло любитъ порядокъ.... Мы пили за здоровье жениха, теперь—за здоровье невѣсты.

1-й грузинъ.

За здоровье прелестной Кетеваны.

2-й грузинъ.

За здоровье первой тифлисской красавицы.

1-й грузинъ.

Пусть она будетъ счастлива.

2-й грузинъ.

И всегда хороша, какъ теперь, намъ въ досаду, а ему, недостойному, въ радость!—Еге, братъ, да ты, кажется, не все выпилъ.

Кайхосро.

Помилуйте, я этимъ азарпешамъ и счетъ потерялъ.—Я отъ вашихъ здоровій боюсь заболѣть совсѣмъ. Голова кружится какъ колесо.

Ревазъ.

Да ты слушай.... Мы пьемъ за здоровье твоей невѣсты, Кетеваны, которая завтра будетъ твоей женой. Кому кажется и желать ей здоровья, какъ не тебѣ.—Ну, была не была! Сегодня послѣдній день твоей холостой жизни, алаверды, Кайхосро!

КАЙХОСРО.

Буду пьянъ, грѣхъ на твоей совѣсти Якинфолъ! Ваше здоровье господа, ура!

1-й ГРУЗИНЪ.

Да не кричи такъ, — видишь, ты женщинъ испугалъ.—Всѣ разбѣжались.

КАЙХОСРО, *(вставая)*.

Да уже пора.... поздно.... господа, пожалѣйте моего будущаго зятя!... Вѣдь завтра свадьба.... Не можетъ же онъ придти пьяный на собственную свадьбу. Сами посудите.

РЕВАЗЪ.

Позвольте, выбрали меня тулумбашемъ, такъ прошу меня слушаться. Кромѣ меня никто не смѣетъ распоряжаться. Обратите вниманіе. Вотъ передъ вами знаменитый гражданинъ тифлисскій, Карапетъ Тхагиконовъ, умный, распорядительный, много денегъ имѣющій. У него двѣ лавки въ темныхъ рядахъ и свой караван-сарай въ Ордубатѣ. Но первое его сокровище—дочь красавица, которую онъ завтра отдаетъ за нашего друга Кайхосро. Вотъ онъ, господа, отецъ несравненной Кетеваны. Неужели мы не выпьемъ за его здоровье?—Бичо! наливай полнѣе.—Мы будемъ пить за здоровье Карапета, а кто не пьетъ, такъ чортъ съ нимъ!

КАРАПЕТЪ.

Благодарю за честь. Прошу всѣхъ пожаловать ко мнѣ отобѣдать послѣ завтра. А теперь право пора отдохнуть! Господа, да посмотрите: вотъ нашъ Кайхосро совсѣмъ пьянъ. Хорошо, что моя Кетевана его въ такомъ положеніи не видить, а то бы любить не стала. Ну, прощайте мшвидобитъ батоно. Мнѣ старику спать пора. Завтра важный для меня день.

ВСѢ.

Да посидите, постойте. Еще рано.

КАРАПЕТЪ.

Какое рано! Скоро пѣтухи начнутъ пѣть.

РИЗАКЪ.

Да выпейте еще.

КАРАПЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, совѣтую и вамъ итти по домамъ, а то больны всѣ будете. Ну, прощай, Кайхосро! Прощай мой сынъ. Не пей больше, пожалуйста. Завтра важный для тебя день. Стыдно быть пьянымъ въ такой день. Ну, доброй ночи!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

1-Й ГРУЗИНЪ.

Чортъ съ нимъ! Хорошо сдѣлалъ, что ушелъ; что старику гулять съ молодыми!

РЕВАЗЪ.

Прошу меня слушать, господа. Я стану говорить рѣчь.

ВСѢ.

Слушайте.

РЕВАЗЪ.

Слушайте мою прекрасную рѣчь. Мы должны сознаться, что мы, Грузины, измѣняемся.

КАЙХОСРО.

Измѣняемся.... Это такъ, это такъ. Ты говоришь на счетъ.... этого.... Какъ бишь?... Да, просвѣщенія.

РЕВАЗЪ.

Просвѣщеніе—великое слово. Взгляните кругомъ: мосты, дороги, училища, театры, сады, разсадники, магазины, ученыя общества, журналы, все начинается разомъ. Еще недавно мы и не слыхивали объ этомъ, а теперь безъ этого и жить не могли бы.

КАЙХОСРО.

Да ты къ чему это говоришь?

РЕВАЗЪ.

Постой. Когда въ нѣсколько лѣтъ мы такъ измѣнились, что-же будетъ лѣтъ черезъ 1000—когда вся земля покроется желѣзными дорогами, а небо—воздушными шарами? Тогда всѣ люди будутъ похожи другъ на друга, народности изчезнутъ, не такъ-ли?

КАЙХОСРО.

Надо быть такъ!

РЕВАЗЪ.

И мы будемъ, какъ всѣ европейцы; по просвѣщенію мы всѣ будемъ братья. Но однакожъ позвольте господа; одно отличіе навсегда останется у Грузинъ передъ всѣми прочими народами.

КАЙХОСРО.

Какое же это отличіе?

РЕВАЗЪ.

Способность пить много вина.

ВСѢ.

Браво, тулумбашъ!!...

РЕВАЗЪ.

Мы будемъ пить не тунгами, не изъ азарпешъ, но пить менѣе не будемъ. Это главное! Сохранимъ, поддержимъ это превосходство передъ всѣми народами. Дурные люди уже начинаютъ говорить, что наши дѣды и отцы пили лучше насъ. Это гнусная клевета, ложное обвиненіе! Дѣло идетъ о нашей репутаціи. Мы должны оправдаться, должны сохранить прежніе обычаи. Этого требуетъ равновѣсіе Европы и всемірная политика. Бичо, подай турій рогъ. Кто выпьетъ разомъ, тотъ истинный Грузинъ, молодецъ. Начинай Кайхосро! Завтра ты будешь женатый, колпакъ-колпакомъ, а нынче покажи себя. Не выдавай своихъ.

КАЙХОСРО.

Да позвольте, я уже и безъ того....

РЕВАЗЪ.

Ну, пей во славу Грузіи.... Вотъ такъ! (*Всѣ встаютъ, Кайхосро пьетъ.*) Браво!... Молодецъ! (*Къ Грузинамъ.*)Ну, теперь по очереди, да веселѣй!..Ну-ка зурначи. Гуляйте Картвелы! (*Хлопаютъ въ ладоши, зурна играетъ,—турій рогъ ходитъ по рукамъ, гикаютъ и пляшутъ лезгинку.*)

КАЙХОСРО.

Алаверды, товарищи, алаверды съ цѣлымъ Кавказомъ, съ цѣлымъ свѣтомъ! (*Публикѣ.*) Съ вами, господа, съ вами.... Чего вы на меня смотрите? По-

пробуйте—ка выпить столько! Гуляй моя душа! Да здравствуетъ холостая жизнь! Да здравствуютъ всѣ красавицы, всѣ женщины!... Нѣтъ, позвольте... Что я?.. не всѣ....Что....въ нихъ, онѣ мнѣ что? Богъ съ ними.... Я ихъ знать не хочу... У меня одна.... Вотъ это моя собственная... То есть не совсѣмъ еще, а завтра!... До желѣзныхъ дорогъ, до воздушныхъ шаровъ еще далеко,- а это завтра.... Ке-те-ва-на будетъ моя жена.... И какая!... Если турій рогъ, то есть тесть мой, или какъ тамъ знаете, армянскій базаръ... Извините.... Кетевана... Всенепремѣнно.... Все.... (*Опускается на полъ и засыпаетъ*).

1-Й ГРУЗИНЪ.

Ха, ха, ха.... Ага! Женихъ-то нашъ готовъ.... невыдержалъ....

РИВАЗЪ.

Не то что я.... Совсѣмъ не замѣтно, что я выпилъ... Посмотрите: (*Шатается.*) совсѣмъ не замѣтно. Вотъ какъ хожу

1-Й ГРУЗИНЪ.

А мнѣ еще пить хочется. Бичо! Подавай всѣмъ вина....

РИВАЗЪ.

Ты какъ смѣешь распоряжаться? Ты не тулумбашъ. Я тебя заставлю стаканъ воды выпить.. Прошу слушать меня съ почтеніемъ. Вотъ что я приказываю: вы

замѣчаете, что между нами нѣтъ Реваза Рецетели.... Онъ притворился, что у него будто болитъ голова и пошелъ спать.

1-Й ГРУЗИНЪ.

Надо наказать его

РЕВАЗЪ.

Ты говоришь прекрасно.... Сейчасъ видно умнаго малаго. Женихъ пущай спитъ, а мы пойдемъ наказать Нико. Мы всѣ отправимся къ нему, разбудимъ, потребуемъ вина, а за преступленіе заставимъ пить, пока съ ногъ не свалится. Каково! А?

ВСѢ.

Молодецъ тулумбашъ!...

РЕВАЗЪ.

Бичо! Подберите-ка посуду.... Зурна..... Иди впередъ. Да смотрите, бейте громче, что есть только силы, чтобъ весь Тифлисъ зналъ, что мы гуляемъ. Кромѣ жениха никто не долженъ спать сегодня.... Идемъ, ребята.

ВСѢ.

Идемъ! Идемъ! (*Зурначи идутъ впереди. За ними, слегка шатаясь, идутъ Грузины, спускаясь по лѣстницамъ и террасамъ. Звукъ зурны теряется мало по малу вдали. На сценѣ совершенная ночь, Въ оркестрѣ, подъ*

сурдиной, начинаются отрывки изъ Sommernacht Traum.) Начинается балетъ. Изъ—подъ крышъ выползаютъ Домовые и Тяжелые Сны. Между ними появляются въ разныхъ направленіяхъ Сны легкіе, полувоздушные, въ вѣнкахъ изъ маковыхъ цвѣтовъ; группы и танцы. Когда они изчезаютъ, декорація мѣняется и представляетъ Тифлисъ черезъ 1000 лѣтъ. Фонъ остается тотъже, но со всѣхъ сторонъ возникаютъ огромные дворцы, колоннады, статуи, памятники, соборы, виды желѣзныя дороги,—и т. п.)

ЯВЛЕНІЕ III.

КАЙХОСРО, *(ворочаясь на полу).*

Какая несносная мутака! Просто спать невозможно... Ба, би, ба! Это что за дьявольщина? Тифлисъ подмѣнили. Совсѣмъ другой городъ сталъ. Когда это все успѣли выстроить! Кто бы могъ ожидать?.. Этихъ дворцовъ я никогда не видалъ.... Ба!... Вотъ самоваръ какой-то бѣжитъ на колесахъ.... Да и наши крыши принарядились. Ахъ, Боже мой! Ну, какъ Кетевана тоже другая стала!... Карапетъ.... Эй, Карапетъ! (*Въ окно съ византійской рѣзьбой, выглядываетъ Карапетъ въ бумажномъ колпакѣ и въ халатѣ.*)

КАРАПЕТЪ, *(потягиваясь и зѣвая).*

Что ты тамъ, пьяница, шумишь?

КАЙХОСРО.

Объясни, Карапетъ, что это такое случилось?

КАРАПЕТЪ.

А вотъ я тебѣ объясню, что если ты не перестанешь кричать, тебя возьмутъ въ полицію.

КАЙХОСРО.

Что ты? Не узнаешь, что-ли? Вѣдь это я, зять твой, Кайхосро!...

КАРАПЕТЪ.

Много васъ, пьяницъ, здѣсь шатается; убирайся, пока не прибрали. Не мѣшай добрымъ людямъ спать. (*Захлопываетъ окно*).

КАЙХОСРО.

Что это съ нимъ? Ужь не съ ума ли онъ сошелъ, или хитритъ по привычкѣ? Да какая же ему въ томъ польза? Просто ничего не понимаю.... Ба! Вотъ новость!... Кто-то пробирается сюда, и въ какомъ странномъ нарядѣ! Это должно быть изъ Парижа театральная дирекція выписала.... Гей!... Что вамъ надо? Чего вы тутъ ищете? На чужую крышу однѣ только кошки ходятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАЙХОСРО и ШАМИЛЬ.

ШАМИЛЬ.

Тсъ....

КАЙХОСРО.

Какъ-съ?

ШАМИЛЬ.

Тсъ, ни слова!

КАЙХОСРО.

Что же мы будемъ дѣлать безъ словъ? Балетъ танцовать, что ли?

ШАМИЛЬ.

Говорите шопотомъ.

КАЙХОСРО.

Шопотомъ? Почему-же такъ?

ШАМИЛЬ.

Если вы скажете, что я здѣсь,—я васъ зарѣжу—или застрѣлю. Предоставляю вашему выбору.

КАЙХОСРО.

Благодарю покорно, не извольте безпокоиться....

ШАМИЛЬ.

Но нѣтъ, вы не погубите меня, вы будете мнѣ помогать, вы не откажете мнѣ въ вашей дружбѣ.

КАЙХОСРО.

А.... Вотъ что! Нѣтъ, братъ, знаю я тифлисскихъ друзей: мастера удружить!... Слуга покорный! Нѣтъ, вы говорите дѣло.... Кто вы такой?

ШАМИЛЬ.

Кто я?

КАЙХОСРО.

Да, чинъ, имя и фамилія? Я Надворный Совѣтникъ Кайхосро Гаргошвили...

ШАМИЛЬ.

Мое имя врядъ ли вамъ извѣстно: я-Шамиль.

КАЙХОСРО.

Караулъ!... Ловите его!...

ШАМИЛЬ, *(зажимая ему ротъ)*.

Да полноте кричать. Въ умѣ ли вы? Вѣдь услышать.

КАЙХОСРО.

Да какъ же не кричать? Вы говорите, что вы Шамиль.

ШАМИЛЬ.

Ну да!... Такъ что же?...

КАЙХОСРО.

Какъ-же вы изъ Веденей сюда попали?

ШАМИЛЬ.

Изъ какихъ Веденей? Что это за мѣсто?

КАЙХОСРО.

А чортъ васъ тамъ знаетъ, трущоба какая-то въ Чечнѣ.

ШАМИЛЬ.

Помилуйте, этихъ Веденей съ незапамятныхъ временъ и слѣда нѣтъ.

КАЙХОСРО.

Такъ вы не изъ Чечни?

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ, изъ Чечни. Я сынъ тамошняго дворянскаго предводителя, Петра Семеновича, можетъ быть изволили слышать.

КАЙХОСРО.

Да вы Татаринъ, Лезгинъ, нехристь?

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ! Я, слава Богу, Русскій.

КАЙХОСРО.

Да какъ же по газетамъ Шамиль нашъ первый врагъ.

ШАМИЛЬ.

Да вы все толкуете свое. Все это было за 1000 лѣтъ. Мой родоначальникъ былъ точно врагомъ Россіи въ 19 столѣтіи,—но его такъ отколотили, что и война кончилась. Развѣ вы не знаете своей исторіи? Это стыдно!

КАЙХОСРО.

Ну, нѣтъ; этой исторіи я не знаю. Да мы исторію въ сторону. Вы мнѣ свою исторію извольте разсказать. Какъ вы здѣсь очутились?

ШАМИЛЬ.

Ахъ! моя исторія очень проста. Я студентъ Душетскаго университета.

КАЙХОСРО.

Что?...

ШАМИЛЬ.

Я студентъ Душетскаго университета.—Отецъ мой думалъ сперва отослать меня въ другіе университ-

теты, въ Тамань или Баку, но такъ—какъ Душетскій славится математическимъ отдѣленіемъ, онъ отправилъ меня въ Душетъ.

КАЙХОСРО.

Чему же вы въ Душетѣ учитесь?

ШАМИЛЬ.

Охъ! То-то и горе, что я не имѣю никакой наклонности къ математикѣ. Мое призваніе-живопись; каждый день я пріѣзжалъ въ Тифлисъ....

КАЙХОСРО.

Изъ Душета?

ШАМИЛЬ.

Да, по желѣзной дорогѣ полчаса ѣзды, между двумя уроками. Въ Тифлисѣ я, можно сказать, жилъ въ галлереяхъ.

КАЙХОСРО.

Да, здѣсь много галлерей и балконовъ: на случай, знаете, жаркой погоды.

ШАМИЛЬ.

Я говорю о картинныхъ галлереяхъ.... Я восхищался чудными произведеніями великой грузинской школы, я посѣщалъ мастерскія первыхъ грузинскихъ художниковъ, я ходилъ въ тифлисскую академію, сло-

вомъ: я самъ сдѣлался живописцемъ. Да и скажите: въ виду кавказской природы, подъ этимъ небомъ, глядя на чудные типы здѣшней народной красоты,—можно ли не сдѣлаться художникомъ?

КАЙХОСРО.

Положимъ, что нельзя, да на крышѣ, на крышѣ-то вы за чѣмъ?

ШАМИЛЬ.

Я вамъ скажу всю правду. Въ прошлое Воскресенье я былъ въ театрѣ въ Кукахъ.

КАЙХОСРО.

Вы хотите сказать на Эриванской площади.

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ, я былъ въ большомъ народномъ грузинскомъ театрѣ, въ Кукахъ; какъ нарочно не пошелъ ни въ авлабарскій, ни въ салалакскій. Какое-то предчувствіе невидимой силой влекло меня въ Куки. Давали новую пьесу.

КАЙХОСРО.

Роберта Дьявола?

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ! Новую трагедію въ стихахъ и пяти дѣйствіяхъ: Руставель и Тамара.

КАЙХОСРО.

Сочиненіе Князя Эристова?

ШАМИЛЬ.

Такъ точно! Признаюсь, на этотъ разъ я разсѣянно слушалъ нашихъ великихъ актеровъ, посвятившихъ себя съ такою просвѣщенною любовью, съ такимъ знаніемъ дѣла, на художественное изображеніе полезной и изящной истины. Вниманіе мое было обращено на одну ложу. Въ этой ложѣ сидѣла одна дѣвушка, лѣтъ семнадцати. Она грустно глядѣла на меня и во взорахъ ея было что-то жалобное, какъ будто бы она просила моей защиты. Повѣрите ли, никогда не видывалъ я такого глубоко—выразительнаго взгляда, такой чудной красоты! Я былъ въ восторгѣ, какъ живописецъ, и влюбился, какъ студентъ. Спектакль кончился. Она накинула на себя чадру, но уходя, обратилась ко мнѣ еще разъ, съ печальнымъ упрекомъ взглянула на меня, я не выдержалъ, побѣжалъ за нею, проводилъ издали до дома. Съ нею шелъ ея отецъ; когда же они вошли на крыльцо, она вдругъ снова обернулась ко мнѣ и приложила палецъ къ губамъ.

КАЙХОСРО.

Да вы, я вижу, ходокъ; ваша исторія очень занимательна; продолжайте, что же дальше?

ШАМИЛЬ.

На другой день я нашелъ случай съ нею видѣться; она мнѣ объявила, что ее выдаютъ противъ воли, за какого-то пьяницу?

КАЙХОСРО.

За какого же это пьяницу?

ШАМИЛЬ.

Она его ненавидитъ, она полюбила меня и просила моей защиты, и я полюбилъ ее болѣе жизни. Теперь понимаете, зачѣмъ я на крышѣ, въ чемъ вы можете мнѣ помочь?—Времени терять нечего, сегодня назначена ихъ свадьба, но, по сердцу она мнѣ невѣста, и я никому ея не уступлю!

КАЙХОСРО.

Сегодня?... Постойте, да кто же этотъ пьяница?

ШАМИЛЬ.

А чортъ его знаетъ, какой-то Кайхосро.

КАЙХОСРО.

Что, что, что? А кто же эта ваша невѣста по сердцу, позвольте узнать?

ШАМИЛЬ.

Дочь гражданина Карапета Тхагиконова, безцѣнная Кетевана.

КАЙХОСРО.

Врешь ты, врешь бездѣльникъ, врешь, она моя невѣста, а не твоя, байгушъ ты этакой! Она меня лю-

бить, а не тебя, мятежника; я Кайхосро, я; и не пьяница, — ну, сегодня выпилъ, это правда, но на радость; пошелъ вонъ, а то вотъ сброшу тебя сейчасъ съ крыши на улицу.

ШАМИЛЬ.

А, такъ ты предатель, ты не хочешь помогать; ты погубить насъ вздумалъ? Постой же, я съ тобой раздѣлаюсь!...

КАЙХОСРО.

Ахъ ты Казикумыхъ проклятый! я тебя самого въ плоскость превращу, блинъ изъ тебя сдѣлаю.

ШАМИЛЬ.

Ну, нѣтъ, ужъ извини, Кахетинскій бурдюкъ!... Я самъ тебя выжму.

КАЙХОСРО.

Эй, Карапетъ!!...

ШАМИЛЬ.

Замолчишь ли, измѣнникъ!

КАЙХОСРО.

Нѣтъ, не замолчу; ей, Карапетъ!...

ШАМИЛЬ.

А, ты не хочешь замолчать? Такъ я заставлю тебя

молчать. Прошу не противиться!... Стой здѣсь, пока не развяжутъ! (*Привязываетъ его къ трубѣ и завязываетъ ротъ.*) Вотъ такъ-то, по крайней-мѣрѣ кричать больше не будетъ. А теперь пора и о себѣ подумать. Гдѣ же Кетевана?... Часъ свиданія уже пробилъ, а ея еще нѣтъ.... Вотъ кто-то идетъ, Кетевана, ты ли это?

ЯВЛЕНІЕ V.

КЕТЕВАНА.

Я, я, мой желанный!

ШАМИЛЬ.

Не бойся.... подойди!... Дай взглянуть на себя. Какъ хороша ты! Что жъ ты опоздала?

КЕТЕВАНА.

Я все ждала, чтобъ отецъ мой заснулъ. Мнѣ было такъ скучно безъ тебя! Скажи, а ты нынче думалъ ли обо мнѣ?

ШАМИЛЬ.

О чемъ же я думаю, какъ не о тебѣ! Всѣ книги грузинскихъ философовъ забыты, живопись брошена. Ничто меня не занимаетъ болѣе. Видѣть тебя,—вотъ мое блаженство; думать о тебѣ—вотъ все мое занятіе! А ты любишь ли еще меня?...

КЕТЕВАНА.

Какой ты любопытный!

ШАМИЛЬ.

Не мучь меня.

КЕТЕВАНА.

Ну, да, люблю, разумѣется люблю, отъ всей души люблю.

КАЙХОСРО, *(съ завязаннымъ ртомъ).*

Мм!... Мм.... Мм!....

КЕТЕВАНА.

Что это за шумъ?

ШАМИЛЬ.

Ничего, не обращай вниманія. Тутъ пьяный какой-то ходилъ, — такъ я съ нимъ раздѣлался.... Ты меня выслушай, не приводи меня въ отчаянье. Обѣщай мнѣ, что ты не будешь женой другаго.

КЕТЕВАНА.

Никогда, ни за что!

ШАМИЛЬ.

Да вѣдь ты обручена.

КЕТЕВАНА.

Я тебя еще не знала.

ШАМИЛЬ.

Да сегодня назначена твоя свадьба.

КЕТЕВАНА.

Пускай назначают; развѣ ты не видалъ моего жениха?... Онъ такой гадкій.

ШАМИЛЬ.

Я слышалъ, что пьяница.

КЕТЕВАНА.

Скупой.

ШАМИЛЬ.

Болванъ первой степени.

КЕТЕВАНА.

И неучъ какой!

ШАМИЛЬ.

Просто дрянь.

КЕТЕВАНА.

Я его ненавижу.

КАЙХОСРО.

Мм.... Мм....

КЕТЕВАНА.

Что-же это за шумъ?

ШАМИЛЬ.

Оставь это.... Ну, пускай онъ неучъ, дрянь, да все-таки онъ твой женихъ. Ахъ, отъ чего нѣтъ болѣе разбойниковъ!

КЕТЕВАНА.

А что такое разбойники?

ШАМИЛЬ.

Это бывали когда-то люди, которые все отнимали силою, грабили проѣзжающихъ, нападали на беззащитныхъ. Я слышалъ отъ отца, что онъ видѣлъ, какъ на ярмаркѣ послѣдняго разбойника за деньги показывали.

КЕТЕВАНА.

Да тебѣ за чѣмъ быть разбойникомъ?

ШАМИЛЬ.

Я увезъ бы тебя силой,—и бѣда тому, кто бы помѣшалъ.

КЕТЕВАНА.

Да развѣ мы затворницы, какія нибудь, осужденныя въ домахъ на рабство? Слава Богу, мы свободны, мы имѣемъ съ мужчинами одинакія права. Только

вотъ-что: отецъ мой армянскій купецъ; онъ далъ слово, а ты знаешь какъ свято слово армянскаго купца,— какъ дорожитъ онъ своею честью.

ШАМИЛЬ.

Знаю.... (*Печально.*) Что-жъ мы станемъ дѣлать?

КЕТЕВАНА.

Вотъ—что.... Я убѣгу съ тобой.

ШАМИЛЬ.

Что я слышу! О Кетевана, о счастіе мое! Теперь я не сомнѣваюсь болѣе въ твоей любви. Да, убѣжимъ, убѣжимъ! (*Поетъ.*)

Терцетъ.

Да! Убѣжимъ на край Вселенной,
Тамъ, радость свѣтлая, вдвоемъ
Въ любви таинственно блаженной
Мы жизнью сердца заживемъ!
Ни что насъ тамъ не потревожитъ,
Не въ силахъ счастья погубить,—

Вмѣстѣ.

КЕТЕВАНА.

Лишь если мужъ мой вѣчно можетъ,—

ШАМИЛЬ.

Когда жена моя вѣкъ можетъ,—

КЕТЕВАНА.

Меня любить.

КАЙХОСРО.

Мм.... Мм....

ШАМИЛЬ.

Меня любить.

КАЙХОСРО.

Мм.... Мм....

ОБА.

Меня любить.

Вместѣ.

КЕТЕВАНА.

Но времени терять нечего!... Если бѣжать, такъ ныньче-же, пока темно.

ШАМИЛЬ.

Сейчасъ.... Я сбѣгаю только за всемірными векселями.

КЕТЕВАНА.

А я захвачу свои бриллiанты съ армянскаго базара.

ШАМИЛЬ.

И такъ, я тотчасъ вернусь. И наконецъ, наконецъ, моя Кетевана, мы будемъ вдвоемъ, будемъ счастливы, на вѣкъ неразлучны. Жизни моей будетъ мало, чтобъ доказать тебѣ мою благодарность.

КЕТЕВАНА.

Люби меня только всегда, больше я ничего не требую.

ШАМИЛЬ.

До свиданья же, моя радость, моя подруга, моя жена.

КЕТЕВАНА.

Что же вы не цѣлуете своей жены?

ШАМИЛЬ.

О, за этимъ дѣло не станетъ! (*Цѣлуетъ.*)

КАЙХОСРО.

Мммм.... Ммм....

КЕТЕВАНА.

Ну.... ну.... довольно, приходите поскорѣе.

ШАМИЛЬ.

Сейчасъ, сейчасъ же вернусь. (*Расходятся и снова возвращаются другъ къ другу.*)

КЕТЕВАНА.

До свиданія....

ШАМИЛЬ.

А тамъ уже не разстанемся.

КЕТЕВАНА.

Никогда.... Ну.... Ступайте. (*Снова расходятся и, остановившись, говорятъ: до свиданія!*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

(*Въ трубѣ слышна баркарола, изъ трубы вылѣзаетъ трубочистъ*).

КАЙХОСРО.

Мм.... Мм....

ТРУБОЧИСТЪ.

Что это за человѣкъ, привязанный къ трубѣ?

КАЙХОСРО.

Мм.... Мм....

ТРУБОЧИСТЪ.

Не помочь ли ему? Можетъ быть онъ не разсердится. Помогу въ самомъ дѣлѣ! Трубочисты люди отважные. (*Развязываетъ.*) Милостивый Государь, вы свободны теперь. Позвольте мнѣ всеуниженно благодарить васъ.

КАЙХОСРО.

За что же?

ТРУБОЧИСТЪ.

За то, что вы доставили мнѣ необыкновенный случай оказать вамъ одолженіе.

КАЙХОСРО.

Да, кажется, мнѣ бы должно.

ТРУБОЧИСТЪ.

Вы не будете сердиться на меня, что я имѣлъ счастіе прислужиться вамъ?

КАЙХОСРО

Что вы?....

ТРУБОЧИСТЪ.

Не обижайтесь, пожалуйста! Позабудьте это. Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ ничего непріятнаго, не хотѣлъ внушить вамъ гнуснаго чувства благодарности.—Виноватъ, простите меня.

КАЙХОСРО.

Не понимаю....

ТРУБОЧИСТЪ.

Не мстите мнѣ только. Я бѣдный человѣкъ. Вамъ легко будетъ меня уничтожить. Трубочисты и безъ того всегда въ черномъ тѣлѣ.

КАЙХОСРО.

Да что вы говорите?

ТРУБОЧИСТЪ.

Я знаю, что всякое одолженіе можетъ почесться кровной обидой. Знаю, чувствую, каюсь.... Не понимаю, какъ осмѣлился.... (*На колѣнахъ.*) Извините меня.

КАЙХОСРО.

Да помилуйте, я очень благодаренъ.

ТРУБОЧИСТЪ.

Такъ вы не сердитесь?

КАЙХОСРО.

Напротивъ.

ТРУБОЧИСТЪ.

О благодѣтель мой, позвольте ручку поцѣловать! Я боялся, что вы меня вѣкъ не простите. Счастье мое, что вы, кажется, сегодня немножко пьяны.

КАЙХОСРО.

Такъ и есть!... И онъ туда же! Да кто вамъ сказалъ, что я пьянъ?

ТРУБОЧИСТЪ.

Ахъ! Не сердитесь только....

КАЙХОСРО.

Ну хорошо, мнѣ некогда теперь. Пошёлъ вонъ!

ТРУБОЧИСТЪ.

Слушаю, слушаю.... Вотъ истинно великодушный человѣкъ! (*Убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

КАЙХОСРО (*одинъ*).

Убирайся къ чорту!... Нѣтъ, каково мое положеніе! Съ одной стороны Шамиль, съ другой—моя невѣста, а этотъ дуракъ Карапетъ, спитъ — себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Нѣтъ!... Ужъ это слишкомъ, это изъ рукъ вонъ! Карапетъ, Карапетъ, дочь твою увозятъ!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КАЙХОСРО и КАРАПЕТЪ.

КАРАПЕТЪ.

Ты опять тамъ шумишь.

КАЙХОСРО.

Выходи, старый соня, ты дочь свою проспишь.

КАРАПЕТЪ, *(выходя и зѣвая)*.

Уа.... Уа.... Что тамъ такое?

КАЙХОСРО.

Какъ что?... Мало тебѣ что ли? Шамиль привязалъ меня къ трубѣ.

КАРАПЕТЪ.

Какой Шамиль?

КАЙХОСРО.

Не тотъ Шамиль, а другой, новый, понимаешь?... не нашъ, то есть, — впрочемъ какой чортъ нашъ!... А другой, нынѣшній.... Взялъ да привязалъ.... Да проснись же, я тебѣ, кажется, ясно говорю.

КАРАПЕТЪ.

Такъ что же?

КАЙХОСРО.

Онъ меня привязалъ, а невѣсту уговорилъ бѣжать.... И она не прочь, представь себѣ! Я былъ связанъ, а она сдѣлалась такая развязная, что и узнать нельзя. Да ну же, проснись же! Онъ ее любитъ, она его любитъ.... А насъ съ тобой обманываетъ, какъ дураковъ.

КАРАПЕТЪ.

Ты все-таки, пьяница, никому спать не даешь.

КАЙХОСРО.

Да говорятъ тебѣ, старый колпакъ, старая дрянь!...

КАРАПЕТЪ.

Что же ты ругаешься?

КАЙХОСРО.

Говорятъ тебѣ, что твоя дочь, твоя Кетевана, единственная твоя радость.... понимаешь ли.... должна бѣжать съ байгушемъ Шамилемъ, живописцемъ Душетскаго университета; чортъ знаетъ, что онъ мнѣ тамъ нагородилъ! Ну, обо мнѣ ты не жалѣй. Да объ себѣ-то вспомни! Вѣдь срамъ будетъ по всему базару, по всему городу. Станутъ говорить, что дочь твоя убѣжала въ горы къ Шамилю. Ну подумай объ себѣ, ну что будетъ съ твоей старой головой, что ты будешь безъ дѣтей, безъ внуковъ, — одинъ, старикъ, сирота, безъ помощи, безъ утѣшенія?... Подумать со стороны страшно! Вотъ слезы, слезы такъ и навертываются.

КАРАПЕТЪ *(хладнокровно)*.

Ты табакъ нюхаешь?

КАЙХОСРО.

Нѣтъ, не нюхаю; провались ты съ твоимъ табакомъ!

КАРАПЕТЪ.

Я бы табаку теперь понюхалъ: такъ спать хочется, что насилу на ногахъ стою. Какъ нарочно забылъ табакерку.

КАЙХОСРО.

Вотъ поди, толкуй съ нимъ! Увезутъ у тебя дочь, чихнешь у меня такъ, что на Навтлугѣ будетъ слышно!

КАРАПЕТЪ.

Да не кричи, братецъ!... Видишь, я вчера долго не могъ заснуть, придумалъ важное дѣло, нашелъ возможность сбавить два процента съ моего товара, въ пользу моихъ покупщиковъ.

КАЙХОСРО.

Вотъ чѣмъ занимается!

КАРАПЕТЪ.

Мы, армянскіе купцы, тѣмъ извѣстны, что только и думаемъ о пользѣ покупщиковъ; мы торгуемъ не изъ личной корысти, а для блага края.... а выгоды наши основаны на строгой справедливости.

КАЙХОСРО.

Нѣтъ.... Я ужъ просто ничего не понимаю! Или меня подмѣнили, или свѣтъ сталъ совсѣмъ другой.... Ты мнѣ вотъ—что скажи: гдѣ я, гдѣ ты, гдѣ мы?

КАРАПЕТЪ.

Какъ? въ Тифлисѣ.

КАЙХОСРО.

Да это что за штуки тамъ подѣланы?

КАРАПЕТЪ.

Строенія.... Вотъ это биржа, вотъ это грузинскій музеумъ, вотъ это всемірная выставка, вотъ это станція желѣзныхъ дорогъ, вотъ это площадь со статуями всѣхъ благодѣтелей Грузіи.

КАЙХОСРО.

Во сколько времени это все устроено?

КАРАПЕТЪ.

Да въ 1000 лѣтъ съ небольшимъ. Благосостояніе Грузіи начало упрочиваться въ рединѣ 19 столѣтія.

КАЙХОСРО.

Ну, а теперь мы въ которомъ году?

КАРАПЕТЪ.

Будто ты не знаешь? Въ 2853-мъ.

КАЙХОСРО.

Въ 2853-мъ!—Ахъ, Боже мой, такъ моей невѣстѣ 1017 лѣтъ? Такъ она меня 1000 лѣтъ обманываетъ? Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! Я думаю, съ сотворенія міра

ни одна женщина такъ долго не обманывала.... (*Карапетъ заводитъ ключемъ отверстіе въ трубѣ.*) Ты что дѣлаешь?

КАРАПЕТЪ.

Человѣка зову.

КАЙХОСРО.

Ключемъ?

КАРАПЕТЪ.

Ну да! Вѣдь теперь у людей экономныхъ вся комнатная прислуга исполняется машинами. Я не въ силахъ дойти до кровати: машина ее сей часъ мнѣ подастъ сюда. (*Изъ окна выѣзжаетъ кровать, которую подталкиваетъ машина съ колесами, пружинами*). Вотъ видишь ли? Славный камердинеръ! На Алагирскомъ заводѣ дѣлали. Ведетъ себя акуратно; безъ всякаго разстройства, и дешево стоитъ. Машина, положи меня; машина, накрой меня; машина погаси свѣчу и отвези въ комнату. Ну, а теперь я самъ засну.... (*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

КАЙХОСРО И КЕТЕВАНА.

Нѣтъ! Это выходитъ ужъ просто чортъ знаетъ что

такое!... Машинами изволитъ забавляться!... Спитъ, какъ старый сурокъ.... а старуха дочь по крышамъ рыскаетъ.... Нѣтъ, я кажется самъ отъ нея откажусь.... А, вотъ и она!... Однакожъ какъ она еще моложава! Кто бы подумалъ, что ей болѣе 1000 лѣтъ! Вотъ погоди-ка, я ее пугну.... Прекрасно, сударыня!... Кого вы здѣсь поджидаете?... Что? не думали меня встрѣтить?... Ха, ха, ха! Я все знаю.... Обманщица, вѣроломная, измѣнница!...

КЕТЕВАНА.

Ахъ! Отойдите пожалуйста.... Я ужасно боюсь пьяныхъ.

КАЙХОСРО.

Да что это, они сговорились, право! Все пьяный да пьяный. Тутъ не обо мнѣ идетъ рѣчь, сударыня. Говорятъ вамъ, что я все знаю.

КЕТЕВАНА.

Что-же вы знаете? Что я люблю Шамиля? Да я въ этомъ не скрываюсь.

КАЙХОСРО.

Ну, ужъ это просто безстыдство!

КЕТЕВАНА.

Ну, люблю, вамъ какое дѣло?...

КАЙХОСРО.

Вотъ хорошо! Мнѣ какое дѣло?

КЕТЕВАНА.

Развѣ вы не знаете, что когда Грузинка полюбитъ, ничто ее не удержитъ. Найдите другихъ женщинъ, которыя умѣли бы такъ любить! Въ правахъ мы равны съ мужчинами. Но по чувству мы выше ихъ: мы направляемъ ихъ къ постояннымъ полезнымъ занятіямъ. Отчего вы не найдете никогда празднаго Грузина? Оттого, что *мы* этого не хотимъ. Воспитаніе, хозяйство, любовь,—вотъ наша цѣль въ жизни, а цѣль мужей нашихъ—польза.

КАЙХОСРО.

Фу! Какъ она хороша! Послушай, Кетевана.... Ну, перестань шутить. Я все забуду, все прощу. Узнай меня только....

КЕТЕВАНА.

А васъ никогда не видала.

КАЙХОСРО.

А кто же вчера цѣловалъ вотъ эту ручку?

КЕТЕВАНА.

Какъ вы смѣете?

КАЙХОСРО.

Ну, не притворяйся.... Прогони своего байгуша.

КЕТЕВАНА.

Чтобъ я измѣнила своему слову? Никогда!

КАЙХОСРО.

Да ты измѣняешь же!...

КЕТЕВАНА.

Кому?

КАЙХОСРО.

А мнѣ—то.

КЕТЕВАНА.

Я васъ не знаю. Отойдите пожалуйста.

КАЙХОСРО.

Такъ нѣтъ же, не пущу, ни за что на свѣтѣ не пущу. Будь тебѣ хоть 100,000 лѣтъ,—я безъ тебя жить не могу.

КЕТЕВАНА.

Чего же вы хотите?

КАЙХОСРО.

Не уступлю никому.

КЕТЕВАНА.

Не подходите.

КАЙХОСРО.

Я запру тебя въ твоей комнатѣ.

КЕТЕВАНА.

Нашли вы затворницу! Силой вы ничего не сдѣлаете.

КАЙХОСРО.

А вотъ увидимъ!

КЕТЕВАНА.

А вотъ увидите!

КАЙХОСРО.

Такъ вотъ же, я тебѣ докажу.... (*Кидается на нее.*)

КЕТЕВАНА.

Шамиль, помоги!...

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и ШАМИЛЬ.

ШАМИЛЬ.

Небойся!... Я здѣсь.

КЕТЕВАНА.

Спаси меня отъ этого человѣка.

ШАМИЛЬ.

А ты опять началъ шумѣть?

КАЙХОСРО.

А ты опять началъ по крышамъ таскаться? Да я у себя дома, а ты-воръ!

ШАМИЛЬ.

Молчи!... Я тебя уничтожу.

КАЙХОСРО.

Нѣтъ, братъ, Кайхосро никого не боится! Грузинъ никого не струситъ. Это давно извѣстно. Защищайся, а не то убью, какъ собаку.

ШАМИЛЬ.

А! драться хочешь?... Со мной не совѣтую.

КАЙХОСРО *(кидается на него съ кинжаломъ.)*

Такъ вотъ же тебѣ!

ШАМИЛЬ, *(ломая кинжалъ)*.

А вотъ тебѣ.

КАЙХОСРО.

Что за дьяволъ! и не порѣзался даже....

ШАМИЛЬ.

А теперь убирайся прочь.

КАЙХОСРО.

Никогда! Кто бы ты нибылъ, абрекъ, Талгикъ, Шамиль, хоть самъ чортъ! а я ее тебѣ не уступлю. Я буду на тебя жаловаться начальству. Я самъ не изъ послѣднихъ. Я самъ карталинскій помѣщикъ. Я самъ Надворный Совѣтникъ.

ШАМИЛЬ.

А! ты Надворный Совѣтникъ!... Такъ мѣсто твое вотъ здѣсь.... Не угодно ли сюда пожаловать? Вотъ твоя дорога!... (*Спихиваетъ его съ крыши.*)

КАЙХОСРО, (*падая.*)

Ой, помогите!...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ШАМИЛЬ и КЕТЕВАНА.

ШАМИЛЬ.

Ну, а теперь терять времени нечего. Чтобы отецъ твой не проснулся,... Надо бѣжать.

КЕТЕВАНА.

Пора.... Пора!... Куда же мы поѣдемъ?

ШАМИЛЬ.

Не знаю еще.... Въ Пекинъ, или въ Америку.

КЕТЕВАНА.

Поѣдемъ куда нибудь лучше въ мѣсто уединенное,—въ Парижъ, напримѣръ.

ШАМИЛЬ.

Въ самомъ дѣлѣ. Тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

КЕТЕВАНА.

А что, другъ мой, есть ли у тебя извощикъ?

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ еще. Да ихъ тутъ много. Сейчасъ позову.... Извощикъ! Извощикъ! (*Два воздушные шара влетаютъ на сцену.*)

1 ИЗВОЩИКЪ.

Куда прикажете, баринъ!

2 ИЗВОЩИКЪ.

Баринъ, я прежде подалъ.

1 ИЗВОЩИКЪ.

Уважу, баринъ!

2 ИЗВОЩИКЪ.

Останетесь довольны.

1 ИЗВОЩИКЪ.

Баринъ! вы съ нимъ не ѣздите. У него холстина протертая.

2 ИЗВОЩИКЪ.

Молчи ты, лѣшій.... самъ намедни сѣдока въ Средиземное вывалилъ. Эхъ, баринъ, возьмите, дешево свезу.

1 ИЗВОЩИКЪ.

А куда везти?

ШАМИЛЬ.

Въ Парижъ.

1 ИЗВОЩИКЪ.

Три цѣлковыхъ, безъ торга.

ШАМИЛЬ.

Врешь.... Два рубля.

1 ИЗВОЩИКЪ.

Хорошо... Извольте.... На водку пожалуете,—садитесь. (*Шамиль и Кетевана садятся.*)

2 ИЗВОЩИКЪ.

Эхъ, баринъ, напрасно меня не взяли!

ЯВЛЕНІЕ XII.

КАЙХОСРО, (*карабкаясь на крышу*).

Нѣтъ! Погоди! Ты думалъ, что со мною раздѣлался. А вотъ я нарочно живъ остался.... Даже ногъ не переломалъ.... Посмотримъ еще.... Ба!... Это что за пузырь?...

ШАМИЛЬ.

Хорошо ли тебѣ сидѣть, Кетевана?

КЕТЕВАНА.

Хорошо, мой другъ. Прощай Тифлисъ!

ШАМИЛЬ.

Ну, пошелъ! (*Шаръ поднимается на воздухъ.*)

КАЙХОСРО.

Э-те, те, те.... Я такъ и пущу! нѣтъ, извините! Не угодно ли остаться? (*Держитъ за парашютъ*) Карапетъ, Карапетъ! Да проснись же, старый храпунъ.

КАРАПЕТЪ.

Опять ты шумишь! Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Дочь мою увозятъ! Задержи ихъ.

КАЙХОСРО.

Стойте.... Стойте!... Не пущу!... Это что такое?... Батюшки — свѣты! Что это со мной дѣлается! Я не птица.... Это по ошибкѣ, право по ошибкѣ! Съ роду не леталъ. Въ воздухъ подняло.... Помогите.... не пущу.... Эй, товарищи.... Братцы.... Что.... это! (*Улетаетъ съ шаромъ.*)

КАРАПЕТЪ, (*вбѣгая на сцену*).

Ахъ, несчастный я! дочь моя пропала. (*На крышѣ бѣгаетъ народъ въ суматохѣ. Изъ оконъ глядятъ мужчины и женщины. Всѣ указываютъ на небо.*)

(*Хоръ.*)

Какое приключенье
Купца сразило тутъ!
Свершилось похищенье.
Любовники бѣгутъ.
Летятъ за Океаны!
Гдѣ сыщется ихъ слѣдъ?
Лишился Кетеваны
Несчастный Карапетъ.

—

ДѢЙСТВІЕ II.

(Декорація представляетъ берегъ Чернаго Моря, на которомъ скользятъ десятками пароходы. На горахъ видны великолѣпные виллы и сады. На первомъ планѣ мраморный дворецъ, на третьемъ другой дворецъ съ роскошными воротами. Посреди сцены дерево.)

—

ЯВЛЕНІЕ I.

БАРТОЛУСЪ КУПЕНФОРМУСЪ *(разбираетъ колоду картъ, сидя на скамейкѣ).*

БАРТОЛУСЪ.

Кажется мои предположенія не ошибочны. Вотъ 12 лѣтъ, какъ я занимаюсь объясненіемъ этихъ бумажекъ. Когда диссертація моя будетъ напечатана, всѣ карабахскіе ученые помрутъ отъ досады. Это что за шумъ?

КАЙХОСРО, *(падая съ дерева).*

Ой.... Ой, да погодите же.... не улетайте безъ меня.... Ой, сорвался.... Ну, что-то теперь будетъ. Часъ отъ-часа не легче.... Ой.... Ой....

БАРТОЛУСЪ.

Вотъ съ неба свалился человѣкъ. Быть можетъ онъ объяснитъ мнѣ эту тайну. Скажи мнѣ, иностранецъ, ты ученый?

КАЙХОСРО.

Ахъ! Очень, очень.... ученый.

ВАРТОЛУСЪ.

Я такъ и думалъ. Мои догадки меня никогда не обманываютъ. Ты, можетъ быть, членъ нухинскаго нумизматическаго общества?

КАЙХОСРО.

Да, я бывалъ въ Нухѣ.

ВАРТОЛУСЪ.

Или сотрудникъ академіи любителей древностей въ Ачхоѣ?

КАЙХОСРО.

Что это онъ за чепуху несетъ.

ВАРТОЛУСЪ.

Говорятъ, ваши члены не совсѣмъ въ ладу между собою!

КАЙХОСРО.

Нѣтъ, мои члены еще цѣлы кажется, по какому-то чуду.

ВАРТОЛУСЪ.

Любезный профессоръ....

КАЙХОСРО.

Вотъ-те на!...

ВАРТОЛУСЪ.

Помоги мнѣ лучами твоего разума. Вотъ наши археологи и ученые 15 лѣтъ ломаютъ себѣ головы. Въ одной древней развалинѣ нашли странную рѣдкость. Какъ ты думаешь, что это такое?

КАЙХОСРО.

Это?

ВАРТОЛУСЪ.

Да.

КАЙХОСРО.

Это пиковая дама.

ВАРТОЛУСЪ.

А это?

КАЙХОСРО.

Это бубновый король. (*Въ сторону*.) Что это, ужъ не хочетъ ли онъ со мной въ асунаси играть!

ВАРТОЛУСЪ.

Иностранецъ! я вижу, что ты дѣйствительно ученый. Но на какомъ языкѣ говоришь ты? Что значатъ эти слова-пиковый, бубновый?

КАЙХОСРО.

Какъ что! а это иногда значитъ—козырь.

БАРТОЛУСЪ.

Ты преисполняешь умъ мой удивленіемъ. Разсуди насъ. У меня есть одинъ ученый непріятель и маленькой такой ростомъ, не болѣе какъ на 2 аршина абсолютной высоты надъ уровнемъ моря или геодезическаго нуля. Представь себѣ, онъ утверждаетъ, что этими бумагами отмѣчались у древнихъ черные и красные дни. Но я уже 12 лѣтъ составляю опроверженіе противъ него. Я доказываю, что эти бумажки служили для секретной корресподенціи между начальниками отрядовъ, въ тѣ баснословныя времена, когда люди занимались еще войной. Вотъ видишь ли: каждая бумажка выражала гіероглифъ или условный знакъ и, по прежнимъ военнымъ обстоятельствамъ края, онѣ были очень полезны, потому что передавались лазутчиками и, такимъ образомъ, сообщали тайныя свѣдѣнія о движеніи войскъ. Это я самъ догадался, и въ доказательство написалъ уже 6 томовъ съ приложеніями и рисунками. Вотъ она, наука-то что значитъ.... Какъ по вашему, профессоръ.... Правъ ли я?

КАЙХОСРО.

Ну, нѣтъ!...

БАРТОЛУСЪ.

А, такъ вы не ученый!... Если-бы вы были ученый,

вы думали бы какъ я. Или можетъ быть вы хотите воспользоваться моимъ открытіемъ. Чего добраго!... А!

КАЙХОСРО.

Да нѣтъ!

БАРТОЛУСЪ.

Такъ по вашему, что же это такое?

КАЙХОСРО.

По нашему это карты.

БАРТОЛУСЪ.

Кабалистическія.

КАЙХОСРО.

Нѣтъ, простыя, какими играютъ въ ералашъ, въ [illegible]хру, въ банчикъ.

БАРТОЛУСЪ.

Что-съ?

КАЙХОСРО.

Да и въ штосъ, пожалуй.

БАРТОЛУСЪ.

Да зачѣмъ-же?

КАЙХОСРО.

Да такъ, чтобъ время терять.

БАРТОЛУСЪ (*сердито*).

Милостивый государь, я васъ принялъ сперва за ученаго человѣка, а теперь вижу, что вы съ похмелья шутите.

КАЙХОСРО.

Ну, такъ и есть.

БАРТОЛУСЪ.

Не смѣйте меня дурачить. Ступайте своей дорогой.

КАЙХОСРО.

Да мнѣ вовсе не до шутокъ.

БАРТОЛУСЪ.

Стыдитесь, перестаньте. Ну можно ли повѣрить чтобъ была въ исторіи эпоха, когда люди старались напрасно время терять,-тогда какъ время-первое богатство, первый капиталъ; тогда, какъ всякая минута драгоцѣнна. Хорошо, что я старикъ и ученый, а то я бы васъ проучилъ.

КАЙХОСРО.

Да убирайтесь вы съ своей ученостью. Нѣтъ, вы мнѣ скажите, гдѣ я. Куда я попалъ, то есть упалъ.

БАРТОЛУСЪ.

Ты здѣсь въ древней Русской лазикѣ. Впрочемъ объ

лазикѣ мнѣнія различныя. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что Русской лазики никогда не существовало. Ты читалъ Страбона?

КАЙХОСРО.

Нѣтъ, не читалъ и читать не хочу. Ты мнѣ скажи, какъ называется этотъ край?

ВАРТОЛУСЪ.

Его называютъ Абхазія, но это ошибочно.

КАЙХОСРО.

А это что за домà на горѣ?

ВАРТОЛУСЪ,

А это.... это Петербургскія дачи.

КАЙХОСРО.

Петербургскія?

ВАРТОЛУСЪ.

Да, сюда выѣзжаютъ изъ города подышать свѣжимъ воздухомъ.

КАЙХОСРО.

Да не далеко ли?

ВАРТОЛУСЪ.

Что это значитъ далеко?

КАЙХОСРО.

А это что за поля?

БАРТОЛУСЪ.

Это все помѣстья. У насъ ни одинъ клочекъ земли не остается не обработаннымъ; а произведенія сбываются на этихъ корабляхъ. Казна получаетъ огромные доходы, а богаче Мингрельцевъ, Гурійцевъ и Абхазцевъ нѣтъ капиталистовъ на свѣтѣ. Люди довершили начатое Природой. Но первое сокровище-наука!...

КАЙХОСРО.

Ну, а это что за дворцы мраморные?

БАРТОЛУСЪ.

Этотъ.... духанъ.

КАЙХОСРО.

Какъ духанъ?

БАРТОЛУСЪ.

Духанъ.... то есть гостинница.

КАЙХОСРО.

А вотъ этотъ?

БАРТОЛУСЪ.

Здѣсь участковое правленіе.

КАЙХОСРО.

Ну давно бы сказалъ. А я съ тобой время теряю. Только со мной нѣтъ паспорта. Впрочемъ, все равно, деньги есть....

БАРТОЛУСЪ.

Ба! паспортъ. Что это за вещь?

КАЙХОСРО.

Это вещь.... для удостовѣренія.... Ну да все равно.... Вотъ видишь ли. Мнѣ надо подать въ судъ жалобу, обьявленіе, о томъ, что моя невѣста бѣжала съ разбойникомъ Шамилемъ, безъ позволенія начальства, о чемъ я и подамъ явочное прошеніе. Здѣсь секретарь есть?

БАРТОЛУСЪ.

Какъ же, онъ тутъ живетъ подлѣ станковъ телеграфа.

КАЙХОСРО.

Какого это телеграфа?

БАРТОЛУСЪ.

Электрическаго.

КАЙХОСРО.

Просто чудеса! Только, знаете, не нужно ли мнѣ

предварительно познакомиться съ однимъ изъ служащихъ. Оно, знаете, не мѣшаетъ,—можно будетъ задобрить, поговорить, поусловиться.

БАРТОЛУСЪ.

Да здѣсь въ Правленіи только всего одинъ чиновникъ и есть. Постучитесь въ форточку. Онъ сейчасъ выйдетъ.

КАЙХОСРО.

Странно, какое же это Полицейское Управленіе съ однимъ только чиновникомъ. (*Стучится.*) Г. Секретарь.... извините, что я васъ безпокою посреди занятій. Несчастное обстоятельство вынуждаетъ меня. Случай вышелъ такой. Вы можете мнѣ помочь, а за благодарностью дѣло не станетъ. Останетесь довольны.(*Выходитъ мальчикъ лѣтъ пяти, съ трубкой и подаетъ руку.*) А, здравствуй, душенька, что папеньки нѣтъ дома?

БАРТОЛУСЪ.

Что вы? Онъ самъ писарь, а отецъ у него полезный фабрикантъ.

КАЙХОСРО.

Помилуйте, въ такихъ лѣтахъ!

БАРТОЛУСЪ.

Да развѣ трудное дѣло за машинами смотрѣть,

№ № выставлять и приводить въ порядокъ статистическія свѣдѣнія. Онъ у насъ въ свободное время еще стихи пишетъ.

КАЙХОСРО.

Каковъ молодецъ! Душенька, хочешь (*Бартолусъ дѣлаетъ знаки*) я тебѣ подарю барабанъ, или пряникъ. Лошадку хочешь? (*Мальчикъ показываетъ носъ и уходитъ.*)

БАРТОЛУСЪ.

Что вы? что вы? Вы ему сдѣлали кровную обиду.... вы ему взятку предложили. Виданное ли дѣло, чтобъ чиновникъ пользовался своей службой. У насъ и примѣра тому не бывало, одно подозрѣніе даже оскорбительно.... Берегитесь.... Если Засѣдатель узнаетъ, бѣда вамъ будетъ, онъ такой вспыльчивый. А вотъ и онъ самъ. Раздѣлывайтесь какъ знаете.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Гдѣ этотъ болванъ, который хотѣлъ подкупить мою канцелярію?

КАЙХОСРО.

Кто это молодая дама?

БАРТОЛУСЪ.

Это участковый Засѣдатель.

КАЙХОСРО.

Неужъ-то! Я такого хорошаго Засѣдателя никогда не видывалъ.

БАРТОЛУСЪ.

Слово-засѣдатель происходитъ отъ древняго глагола сидѣть, тотъ кто сидитъ,—или подсиживаетъ. Хорошій засѣдатель долженъ, слѣдовательно, всегда сидѣть, то есть не терять мѣста.... Объ этомъ можно написать разсужденіе.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

КАЙХОСРО и ЗАСѢДАТЕЛЬ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Милостивый государь, вы вѣроятно выпили не въ мѣру.

КАЙХОСРО.

Такъ и есть.... безъ этого не обойдется.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Какъ осмѣлились вы даже подумать, чтобы чинов-

никъ, при исправленіи своей обязанности, принялъ отъ просителя подарокъ!... Гдѣ вы это видѣли!...

КАЙХОСРО.

Гдѣ я это видѣлъ?... Гдѣ бишь я это видѣлъ....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Молчите. Неоправдывайтесь. Какъ вамъ не стыдно!... Предполагать въ другихъ низкія чувства, значитъ быть способнымъ на низость.—Да, обижать никто не въ правѣ. Я не стерплю обиды, нанесенной моему подчиненному. Я требую отъ васъ удовлетворенія. Защищайтесь.... а не то я отрублю вамъ уши. (*Вынимаетъ шашку.*)

КАЙХОСРО.

Да погодите....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Защищайся, говорятъ тебѣ.

КАЙХОСРО.

Простите, виноватъ.... Я самъ не знаю.... какъ это сдѣлалось.... Я нынче какъ ума лишенный.... Такія горестныя обстоятельства.... Несчастія помрачили разсудокъ. Ахъ, если бы вы знали, какъ я несчастливъ!... *Шашка выпадаетъ изъ рукъ Засѣдателя.*)

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ты несчастливъ! Что съ тобой!

КАЙХОСРО.

Невѣста моя....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Что.... (*Кайхосро указываетъ на небо.*) Умерла?

КАЙХОСРО.

Нѣтъ.... Улетѣла.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Улетѣла! Куда же это?...

КАЙХОСРО.

Не знаю, куда-то по вѣтру.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

За чѣмъ же ты выбралъ невѣсту такую вѣтреную.

КАЙХОСРО.

Всѣ женщины измѣнщицы, всѣ женщины вѣтренныя.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ахъ нѣтъ.... не всѣ, не всѣ.... Есть такія, которыя способны любить постоянно, вѣчно. Если бы я была твоей невѣстой, я тебя бы не обманула.

КАЙХОСРО (*въ сторону*).

Какіе прелестные глаза! Что-то она на меня поглядываетъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Разскажи мнѣ свое горе, иностранецъ. Я даромъ что полицейскій чиновникъ, а имѣю нѣжное сердце.

КАЙХОСРО.

Вчера я думалъ жениться, а нынче проклятый Шамиль улетѣлъ съ моей невѣстой.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Улетѣлъ на воздушномъ шарѣ?

КАЙХОСРО.

Да!...

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

А какъ назывался шаръ!...

КАЙХОСРО.

Постой.... на немъ написано было: Молнія....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ты непремѣнно хочешь знать куда она улетѣла?

КАЙХОСРО.

Очень бы хотѣлъ....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ахъ! напрасно. (*Вздыхаетъ.*)

КАЙХОСРО.

Отчего же напрасно!... Что это вы на фортепьянахъ хотите играть?...

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Нѣтъ, я навожу справку по электрическому телеграфу. Ты писать умѣешь по русски?

КАЙХОСРО.

Почти....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Да не надо, я сама напишу.

КАЙХОСРО.

Это опять что за дьявольщина....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Вотъ и отвѣты получены. (*Развертываетъ бумажки*). Изъ Алжира: молніи не видали.... Изъ Неаполя — не видали.... изъ Парижа: останавливались, закусывали и полетѣли далѣе.

КАЙХОСРО.

Далѣе Парижа! Ахъ, я несчастный, несчастный! (*Плачетъ.*)

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Да не плачь же, не отчаявайся, я не могу видѣть плачущаго человѣка. Что-жъ? Свѣтъ такъ созданъ. Одна обманетъ, другая утѣшитъ!

КАЙХОСРО.

Кто меня утѣшитъ!

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Разсѣйся, пойдемъ въ духанъ.

КАЙХОСРО.

Что я тамъ буду дѣлать.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Здѣсь теперь, проѣздомъ, итальянская труппа.

КАЙХОСРО.

Эти еще куда ѣдутъ?

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Въ Мингичауръ, на сезонъ. Они ѣдутъ на долгихъ по желѣзной дорогѣ, — такъ здѣсь ночуютъ. Есть у насъ свои русскіе и грузинскіе актеры. Я ихъ всѣхъ пригласила сегодня на вечеръ въ духанъ. Пойдемъ съ нами, ты можешь разсѣяться. Мы заставимъ тебя позабыть про твою вѣроломную, — пойдемъ же туда.

SICILIENNE.

Тамъ, подъ сѣнію духана
Приходи къ намъ отдохнуть;
Тамъ разсѣйся отъ обмана
И невѣсту позабудь.—
Вѣрность мечтанье пустое;
Объ невѣрной что жалѣть!
Отомстимъ ей лучше двое,
И на зло ей станемъ пѣть.
Тра.... ла.... ла....

КАЙХОСРО.

Тра.... ла.... ла....

(*La reprise ensemble.*)

КАЙХОСРО.

Да, пойду подъ сѣнь духана
И приду къ вамъ отдохнуть;
Тамъ разсѣюсь отъ обмана,
Только милостива будь.

КАЙХОСРО.

Да, если вы захотите меня утѣшить, такъ.... я.... съ особеннымъ удовольствіемъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ну вотъ видишь ли? Давно бы такъ.... Ты думаешь, что въ меня можно влюбиться!

КАЙХОСРО.

Ахъ, очень, очень можно.... Какъ она мила!

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Какъ онъ хорошъ!...

КАЙХОСРО.

Только объясните мнѣ пожалуйста: какъ это Засѣдатель можетъ быть женщиной? Ну, положимъ, бываютъ иногда чиновники настоящими бабами.... это случается.... это видано. Но чтобъ такая очаровательная женщина, какъ вы, была бы Засѣдателемъ!... Признаюсь,—это меня удивляетъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Чему же вы удивляетесь! Мы живемъ въ такое время, гдѣ всѣ мущины заняты промышленностію, торговлей, искусствами, науками, а полицейское наблюденіе, какъ дѣло самое легкое, предоставлено женщинамъ. Ну, если и случится изрѣдка какая нибудь незначительная ссора,—кто же можетъ усмирить лучше женщины. Не такъ ли?...

КАЙХОСРО.

А въ самомъ дѣлѣ.... Глаза-то у нее какіе.... просто жгутъ! Г. Засѣдатель, позвольте у васъ спросить,-вы за-мужемъ?

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Нѣтъ еще. А вамъ зачѣмъ знать?

КАЙХОСРО.

Такъ.... я.... ахъ!...

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Чтожъ вы вздыхаете?

КАЙХОСРО.

Я.... нѣтъ.... Какая прелестная у васъ ручка, г-нъ Засѣдатель.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Оставьте ее.... Ахъ!...

КАЙХОСРО.

Да и вы тоже вздыхаете.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Я не знаю.... я въ волненіи.... ваше присутствіе меня смущаетъ.

КАЙХОСРО.

Что вы говорите! Ахъ, неужели?

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Да перестаньте-же. Пора въ духанъ.

КАЙХОСРО (*нѣжно*).

Зачѣмъ намъ въ духанъ; намъ и здѣсь хорошо.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Нѣтъ, пойдемъ-те.... Гости мои тутъ подлѣ дожидаются. Пойдемъ же за ними. А тамъ, если вы забудете свою измѣнщицу, если вы сами не обманете, то....

КАЙХОСРО.

Я могу надѣяться....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Надѣйтесь.... Ахъ, что я сказала!...

КАЙХОСРО.

Не раскаявайтесь.... повторите....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Нѣтъ.... послѣ.... Пойдемъ-те же.

КАЙХОСРО.

За вами куда угодно, хоть на Эльборусъ. (*Уходитъ.*)

Торжественный маршъ обходитъ сцену. Впереди военная музыка играетъ маршъ изъ Пророка. За ними несутъ флагъ грузинской труппы. За флагомъ по-парно идутъ зурначи и грузинскіе актеры и актрисы. За ними флагъ Eviva Italia и идутъ хористы и вся труппа итальянская. За италіянцами флагъ «да здравствуетъ Русь!» Идутъ танцы и русская труппа, 8 Араповъ несутъ Кайхосро на носилкахъ; подлѣ идетъ Засѣдатель. Шествіе замыкается статистами. Актеры идутъ по-парно и кланяются публикѣ, какъ въ Мольеровскихъ интермедіяхъ. Послѣ нѣсколькихъ эволюцій, шествіе входитъ въ ворота духана.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Декорація представляетъ великолѣпную залу. Кайхосро, Засѣдатель и всѣ акторы входятъ.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Благодарю васъ, друзья мои, что вы такъ благосклонно приняли мое приглашеніе. Согласіе между артистами, отсутствіе мелочнаго самолюбія для пользы искусства, вотъ что отличаетъ ваше полезное сословіе. Садись сюда, прекрасный иностранецъ!... Они тебя разсѣятъ.

КАЙХОСРО.

Да нѣтъ.... ихъ не надо.... Я бы съ тобой.... Засѣдатель.... съ тобой бы хотѣлъ остаться.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

А невѣста?

КАЙХОСРО.

Невѣсту я забылъ.... Я хочу быть вашимъ женихоъ, прелестная Засѣдательница.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Тише.... осторожнѣе.... послѣ.... увидимъ. Начинайте, друзья мои. (*Всѣ начинаютъ вмѣстѣ*). Что это?... не всѣ же врозь? Это слишкомъ знакомая

музыка! Спойте что нибудь по-новѣе.... (*Италіянцы поютъ pasticcio изъ разныхъ оперъ, перебивая другъ друга.*)

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Хорошо, браво.... Не правда ли, хорошо?

КАЙХОСРО.

Ты лучше всего на свѣтѣ.... Если бы ты знала....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Вина!... Подайте вина. (*Танцоры и танцовщицы выбѣгаютъ съ кубками. Танцоры ревнуютъ и прыгаютъ. Танцовщицы обвороҗаютъ Кайхосро и подаютъ ему кубки; послѣ этого подаютъ кубки всѣмъ артистамъ.*)

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

За здоровье нашего гостя.... (*Начинается «Оргія» изъ Графа Ори, при окончаніи которой танцовщицы обвиваютъ Кайхосро гирляндами. Раздаются три громовые удара. Артисты составляютъ живыя картины, которыя мѣняются при каждомъ ударѣ. При послѣднемъ, всѣ лампы тухнутъ, и артисты разбѣгаются. Остается одинъ Кайхосро — въ цвѣтахъ и съ кубкомъ въ рукѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

КАРАПЕТЪ, (*качая головой*).

Ай, ай, ай.... стыдно!... ты опять началъ пьянствовать. Скоро-ли ты перестанешь!

КАЙХОСРО.

Карапетъ!... Ты какъ сюда попалъ?

КАРАПЕТЪ.

За тобой, несчастный, тебя отыскиваю.

КАЙХОСРО.

За мной!... Прошу не безпокоиться; мнѣ здѣсь хорошо.... Засѣдатель!... гдѣ ты?...

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Здѣсь.

КАЙХОСРО.

Вели его вытолкать,—я его знать не хочу.

КАРАПЕТЪ.

Да выслушай.

КАЙХОСРО.

Ничего слышать не хочу. Я женюсь на Засѣдателѣ.—Вели его вытолкать.

КАРАПЕТЪ.

Да говорятъ тебѣ,-Кетевана отыскаллсь.

КАЙХОСРО.

Какъ.... что.... гдѣ?

КАРАПЕТЪ.

У меня есть братъ, который торгуетъ кутаискими четками на мысѣ Доброй Надежды.

КАЙХОСРО.

А мнѣ какое дѣло!... Засѣдатель не уходи, вели его вытолкать.

КАРАПЕТЪ.

Онъ узналъ мою Кетевану, когда она мимо летѣла, остановилъ ее, уговорилъ, усовѣстилъ,—и она согласилась быть твоей женой.

КАЙХОСРО.

Слуга покорный.... жениться на дѣвушкѣ, которая была на мысѣ Доброй Надежды. Засѣдатель, любишь ли ты меня?

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Какъ ты думаешь?

КАЙХОСРО.

Вотъ тебѣ моя рука....

ЯВЛЕНІЕ VI.

КЕТЕВАНА.

Батюшка, простите меня.... Я, бѣдная, неопытная дѣвушка.... я сама не знаю, какъ это случилось.... не погубите меня.... я знаю теперь, что женщинѣ негодится уноситься за облака, а надо дома сидѣть.... Простите.

КАРАПЕТЪ.

Вотъ ты у кого должна просить извиненія.

КЕТЕВАНА.

Кайхосро!...

КАЙХОСРО.

Ай.... ай.... ай!...

КЕТЕВАНА.

Прости меня. — Я Обѣщаюсь тебѣ, что я никогда не буду разсказывать тебѣ объ этомъ происшествіи. Вспомни, какъ ты любилъ меня.

КАЙХОСРО.

Оставьте меня.... Засѣдатель, не покидайте меня.

КЕТЕВАНА.

Вспомни, какъ ты долго ходилъ подъ моими окнами, какъ долго не рѣшался говорить со мной.—Вспомни, когда мы познакомились на Авлабарѣ.... на праздникѣ.—Я была съ тетушкой, а ты верхомъ и чуть-чуть не задавилъ насъ;—хоть бы закричалъ—хабарда.

КАЙХОСРО.

Не припоминай....

КЕТЕВАНА.

Ты проводилъ насъ до дома.... и въ первое Воскресенье я плясала передъ тобой лезгинку. Помнишь ли ты этотъ вечеръ?

КАЙХОСРО.

Охъ! помню.... Да Шамиль-то какъ тутъ вмѣшался?

КЕТЕВАНА.

Прости.... сжалься....

КАЙХОСРО.

Нѣтъ!...

КЕТЕВАНА *(изъ Роберта)*.

Сжалься.... надо мной.

КАЙХОСРО.

Нѣтъ.... не могу болѣе выдержать.—Нѣтъ, Кетевана, я чувствую, что я люблю тебя болѣе жизни.... Будь ты виновата, будь ты невинна,—знать ничего не хочу.... Знаю только, что я люблю тебя....

КАРАПЕТЪ.

И прекрасно.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

А я-то что?

КАЙХОСРО.

Нѣтъ, ты меня ужъ извини.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ШАМИЛЬ.

А я-то что?...

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ты погоди; пускай сперва онъ со мной раздѣлается. Онъ взволновалъ мое воображеніе, онъ предложилъ мнѣ свою руку, а теперь на зло меня оскорбляетъ.—Я съ нимъ развѣдаюсь.... (*Оба теребятъ его.*)

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ, онъ со мной сперва раздѣлается.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Онъ лишилъ меня спокойствія.

ШАМИЛЬ.

Онъ лишаетъ меня счастія.

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Онъ умретъ отъ руки моей.

ШАМИЛЬ.

Нѣтъ, отъ моей руки умретъ.

КАЙХОСРО.

Да полноте.... не хватайте такъ, весь кафтанъ изорвете. Ты хочешь выйдти за-мужъ засѣдательница? На,—вотъ тебѣ мужъ,—отвяжись только.

КАРАПЕТЪ.

А что бы въ самомъ дѣлѣ!...

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Отвяжись, старая харя.

КАЙХОСРО.

А я беру свою Кетевану,—никому не отдамъ.

ШАМИЛЬ.

А забылъ ты, что я Горецъ!

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Забылъ ты, что я Засѣдатель.....—Эй, чапурханы! ко мнѣ на помощь.

ШАМИЛЬ.

Эй, братья, Горцы, сюда! Стрѣляйте въ моего недруга. (*Вбѣгаютъ Горцы въ окна.*)

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Стрѣляйте въ него....

КАЙХОСРО.

Стрѣляйте какъ вамъ угодно, а я теперь говорю одно и тоже.... Я никого не боюсь. Я женихъ Кетеваны.... Я далъ ей слово.... Она моя....

ЗАСѢДАТЕЛЬ.

Ты не хочешь на мнѣ жениться?

КАЙХОСРО.

Нѣтъ!...

ШАМИЛЬ.

Ты не хочешь уступить мнѣ Кетеваны?

КАЙХОСРО.

Нѣтъ!...

ШАМИЛЬ.

Стрѣляйте въ него....

КАЙХОСРО.

Не испугаете.... Грузинъ не испугается тысячи смертей....Прощай Кетевана!... ой, умираю?...(*Горцы даютъ залпъ и убѣгаютъ. Въ оркестрѣ fortissimé которое переходитъ мало по малу въ diminuendo. Декорація представляетъ первый видъ Тифлиса, только днемъ. На послѣдней террасѣ собираются дѣвушки Ревазъ и прочіе входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РЕВАЗЪ.

Посмотрѣть—ка, что дѣлаетъ нашъ женихъ. Пора скоро будетъ вести его подъ вѣнецъ. Вотъ ужъ дѣвушки собираются къ невѣстѣ.

1-Й ГРУЗИНЪ.

Да вотъ онъ, кажется.

РЕВАЗЪ.

Ахъ, Боже мой, да онъ еще спитъ.... Эй, Кайхосро!... Вставай, пора.

КАЙХОСРО.

А!... что.... такое.... выстрѣлы... Засѣдатель... шаръ.... Шамиль.

ГРУЗИНЫ (*смѣются*).

Что ты бредишь!

КАЙХОСРО.

Что вы за люди?...

РЕВАЗЪ.

Да проснись же.... Ты все еще бредишь.

КАЙХОСРО.

Какъ! это все было во снѣ!... Все во снѣ!... Точно ... это ты, Ревазъ. Ахъ, какой сонъ я видѣлъ.

РЕВАЗЪ.

Что-жъ мудренаго. Ты порядочно былъ пьянъ вчера.

КАЙХОСРО.

Ну, Богъ тебя проститъ. Только ужъ, братъ, я боль-

ше пить не согласенъ. Мнѣ все приснилось: и шары и желѣзныя дороги,—все, объ чемъ толковали вчера.... Ну, а Карапетъ гдѣ?

РИВАЗЪ.

Карапетъ ужь проснулся....

КАРАПЕТЪ.

Здравствуй, зятюшка, каково ночь провелъ?

КАЙХОСРО.

Благодарю.... А Кетевана гдѣ?

КАРАПЕТЪ.

А ужь она одѣта.... Вотъ выходитъ къ подругамъ. (*Кетевана выходитъ на террасу.*)

РИВАЗЪ.

Ну, однакожъ, пора тебѣ одѣваться. Ступай, ступай скорѣе въ свою комнату.

КАЙХОСРО.

Такъ это все было во снѣ!

РИВАЗЪ.

Ступай-же

КАЙХОСРО.

Сейчасъ.... Вотъ надо еще одно слово сказать.

Я видѣлъ многое во снѣ,
Но главное мнѣ то̀ казалось,
Что вы, смѣясь, внимали мнѣ,
Что наша шутка удавалась....
Теперь не много я смущенъ;
Во снѣ легко такъ ошибаться,
Но если это было-сонъ,—
Позвольте мнѣ не просыпаться.

—

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Водевиль à propos въ одномъ дѣйствіи.

Петербургскіе жители помнятъ остряка Вивье, — который ввелъ въ Петербургѣ моду пускать мыльные пузыри. — Въ нѣкоторыхъ гостиныхъ самые серьозные люди занимались на вечерахъ подобной забавой. — Въ то время и была написана настоящая шутка.

(Примѣчаніе Автора).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, литераторъ.
МАРЬЯ ПЕТРОВНА, его жена.
ОЛЬГА ИВАНОВНА, его племянница.
САША,
МИША, } дѣти.
ПЕТЯ,
ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ, нѣмецкій учитель.
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШРИФТЪ, русскій журналистъ.
СИДОРЪ, слуга.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ *(спитъ въ стулѣ.)* Дѣти пускаютъ пузыри.

САША.

У меня нейдетъ совсѣмъ.

МИША.

Да ты не умѣешь. Гдѣ тебѣ, посмотри какъ я. (*Ему.*) Ну, не мѣшай же, перестань. Уши выдеру.

САША.

А не смѣешь.... а не смѣешь, папенькѣ скажу.

МИША И ПЕТЯ.

Папенькѣ.... У!... у!... у!... шпіонъ какой, фискалъ.... Вотъ мы тебѣ. У!... у!...

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ, *(просыпаясь)*.

Nu ruhig Kinder, ruhig doch!...es ist eine schande!.... Каки несносны мальшишка. Фѣшно меня пудилъ.... Und ih hatte so süs geträumet. Ach, Олька Ифана.... Олька Ифана! (*Дѣти шалятъ.*)

МИША.

Ну, перестаньте.

САША.

А вотъ не перестану, вотъ не перестану.

МИША.

Экое дитя!

САША.

Нѣтъ, самъ ты дитя, самъ ты дитя.

МИША.

Христіанъ Адамовичъ, онъ мнѣ мѣшаетъ. (*Христіанъ Адамовичъ спитъ.*)

САША.

Христіанъ Адамовичъ, не правда, это онъ.

МИША.

Нѣтъ, не вѣрьте, Христіанъ Адамовичъ, это онъ.

САША.

Тсъ.... тсъ.... спитъ.... шпрехенъ зи дейтчъ, Иванъ Андреичъ. Давай сюда мыла. Брр.... уу!... (*Дѣти пускаютъ Христіану Адамовичу пузыри въ лицо. Христіанъ Адамовичъ чихаетъ во снѣ. Дѣти его дразнятъ и дѣлаютъ гримасы. Поютъ, шумятъ. Христіанъ Адамовичъ вскакиваетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ *(дерет дѣтей за уши).*

Такъ и есть, опять за пузырями. Вмѣсто того чтобъ уроки твердить, вотъ чѣмъ вы занимаетесь. Будетъ изъ васъ прокъ. Христіанъ Адамовичъ!

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ *(вскакиваетъ).*

Ach guten morgen lieber Дмитрій Фасиличъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Тутъ, братецъ, не гутенъ-моргенъ.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Фы карашо пошивалъ?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да и ты, кажется, не дурно. Смотри чѣмъ дѣти у тебя занимаются. (*Смотритъ на трубочки.*) Ба!... что это такое.... гдѣ вы эту бумагу взяли, отвѣчайте.... да это мои черновыя рукописи, повѣсть.... драма.... вотъ хорошо. Родные дѣти изтерзали мои сочиненія.... что же журналистамъ останется?

МИША.

Мы думали, что эти бумаги негодныя.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не вамъ это говорить, сами вы негодные. Ступайте въ классную. Вы нынче безъ обѣда.

ДѢТИ *(плачутъ)*.

Папенька, не будемъ, не будемъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Молчать. Слово скажете, такъ оставлю безъ ужина. Ступайте.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Деметрій Фасиличъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну-съ?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Нѣтъ-съ, ничево. Если онъ меня обишалъ я ништово не сказывалъ. *Commt Kinderchin.* (*Уходитъ съ дѣтьми.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ *(одинъ)*.

Что это за обезьяны, эти мальчишки. Видятъ, что

большіе дѣлаютъ и они туда же. Строго, строго надо смотрѣть... воспитаніе—не шутка. (*Начинаетъ машинально пускать пузыри.*) У меня и безъ того столько хлопотъ.... Племянница такая грустная, жена такая веселая.... да и литература-то.... (*Пузырь*) очень много беретъ времени. (*Пузырь.*) Ахъ! съ дурной стороны взялъ, книгопродавцы мнѣ кланяются.... публика подписывается, покупаетъ, славно, славно надувается.... Бѣда только, критики какъ намылятъ голову. Ужъ этотъ мнѣ Шрифтъ, доберусь я до него.... впрочемъ, есть много и пріятнаго.... извѣстность, репутація.... экая досада, лопнуло.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ и СИДОРЪ.

СИДОРЪ.

Изъ типографіи за карикатурой пришли.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что?

СИДОРЪ.

Человѣкъ-съ пришелъ изъ типографіи за вашей карикатурой.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

За коррентурой?

СИДОРЪ.

Такъ, точно-съ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Скажи, братецъ, что я занятъ. Некогда теперь. Чтобъ въ другой разъ заходилъ.

СИДОРЪ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Эй! Сидоръ!

СИДОРЪ.

Чего изволите?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Былъ здѣсь вчера кто-нибудь безъ меня?

СИДОРЪ.

Какъ же-съ. Лавочникъ приходилъ со счетомъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Эхъ, братецъ, не про то спрашиваютъ.

СИДОРЪ.

Угодно знать, былъ ли кто изъ господъ?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, да.... изъ господъ.

СИДОРЪ.

Былъ-съ, господинъ Шрифтъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ, Шрифтъ?... Этотъ критикусъ, критикантикъ, критикантусикъ, который на меня статьи пишетъ. Да развѣ онъ моей шайки? Что я говорю! Развѣ я его шайки? Нѣтъ, опять не то. Какъ онъ смѣетъ ко мнѣ ходить? Что же ты, прогналъ его?

СИДОРЪ.

Никакъ-нѣтъ. Они у Марьи Петровны были.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что ты говоришь? У жены! И долго сидѣлъ?

СИДОРЪ.

Часа два-съ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Врешь!

СИДОРЪ.

Помилуйте! За чѣмъ мнѣ врать. Онъ здѣсь частехонько бываетъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что.... что?... (*Про себя.*) Ахъ, да это подозрительно. Марья Петровна! Марья Петровна! Чтобъ это значило.... слушай, Сидоръ.

СИДОРЪ.

Слушаю-съ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Если этотъ негодяй, критикусъ Шрифтикъ сюда придетъ—по шеямъ его. Чтожъ ты смѣешься?...

СИДОРЪ.

Да какъ же, сударь, по шеямъ. Это хорошо нашего брата.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну!... болванъ.... разумѣется, учтиво. Дома нѣтъ, извиняется, въ постелѣ лежитъ, нездоровъ, занятъ. Чтобъ нога его не была здѣсь.... слышишь?

СИДОРЪ.

Слушаю-съ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, пошелъ!... (*Сидоръ уходитъ.*) Этакъ будетъ вѣрнѣе. То-то я затѣтилъ, что этотъ Шрифтикъ, третій мѣсяцъ на меня статей не пишетъ. Видно онъ здѣсь-то особой статьей занялся.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ и ОЛЬГА ИВАНОВНА.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Куда она дѣвалась?... Боже мой! Если кто нибудь найдетъ....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что тутъ ищешь?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Нѣтъ-съ, такъ, ничего, дядюшка, работу потеряла.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А поди-ка сюда.... Ты точно работу потеряла?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, Боже мой, онъ все знаетъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, признайся ужъ. Вѣдь ты меня не обманешь

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Простите меня, дядюшка.... мнѣ совѣстно.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ничего, мой другъ. Стыдиться нечего. Вотъ я, кажется, человѣкъ серьозный, извѣстный, а занимаюсь тѣмъ же.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ! вы.... дядюшка.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Разумѣется, по-тихоньку.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ну, я бы ужъ этого объ немъ никакъ не думала.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Впрочемъ, теперь это мода.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ мода, дядюшка?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, это теперь всѣ дѣлаютъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что дѣлаютъ?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ что?... Пузыри пускаютъ. Вѣдь ты за тѣмъ пришла.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Я-съ.... да.... да, точно.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, вотъ видишь ли?... меня не обманешь. На, тебѣ трубочку.... Вотъ такъ.... тутъ нѣтъ ничего дурнаго.

№ 1

Повѣрь, мой другъ. Забавы дѣтства
Въ сто разъ приличнѣй для дѣвицъ,
Чѣмъ подражаніе кокетства
И праздной жизни нашихъ львицъ.
И, я прибавлю напослѣдокъ,
По философіи моей;
Что лучше надувать вотъ этакъ,—*(Пузырь.)*
Чѣмъ надувать своихъ мужей!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Онъ хотѣлъ придти сегодня.... что-жъ онъ нейдетъ.... чѣмъ это кончится?...

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что, жена моя одѣта?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Одѣта, дядюшка.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Скажи ей, чтобъ она пришла ко мнѣ въ кабинетъ. Мнѣ надо переговорить съ ней кой о чемъ.... Этотъ Шрифтъ не выходитъ у меня изъ головы. Не то, чтобъ я думалъ, Боже сохрани! Все таки скажи, что я ее дожидаюсь. (*Уходитъ.*)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Сейчасъ, дядюшка.... (*Одна.*) Куда дѣвалась эта записка.... Боже мой.... какая я несчастная.... Марья Петровна не даетъ покоя.... Придетъ ли онъ? Онъ пишетъ, что найдетъ случай поговорить нынче со мной.... Марья Петровна опять тутъ будетъ, несносная.... (*Глядитъ въ окно.*) Ахъ, Боже мой! Вотъ онъ ужъ дожидается на улицѣ. .. онъ дѣлаетъ знаки.... дома-ли?... да.... да.... одна-ли?... Нѣ....

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА и ОЛЬГА ИВАНОВНА.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что вы тутъ дѣлаете?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Я.... дѣти пузыри пускали.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ что же?....

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Мнѣ тоже вздумалось.... такъ-съ, шалость.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Право.... да.... да! (*Глядитъ въ окно.*) Ахъ!... онъ ужъ дожидается. Какія несносныя, эти племянницы! Вѣчно тутъ....

ОЛЬГА ИВАНОВНА (*въ сторону*).

Какая она скучная. Ни на шагъ не отходитъ. (*Ей.*) Тетушка, васъ дядюшка къ себѣ просилъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Меня.... Хорошо, успѣю.... послушай, милая, у меня тамъ въ спальнѣ подушка, которую я по канвѣ вышиваю для имянинъ мужа.... я очень тороплюсь, а теперь некогда. Ступай, пошей за меня.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, извините, никакъ не могу; у меня что-то палецъ болитъ. Тетушка, васъ дядюшка....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Хорошо. (*Въ сторону.*) Онъ сейчасъ будетъ, какъ бы ее отослать.

ОЛЬГА ИВАНОВНА (*въ сторону*).

Онъ, вѣрно, ужъ на лѣстницѣ, —какъ бы отъ нея отдѣлаться. (*Марьѣ Петровнѣ.*) Тетушка, васъ дядюшка....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, хорошо. Отъ чего это она не хочетъ уйти? Ужъ не замѣтила ли она чего?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что это съ ней? Видно она что нибудь подозрѣваетъ. Тетушка, васъ дядюшка....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, милая! ступай пожалуйста къ Христіану Адамовичу. Скажи, что я прислала тебя почитать съ дѣтьми по французски.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ, тетушка? Вамъ угодно....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Сдѣлай мнѣ это одолженіе.... ну, ступай же, моя милая!... (*Цѣлуя ее.*) Ступай....

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

У меня голова болитъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ничего, пройдетъ. Ступай только.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Извольте.... что это съ ней.... будетъ же нынче дѣтямъ праздникъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, ступай-же!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Иду, тетушка, иду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, потомъ СИДОРЪ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что изъ этого будетъ? Онъ повсюду за нами, какъ тѣнь.... бѣда, если мужъ мой.... да объ чемъ я думаю.... я его не люблю вовсе.... нѣтъ, нѣтъ, по крайней-мѣрѣ, кажется что нѣтъ.... Сейчасъ приду назадъ.

Голосъ **ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.**

Марья Петровна, пожалуй ко мнѣ на пару словъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ, мой другъ.... Сидоръ!

СИДОРЪ.

Чего изволите?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Прибери этотъ вздоръ. Никто не приходилъ?

СИДОРЪ.

Никого не было-съ.

Голосъ **ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.**

Марья Петровна, съ кѣмъ это вы разговариваете?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Хозяйничаю, мой другъ.... Что же это онъ нейдетъ?

Голосъ **ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.**

Марья Петровна, я васъ дожидаюсь.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ, сейчасъ.... погоди не много.... Я пузыри

пускаю, — у тебя выучилась. Любитъ ли онъ меня въ самомъ дѣлѣ, или только притворяется?... Онъ ни одного слова не говорилъ еще мнѣ, да и не смѣетъ, не долженъ смѣть. Впрочемъ любовь мужчинъ.... (*Пускаетъ пузырь.*)

Голосъ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.

Марья Петровна, я вамъ говорю....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, еще одинъ.

Голосъ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.

Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ.... ужъ не дожидаешься ли ты тамъ кого? Марья Петровна! Марья Петровна!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Здравствуй, мой другъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СИДОРЪ (*одинъ*).

Ай да народецъ! Вотъ нашли себѣ занятіе! Такая мораль право. Добро бы выбрали себѣ какое нибудь эдакое.... деликатное занятіе; въ фанты играть, что ли, либо въ марьяжъ, по свѣтской тонкости. А то по-

жлють къ Ѳеклѣ прачкѣ за мыломъ, наболтають въ стаканѣ, да и ну себѣ вздувать пузыри. Эхъ, народецъ-то, народецъ! просто курамъ на смѣхъ. Да что въ самомъ дѣлѣ, диковина, что ли какая! (*Пускаетъ пузырь.*) Эва! Вишь какой вышелъ! (*Смѣется.*) Чего эти Нѣмцы не выдумаютъ. Дай-ка еще!

ЯВЛЕНІЕ IX.

СИДОРЪ и ШРИФТЪ.

ШРИФТЪ.

Что ты тутъ дѣлаешь?

СИДОРЪ.

Виноватъ—съ! Такъ себѣ маленько литературой занялся.

ШРИФТЪ.

Что ты?

СИДОРЪ.

Да-съ, баринъ такъ говоритъ. Начнетъ пузыри вздувать, да ужъ никого и принимать не велитъ,— литературой, говоритъ, занятъ.

ШРИФТЪ.

Что, что, что?... Баринъ твой пузыри пускаетъ?

СИДОРЪ.

Старательно—съ.

ШРИФТЪ.

Это надо принять къ свѣденію; можетъ пригодиться. Ну, ступай, доложи обо мнѣ.

СИДОРЪ.

Нельзя—съ.

ШРИФТЪ.

Какъ?

СИДОРЪ.

Баринъ васъ пущать не велѣлъ.

ШРИФТЪ.

У меня, братецъ, важное дѣло.

СИДОРЪ.

Не могу знать-съ. Баринъ вышелъ, нездоровъ, дома нѣтъ-съ, въ постелѣ; очень извиняется. Всѣхъ приказано учтиво по шеямъ.

ШРИФТЪ.

Что ты толкуешь?

СИДОРЪ.

Дома нѣть-съ,—въ постелѣ.

ШРИФТЪ.

Да, слушай....

СИДОРЪ.

И слушать не приказано. (*Шумить.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, ШРИФТЪ, ОЛЬГА ИВАНОВНА и СИДОРЪ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что это за шумъ?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ! это онъ.... сердце такъ и замираетъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (*Сидору*).

Что я тебѣ приказывалъ?

СИДОРЪ.

Да я имъ говорилъ-съ.... и въ постели, и дома нѣтъ

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, хорошо.... пошелъ.... Милостивый Государь.... я очень удивляюсь....

ШРИФТЪ.

Здравствуйте, мой почтенный....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Позвольте, мнѣ очень странно.... послѣ нашихъ отношеній.... я для васъ не почтенный.

ШРИФТЪ.

Да, давно не былъ. Виноватъ, мой почтеннѣйшій.... очень былъ занятъ....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Однакожъ....

ШРИФТЪ.

Вообразите, почтенный, вы будете, вѣрно, надо мной смѣяться.... Вообразите, то есть, не повѣрите, что я дѣлаю теперь цѣлый день.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Критиканствуете.

ШРИФТЪ.

Куда.... совсѣмъ нѣтъ.... смѣшно сказать.... цѣлый день пузыри пускаю, да не простые.... съ дымомъ....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Съ дымомъ?... Не хотите ли маленько присѣсть?

ШРИФТЪ.

Очень благодаренъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Хорошо, что Марья Петровна успокоила меня на его счетъ.... а какъ же это вы, почтенный, это съ дымомъ?

ШРИФТЪ.

А вы, почтеннѣйшій, еще не видали? Славная штука. Ѣхалъ я намедни по Малой Морской; вижу на улицѣ стоитъ толпа народа, а на воздухѣ летаютъ какіе-то бѣлые шары.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Бѣлые?

ШРИФТЪ.

Да-съ, чрезвычайно красиво, летаютъ себѣ надъ крышами.... высоко такъ, знаете, а вѣтеръ ихъ туда носитъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Право?

ШРИФТЪ.

Да-съ, комнатные пузыри просто вздоръ, дрянь.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, этого, мой почтенный, нельзя сказать.

ШРИФТЪ.

Помилуйте, мой почтеннѣйшій, да если вы начнете пузыри пускать на чистомъ воздухѣ, такъ послѣ вы ничего другаго и дѣлать не захотите.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Въ самомъ дѣлѣ.... какъ же это, почтенный. Нельзя ли посмотрѣть?

ШРИФТЪ.

Извольте, почтеннѣйшій. Это очень просто; мыло есть?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Есть.

ШРИФТЪ.

Позвольте папироску. Вотъ такъ, а потомъ въ окно. Видите, видите, какъ летитъ!

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ. Вотъ, вотъ у крыши.... нѣтъ, опустился. Ахъ, позвольте, позвольте, пожалуйста. Дайте-ко я попробую. (*Пускаетъ пузыри въ окно.*)

ШРИФТЪ.

Ольга Ивановна, вы получили мою записку?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, если бы вы знали.... я такая несчастная! Записку вашу потеряла.... выпала изъ кармана, должно быть.... бѣда, если найдутъ.

ШРИФТЪ.

Могу ли я надѣяться....

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Не знаю право. Дядюшка на васъ очень сердитъ, за какіе-то журналы. Васъ принимать даже не велѣно.

ШРИФТЪ.

Что мнѣ въ немъ. Вы, вы.... все для меня на свѣтѣ.... скажите мнѣ только, что вы меня не ненавидите.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, какъ можно!

ШРИФТЪ.

Любите ли вы меня?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Я-съ... право.... не знаю....

ШРИФТЪ.

Но, какъ вы думаете?

ОЛЬГА ИВАНОВНА, (смѣшавшись).

Можетъ быть.

ШРИФТЪ.

О, для меня этого довольно! (*Цѣлуетъ ея руку.*)

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (*у окна*).

Славно, славно! Дѣло пошло на ладъ!

ШРИФТЪ.

Не бойтесь ничего. Вашъ дядя.... что вашъ дядя.... дрянь! Я его уничтожу.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну.... пошелъ теперь!

ШРИФТЪ.

Если только моя надежда....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Опять лопнуло....

ШРИФТЪ.

Надежда сбудется, то вы будете моей женой, даже противъ его воли.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ можно!

ШРИФТЪ.

Помилуйте, чего бояться? Что ихъ слушать! Не мы ли должны жить вмѣстѣ? Не мы ли должны быть счастливы. И скажите, мы ли можемъ разлучиться навсегда?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Все дѣло, батюшка, въ хорошемъ мылѣ.

ШРИФТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, мы созданы другъ для друга.... наши души родныя сестры, ихъ породнило солнце любви въ одномъ лучѣ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Эхъ, куда занесло!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, безъ согласія родныхъ я не могу дать слова. Ступайте къ тетушкѣ, откройтесь ей.

ШРИФТЪ.

Къ Марьѣ Петровнѣ? Да она, кажется, мой первый врагъ. Вѣдь она отъ васъ ни на шагъ не отстаетъ.

Вчера только я могъ васъ видѣть нѣсколько минутъ.... и то она опять тотчасъ пришла.... она всему помѣшаетъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Вы говорили, что любите меня.

ШРИФТЪ.

О, болѣе жизни!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ну, такъ ступайте къ ней. Я буду дожидаться въ своей комнатѣ нашего приговора. Отъ васъ зависитъ, быть ли мнѣ вамъ чужой.... или (*Въ полголоса.*) вашей невѣстой.

ШРИФТЪ.

О, погодите еще!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

До свиданія.... надѣюсь.... (*Уходитъ.*)

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Вотъ два сошлись теперь.... нѣтъ разошлись опять.

ШРИФТЪ.

Страшно, страшно.... Боюсь я этой Марьи Петров-

ны.... она, кажется, племянницы своей не любитъ... точно нарочно все намъ мѣшаетъ. Ну, нечего дѣлать, пойду попробую. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ одинъ, потомъ САША.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (*у окна*).

Эва!... Вотъ будочникъ началъ алебардой махать.

ГОЛОСЪ БУДОЧНИКА.

Эй, баринъ, что ты тамъ балуешь. Говорятъ тебѣ, баловать не велѣно.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, ужъ молчи, ты, служивой.

ГОЛОСЪ.

Молчи! Вишь какой, молчи. Не босъ отвѣчать-то я буду. Ну, что вы глазѣете, дурачье этакое! Ступайте

своей дорогой; чего вы тутъ не видали? Говорятъ тебѣ, баловать не велѣно.... видишь Надзиратель ѣдетъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ. (*Оборачивается съ пузыремъ и наталкивается на сына.*) Что ты тутъ дѣлаешь? А? шалить пришелъ. Что у тебя тутъ въ рукахъ. Покажи-ка, что ты прячешь?... а, трубочка.... опять за пузырями пришелъ. Долго ли вамъ пустяками заниматься.... давай сюда.... ступай къ Христіану Адамовичу, позови его сюда.... что онъ смотритъ. И что за тоненькая, негодная бумага, даже бумаги порядочной не умѣютъ выбрать.... ба! что это такое?... Чей это почеркъ?... записка.... ужъ не къ женѣ ли? начало оторвано.... бррь! Въ глазахъ потемнѣло.... «Видѣть васъ на единѣ.... на единѣ.... вы знаете что я люблю васъ, болѣе жизни. Ради Бога, рѣшите мою участь.... скажите мнѣ.... умоляю васъ... Могу ли надѣяться».... надѣяться, вотъ что онъ вздумалъ.... «напишите мнѣ когда Дмитрія Васильевича не будетъ дома. Онъ, я знаю, меня ненавидитъ за полемику, да виноватъ ли я, что онъ пишетъ такой вздоръ», Шрифтъ. Шрифтъ! такъ и есть! Да это змѣя, не человѣкъ. Да онъ рожденъ для моего несчастія.... сперва славу мою помрачилъ. Теперь семейное мое счастіе хочетъ разстроить. О, да это такъ не обойдется, нѣтъ, голубчикъ, постой, я его вызову, вызову, непремѣнно вызову.... въ переднюю.... да оттуда и выпровожу порядкомъ. Критикъ начнетъ писать.... да пускай его. Развѣ жена моя ниже всякой критики? Нѣтъ, братъ. постой!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ и ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Тсъ.... Деметри Фасиличъ!

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не до того теперь, некогда.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ (*таинственно*).

Тсъ.... Я имѣй опясательстфо сказать вамъ, какъ шестный человѣкъ....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Отвяжись, пожалуйста.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Въ фашъ домъ не совсѣмъ порятливо.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ.... ты ужъ знаешь?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Вашъ домъ не совсѣмъ порятливо.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что? что? ты развѣ, что нибудь замѣтилъ?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Самѣтилъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Такъ и есть.... все кончено.... Ну говори, говори!

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Исфольте фидѣть; вшера я уроки тавалъ дѣтямъ, а за двери я вдругъ такой странной расгофоръ, что и скасать не мошно услыхалъ. Какой-то неизвѣстный госпотинъ кафарилъ ошень, ошень, ошень нѣшно.... фы меня люпитъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, а она что?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

А она сказалъ.... (*Таинственно.*) Тфой иль нишево.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что?... что?...

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Тфой или нишево.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Быть не можетъ.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Какъ шестный Нѣмецъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Убить! Уничтоженъ! погибъ совсѣмъ.... Злодѣи! смѣются надо мной.... Ахъ, Боже мой! да они теперь гдѣ нибудь вмѣстѣ, а я съ тобой еще разговариваю. Давайте мнѣ ихъ, гдѣ они! (*Бѣжитъ и наталкивается на Сидора.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и СИДОРЪ.

СИДОРЪ.

Пожалуйте въ Полицію.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что?... въ Полицію.... не надо, братецъ, это дѣло семейное.... развѣ послѣ.

СИДОРЪ.

Не могу знать-съ семейное ли это дѣло шары пускать-съ. Надзиратель дожидается въ передней,

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да постой, братецъ. Тутъ бѣда, тутъ чортъ знаетъ что. Ты женатъ, Сидоръ?

СИДОРЪ.

Женатъ, сударь.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Болванъ, братецъ! Кто это у тебя спрашивалъ.... скажи ему, что я умеръ.

СИДОРЪ.

Онъ васъ въ окно видѣлъ, проситъ для объясненія, по случаю безпорядковъ на улицѣ.... они сказали, что дожидаться будутъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, иду, иду. Отвяжись только. Христіанъ Адамовичъ, ты—другъ мой?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Трукъ,—о та, та, трукъ!

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Посмотри, покачѣсть, за ними, подслушай.... не жалѣй меня. Все скажи мнѣ, все, все... слышишь ли?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Фсе спасывать пуду.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

О, я несчастный человѣкъ!

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

О, та, фи шалкій сошинитель.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Христіанъ Адамовичъ!

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Деметрій Фасиличъ! (*Кидаются въ объятія другъ друга.*)

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Пожалѣй обо мнѣ!

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Пуду талоpать.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Прощай, Христіанъ Адамовичъ! (*Уходитъ.*)

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Прошайте, Деметрій Фасиличъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ *(одинъ)*

Прошайте, Деметрій Фасиличъ! Адье арме бузеньфрейндъ. Das ist ein шпектакль.... Ахъ, Олька Ифанна ich habe genossen das irdische Gluck. Я поснафаль семледѣльческое шастіе. Я люпилъ и пуду люпить.... а пуду-ль женился.... Nein, o nein. Ахъ, Олька Ифанна.... А нато слушалъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ, МАРЬЯ ПЕТРОВНА, ШРИФТЪ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ здѣсь!... А, Христіанъ Адамовичъ, что вы тутъ дѣлаете?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

О! нато слушалъ.... што скасать; а фотъ прекрасна мысль! (*Пускаетъ пузыри.*)

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что вы тутъ дѣлаете?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Исфините. Я тѣлалъ фисикальный экспериментъ для пусыри.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Послѣ успѣете. Дѣти одни....

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Сейшасъ.... о, мой бѣдный, Дметрій Фасиличъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ступайте же.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Карашо я сдѣлалъ, что не шенифался. А вотъ я стѣлалъ, я сепѣ спряталъ. (*Прячется.*)

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, теперь мы одни. Вы хотѣли говорить со мной?

ШРИФТЪ.

Да-съ; отъ васъ зависитъ судьба моя.... судьба моя, все мое счастіе.. .

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Бѣдный, онъ мнѣ жалокъ. Отъ меня, вы говорите.... какимъ образомъ?

ШРИФТЪ.

Выслушайте меня....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Я надѣюсь, что вы ничего не скажете такого....

ШРИФТЪ.

О, будьте спокойны!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ такомъ случаѣ, я васъ слушаю.... садитесь, пожалуйста. (*Садятся.*)

ШРИФТЪ.

Марья Петровна, я влюбленъ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, (*вставая и оглядываясь*).

Тссъ!

ШРИФТЪ.

Какъ-съ

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Тише, пожалуйста, мой мужъ не далеко.

ШРИФТЪ.

Такъ что же?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Для васъ, я знаю, ничего.... но развѣ вы объ себѣ одномъ только думаете? Люди такіе злые!

ШРИФТЪ.

Я влюбленъ, влюбленъ до безумія! Какъ это случилось, того я самъ не знаю. Моя исторія проста. Я человѣкъ не богатый и потому имѣю несчастіе писать критики.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ вамъ не стыдно.

ШРИФТЪ.

Что же дѣлать? Обстоятельства! Я написалъ нѣсколько рецензій на вашего мужа.... вы можетъ быть читали?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, да, презабавныя. Я очень имъ смѣялась.... мнѣ съ того времени и захотѣлось съ вами познакомиться.

ШРИФТЪ.

Мужъ вашъ, разумѣется, сдѣлался мнѣ врагомъ. Мы съ нимъ хоть и старинные пріятели, однакоже ненавидимъ другъ друга. Вообразите мое несчастіе. Вы пріѣхали изъ Москвы. Я встрѣтилъ васъ, съ вашей племянницей—и участь моя была рѣшена. Я влюбился

съ пыломъ первой юности, я бросилъ занятія. Повѣрите ли, я сдѣлался такъ глупъ, что не могу написать самой простой глупости.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ онъ хорошо говоритъ. Повѣрьте мнѣ, я жалѣю объ васъ, но....

ШРИФТЪ.

Какъ-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Но, вы знаете, есть обязанности, которыя должны оставаться священными.... какъ бы они не были тяжелы. Я васъ выслушала. Теперь позвольте васъ побранить. Что это значитъ, что вы такъ часто къ намъ ходите, въ отсутствіе мужа? Мужъ мой ревнивъ....

ШРИФТЪ.

Какъ-съ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Мужъ мой очень ревнивъ. Для васъ, молодыхъ людей, это не стоитъ вниманія. Но, вы безжалостно съ нами поступаете. Вѣдь мы не каменныя. Подумали ли вы о послѣдствіяхъ вашего безумнаго поступка? Вы посмѣялись и кончено. А мы остаемся однѣ; мы уже ни въ чемъ не принимаемъ участія. Нашъ домъ для насъ темница. Для насъ нѣтъ покоя ни днемъ, ни но-

чью. И когда мы разъ почувствовали любовь, мы не можемъ уже отбросить ее. Она сливается съ нашей жизнію.

ШРИФТЪ.

Вотъ-те на!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Для насъ вся земля въ одномъ человѣкѣ. Для насъ, онъ вся наша жизнь. Онъ отравитъ намъ всѣ наши радости, всѣ наши семейныя наслажденія.... онъ заставитъ насъ призывать смерть на помощь. Вотъ что непремѣнно должно случиться когда мы повѣримъ притворной любви....но, успокойтесь, между нами ничего такого быть не можетъ.

ШРИФТЪ.

Уфъ! напугала она меня! Да что же это въ самомъ дѣлѣ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы дѣлаете мыльные пузыри?

ШРИФТЪ.

Помилуйте, я не понимаю. ..

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Любовь мужчинъ ничто иное—блеснетъ на минуту и лопнетъ.

№ 2.

Любовь мужчин игра для дам,
Хоть съ ней несчастье неразлучно;
Въ нее играть опасно намъ,
А не играть,—какъ будто скучно.
И я вамъ тайно признаюсь,
Что странное выходитъ дѣло,
Я и выигрывать боюсь,
И проиграть бы не хотѣла.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Я софсѣмъ ошень турно слушалъ.

ШРИФТЪ.

Что это?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Берегитесь; насъ подслушиваютъ.

ШРИФТЪ.

Что мнѣ за дѣло! Пускай весь свѣтъ узнаетъ, что я люблю вашу племянницу.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*въ сторону*).

Какъ онъ ловокъ. (*Смѣясь.*) Вы любите мою племянницу?

ШРИФТЪ.

Болѣе жизни.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

И вы хотите на ней жениться?

ШРИФТЪ.

Конечно.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Бѣдный! Неужели онъ мнѣ принесетъ такую жертву? Нѣтъ, нѣтъ, не бывать этой свадьбѣ. Племянница моя зависитъ отъ меня; я не позволю.

ШРИФТЪ.

Вы не позволите. Помилуйте, а я на васъ только и надѣялся.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы обидѣли моего мужа. Онъ вамъ никогда не проститъ, и я тоже. (*Въ сторону.*) Я не знала, что онъ такъ уменъ.

ШРИФТЪ.

Такъ вы мнѣ отказываете?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Рѣшительно.

ШРИФТЪ.

И не позволяете даже надѣяться?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, пожалуйста, перемѣнимьте разговоръ. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Что вы вчера дѣлали?

ШРИФТЪ.

Любилъ, какъ нынче.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Берегитесь, насъ подслушиваютъ. Что вы дѣлали вчера?

ШРИФТЪ.

Любилъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Опять! Я не то спрашиваю. Вы меня разсердите, наконецъ. Гдѣ вы были вчера?

ШРИФТЪ.

Вчера?... не помню, право.... въ гостяхъ, кажется.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что тамъ дѣлали?

ШРИФТЪ.

Да ничего-съ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Однакожъ....

ШРИФТЪ.

Да вздоромъ болѣе занимались. Мыльные пузыри пускали.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Право.... и тамъ тоже.... да это теперь мода вездѣ.... какой несносный Нѣмецъ.... ужъ я его выживу изъ дома.... совсѣмъ за дѣтьми не смотритъ. Вы ихъ хорошо дѣлаете?

ШРИФТЪ.

Что-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Пузыри.

ШРИФТЪ.

Помилуйте, какъ вамъ не грѣшно. Что за шутки, послѣ того, что я вамъ говорилъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Мы цѣлый день этимъ занимаемся. Не хотите ли теперь?

ШРИФТЪ.

Да выслушайте меня....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

На этомъ столѣ все приготовлено.

ШРИФТЪ.

Да это нестерпимо!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Я васъ прошу. Если вы меня любите.... для осторожности, понимаете!... Я увѣрена, что вы отказываетесь потому, что не умѣете.

ШРИФТЪ.

Нѣтъ, напротивъ, я большой мастеръ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ужъ вѣрно не больше меня.

ШРИФТЪ.

Кто знаетъ-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

А вотъ, посмотримъ. (*Пускаетъ пузырь.*)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ и ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, что?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Деметрій Фасиличъ, храпрость!

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ, неужели?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Я нищево не понималъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А, понимаю.... все кончено! (*Горько улыбаясь.*) Какъ они притворяются, злодѣи!... Сударыня, сударыня! что это такое?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Это?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, это!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Это—трубочка.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, какая трубочка?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Пузыри пускать.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ *(дикимъ голосомъ)*.

Ха, ха, ха!... хороши пузыри! Страшитесь, сударыня! Трепещите, я все знаю! я прочиталъ.... эту трубочку.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, Боже мой!... онъ писалъ ко мнѣ. Какая неосторожность!

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну-съ, сударыня, что вы на это скажете?

ШРИФТЪ.

Молчите!... Ну-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Почему я знаю.... мало ли къ кому пишутся письма. Бумага все терпитъ. Вы сами это знаете.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Отвѣчайте, сударыня.... къ кому эта записка?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Прочитайте.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да тутъ имени не выставлено.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Не выставлено,—у васъ въ домѣ есть племянница.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что, что, что?...

ШРИФТЪ.

Да-съ, Дмитрій Васильевичъ, я люблю вашу племянницу, я прошу ея руки.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ онъ уменъ! какъ онъ уменъ!—А я отказываю. Племянница моя никогда не будетъ женой нашего врага.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Я еще меньше понималъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Здѣсь кого-то обманываютъ. Да погодите, дѣло объяснится. Олинька! Олинька!... Олинька!...

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ и ОЛЬГА ИВАНОВНА.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Поди сюда.... Олинька, умоляю тебя именемъ всего

священнаго, если ты любишь своего дядю, если я тебѣ не чужой.... если ты.... если я.... ну, умоляю тебя, скажи.... что это такое?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Это трубочка.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Посмотри, что за трубочка.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, извините меня, дядюшка, это записка, которую я выронила.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Она—къ тебѣ?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ко.... мнѣ-съ....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Уфъ!

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Ахъ! понималъ! понималъ! Нѣтъ, опять нишефо не понималъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ это онъ меня обманывалъ? Да онъ совсѣмъ не такъ уменъ, какъ я думала.

ШРІОТЪ.

Дмитрій Васильевичъ! въ вашихъ рукахъ наша судьба.... Вы знаете нашу тайну.... мы любимъ другъ друга....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Прочь! Милостивый Государь, прочь! Ступайте критики писать.

ШРІОТЪ.

Да развѣ вы не видѣли нынѣшнюю газету?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Нѣтъ.... а что?

ШРІОТЪ.

Читайте.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что я вижу! Какъ же, почтенный, да это противъ вашихъ собственныхъ словъ!

ШРІОТЪ.

Ничего, почтеннѣйшій. Но я не первый разъ. Это у насъ такъ принято.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Послѣ этого—все забыто. Приди въ мои объятія ты мой племянникъ. Вотъ тебѣ моя племянница.

ШРИФТЪ.

Ты моя! Какое счастіе!

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Ахъ, пѣтная Олька Ифанна!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, Иванъ Ивановичъ, проучила же я васъ порядкомъ. Не правда ли? Вы думали, что я въ самомъ дѣлѣ вообразила, что вы меня любите?

ШРИФТЪ.

Помилуйте-съ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, ужъ признайтесь.... я давно знала, что вы любите мою племянницу.... она мнѣ сама сказала.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ, тетушка?...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Молчи!... Да, я все знала, только васъ надо было помучить, проучить хорошенько.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что, что, проучить.... за что?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

А какъ же, мой другъ.... развѣ онъ не писалъ противъ тебя статьи, развѣ онъ не сравнивалъ тебя съ....

ШРИФТЪ.

Марья Петровна, кто старое помянетъ....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, да.... все забыто. Да ужъ и ты, Марья Петровна, извини меня....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Послѣ.... увидимъ.... Какъ тебѣ не стыдно, мой другъ, что ты могъ во мнѣ усомниться. Мы женщины-не дѣти.... мы всему знаемъ цѣну. Добрый мужъ-сокровище неоцѣненное, а вздохи, и слезы, и слова влюбленныхъ.... извѣстно, не что иное, какъ мыльные пузыри,—да что и не мыльные пузыри на свѣтѣ!

№ 3.

Улюдей забавы эти
Въ нашемъ вѣкѣ—знакъ того
Что для смертныхъ все на свѣтѣ
(*Пускаетъ пузырь*). Пфу!... и больше ничего!

ШРИФТЪ.

Въ геніи журналъ выводитъ,
Всѣхъ сотрудниковъ его,
Что жъ изъ геніевъ выходитъ?
(*Пускаетъ пузырь*). Пфу!... и больше ничего!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Теперь страшится Авторъ крайно,
О, судьи наши, чтобы вы,
Вдругъ не задумали случайно
Ему намылить головы.
Онъ разшутился вамъ въ угоду,
Рѣшайте жъ, поскорѣе, намъ:
Должно ли шуткѣ кануть въ воду
И лопнуть мыльнымъ пузыремъ?
(*Всѣ повторяютъ четыре послѣдніе стиха*).

—

СОТРУДНИКИ,

ИЛИ

ЧУЖИМЪ ДОБРОМЪ НЕ НАЖИВЕШЬСЯ.

—

ПОСЛОВИЦА

В ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

(Посвящена Н. П. Компанейщиковой и Э. П. Башинской).

Эта шутка написана для благотворительнаго спектакля на домашнемъ театрѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНОВЪ, человѣкъ средняго чина, вспыльчивый и тщеславный.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА, его жена, слегка сентиментальная.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, ея сестра 17 лѣтъ.

УХАРЕВЪ, Петербургскій журналистъ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ОЛЕГОВИЧЪ, Московскій литераторъ.

ЛЕОНИДЪ, франтоватый камердинеръ УХАРЕВА.

СИДОРЪ, крѣпостной человѣкъ ОЛЕГОВИЧА, заспанный.

ПРОХОРЪ, прикащикъ ГРОЗНОВА, въ длиннополомъ сюртукѣ, плутоватый, съ краснымъ носомъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1854 году, между Москвою и Петербургомъ, въ деревнѣ, по близости желѣзной дороги.

СОТРУДНИКИ,

ИЛИ

ЧУЖИМЪ ДОБРОМЪ НЕ НАЖИВЕШЬСЯ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Гостиная въ деревнѣ.—Съ каждой стороны по двери; окно въ садъ; двѣ двери въ глубинѣ комнаты; одна изъ нихъ прямо въ садъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Аделаида Павловна сидитъ съ книгой; Ольга Павловна на другой сторонѣ вышиваетъ за пяльцами; въ дверяхъ стоитъ прикащикъ Прохоръ).

ПРОХОРЪ.

Больше приказаній никакихъ не будетъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА, *(звѣвая)*.

Нѣтъ.... а что у васъ тамъ въ полѣ теперь..... пашутъ или жнутъ?

ПРОХОРЪ (*смѣется*).

Чай, сударыня, сами изволите знать.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ахъ! какая несносная жизнь въ деревнѣ! — Вотъ скука-то!....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, (*вздыхая*)

Ахъ, да!!...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Хорошо еще, что мы живемъ на самой желѣзной дорогѣ. Такъ все таки кто нибудь знакомый съ визитомъ пріѣдетъ, а то въ этой Новгородской глуши просто съ тоски умрешь.

ПРОХОРЪ.

А какъ же, сударыня, прикажете съ старостовой дочкой быть..... съ Матреной-то?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А что такое?

ПРОХОРЪ.

Да ортачится все.... за-мужъ нейдетъ.... а дѣвкѣ-то ужъ за двадцать будетъ.—Такъ я такъ думаю: не прикажете ли выдать ее по страсти?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ахъ, да!... да!... по страсти, непремѣнно по страсти. Это первое счастье, первое блаженство въ жизни выйти за-мужъ по влеченью сердца, за того, кого любишь.... (*Про себя*). Не такъ, какъ я. — Меня выдали за-мужъ изъ расчета, изъ денегъ. (*Вслухъ*). Пускай она будетъ счастлива. Пускай идетъ по страсти.

ПРОХОРЪ.

Слушаю-съ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да смотри, представь мнѣ жениха; я сама хочу его видѣть. Кто онъ таковъ?

ПРОХОРЪ.

Да не знаю еще.... сударыня.... какой попадется....

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да ты говорилъ, что она идетъ по страсти?

ПРОХОРЪ.

Извѣстное дѣло, постращать надо маленько. — А то.... что дѣвкѣ-то баловать. — Да вы, сударыня, сумлеваться не извольте. — Вотъ хоша моя хозяйка, — тоже шла за меня по страсти. Отецъ приневолилъ, высѣчь хотѣлъ, — а вотъ-съ, слава Богу, живемъ какъ лучше не требуется.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А... ты этакъ хочешь!—И не смѣй говорить... я этого и слышать не хочу —И барину не говори. Ступай себѣ на работы, а объ этакихъ свадьбахъ и думать не смѣй.

ПРОХОРЪ.

Воля милости вашей.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ну, ступай, ступай же.

ПРОХОРЪ.

Слушаю-съ.

(*Уходитъ, пожимая плечами*).

ЯВЛЕНІЕ II.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА и ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА (*послѣ краткаго молчанія*).

Я никакъ не могу привыкнуть къ необразованности этихъ людей.—У нихъ самое прекрасное, самое святое чувство любви, ни во что не ставится... да навѣ-

стно ли оно имъ? — (*Помолчавъ.*) Впрочемъ, оно, можетъ быть, и лучше; во всякомъ случаѣ счастливѣе! — Они не знаютъ убійственной тоски, душевныхъ волненій, угрызеній совѣсти....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ, да!...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Они не знаютъ вѣчныхъ опасеній и страха.... страха, который....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, (*вздыхая*).

Ахъ, да!...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА, (*вставая*).

Олинька.... Ольга.... Погляди-ка на меня. — Ты это сказала съ такимъ чувствомъ.... Я давно за тобой замѣчаю.... Чтожъ ты отворачиваешься? — Развѣ я не сестра твоя? Поди-ка сюда, погляди на меня хорошенько. — (*Помолчавъ.*) Ты любишь?... (*Ольга кидается сестрѣ на шею. — Молчаніе.*) Бѣдная!... Любитъ!... Не бойся, я тебя понимаю. — Выскажи мнѣ свое горе. Тебѣ будетъ легче. — Ты думаешь я не догадалась..., а я все, все вижу, — Ну, разскажи, Олинька.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я боюсь; ты будешь бранить меня.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Бранить! за что? Развѣ это отъ насъ зависитъ? Ахъ, если бы ты знала.... (*Вкрадчиво.*)... Скажи.... давно?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, (*потупляя глаза*).

Да вотъ уже три года.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Какъ же ты мнѣ не сказала до сихъ поръ?... Въ Москвѣ, вѣрно?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Въ Москвѣ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Когда ты училась у мадамъ Финнушъ? Ну, дѣломъ, видно, занималась. — А какъ его зовутъ?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*застѣнчиво*).

Зачѣмъ тебѣ знать?...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да какъ же? Когда человѣкъ боленъ, надо знать хоть названіе его болѣзни. Онъ молодъ?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Хорошъ.... разумѣется?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да!... Ахъ, да!...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А какъ его зовутъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ты этого.... непремѣнно.... хочешь?... Его фамилія.... Олеговичъ....

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Олеговичъ.... Что это такое?... Я не помню.... Я не слыхала такой фамиліи.... Олеговичъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ нѣтъ, — ты вѣрно слышала. — Онъ тотъ самый, который написалъ эту извѣстную статью о землѣ Тьмутараканской. — Вся Москва объ ней говорила.... Ты, вѣрно, тоже слышала?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, не слыхала. Да онъ Русскій что ли?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какъ же, и страстно любитъ все Русское, все ста-

ринное. Ахъ, еслибы ты слышала, Адель, какъ онъ говоритъ, съ какимъ жаромъ, съ какимъ увлеченьемъ!... И все, знаешь, объ Западѣ, да объ Востокѣ.— Если бы ты видѣла, какія у него глаза тогда, какое выраженіе! — Повѣришь ли, и не поймешь иногда, да заслушаешься.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А ты ему ничего не говорила?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, я съ нимъ много разговаривала.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да не говорила ли ты ему чего.... такого, особеннаго?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какъ.... особенная?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ну, что онъ тебѣ нравится, что ты къ нему не равнодушна.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ нѣтъ! какъ можно!...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ну.... слава Богу.... такъ въ этомъ ничего нѣтъ важнаго, просто шалость, ребячество.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, (*обидясь*).

Нѣтъ, не шалость, не ребячество, вовсе не ребячество. — Зачѣмъ ты меня обижаешь?... а еще сестра! — Нѣтъ, я уже не дитя, Адель.... По ночамъ не сплю. И во снѣ все его вижу. — Хороша шалость! Я живу одной этой шалостью. — Ахъ, если бы ты знала, какъ грустно мнѣ бываетъ, и какъ весело иногда.... А скучно никогда не бываетъ..., право.... Мой мужъ вѣчно занятъ. — Да гдѣ тебѣ меня понять! — Ты живешь не воображенiемъ, а жизнью обыкновенной. Ты никого не любишь!

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Что? я никого не люблю? — а почему ты это думаешь?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*простодушно*).

Вѣдь ты за-мужемъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Такъ что же?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

У тебя твое хозяйство, твои обязанности.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА (*шопотомъ*).

А развѣ сердце приковать можно? Развѣ душа не

стремится къ идеальному? Развѣ женщина, потому что она была брошена непонятливому мужу.... должна уже на вѣки отъ всего.... отъ всего отказаться?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что я слышу, Адель! что это значитъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Это значитъ, что ты еще дитя, что ты не понимаешь еще настоящей страсти. — Да и зачѣмъ тревожить твою невинную душу! — Давай лучше говорить о другомъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ. Я тебѣ все сказала; не скрывайся и ты отъ меня. Развѣ я не сестра тебѣ? Выскажи мнѣ свое горе.... Тебѣ будетъ легче. — Я сама по себѣ чувствую. — Пожалуйста, если ты меня любишь.... я прошу тебя....

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

О, моя исторія, не то, что твоя.... И подумать страшно!...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ, Боже мой! ты меня пугаешь! Да что же такое?...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Насъ, можетъ быть, подслушиваютъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Говори шопотомъ:

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА (*таинственно*).

...Гдѣ, ты думаешь, я была вчера?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вчера?... Постой.... ты была за 15 верстъ, у сосѣдки Андреевой.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ну, а третьяго дня?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ты говорила мужу, что ѣдешь за 18 верстъ, къ помѣщицѣ Ѳадѣевой.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Въ томъ-то и дѣло, что я ни у Андреевой, ни у Ѳадѣевой не была. Я была въ Петербургѣ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Въ Петербургѣ?... за 300 верстъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да, теперь, ты знаешь, по желѣзной дорогѣ легче съѣздить въ Петербургъ, чѣмъ верстъ за десять къ сосѣду, проселкомъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да зачѣмъ же ты ѣздила въ Петербургъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Я ѣздила собственно не въ Петербургъ, а въ Лѣтній Садъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Зачѣмъ же въ Лѣтній Садъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Для свиданія.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ! Боже мой! Да хорошо ли это.... подумай!

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Я обо всемъ передумала.—Но это свыше силъ моихъ. — Я его знаю недавно; но съ тѣхъ поръ, какъ я его узнала, я объ одномъ только и думаю.... какъ бы его видѣть.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да кто онъ таковъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

На что тебѣ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Вѣдь я тебѣ сказала.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ты удивишься, когда услышишь его имя. — Имя такое громкое, такое извѣстное.... Ухаревъ....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ухаревъ.... да я никогда объ немъ не слыхала.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Какъ не слыхала! — Онъ знаменитый Русскій литераторъ, то есть, не литераторъ, а по-настоящему журналистъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что жъ, онъ много пишетъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Какъ же.... то есть.... нѣтъ, онъ ничего не пишетъ. — Онъ издаетъ очень много. — У него работаютъ за него сотрудники. — Онъ такой извѣстный человѣкъ!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

И ты его любишь?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Не знаю еще сама; но онъ меня совершенно отуманилъ, онъ такое имѣетъ вліяніе на меня!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да какъ же ты не боишься мужа?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А развѣ страсть разсуждаетъ? Конечно, мужъ мой ревнивъ и бѣшенъ въ ревности; и если онъ узнаетъ, что въ душу мою вкралось преступное чувство, то будетъ несчастіе. Онъ ни на что не посмотритъ, и не отъ того, чтобъ онъ меня любилъ страстно, — а просто изъ самолюбія.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да вѣдь онъ не дурной человѣкъ. Вспыльчивъ немного, а я, право, его люблю.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ты не жена его. Тебѣ легко.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Только, чтобъ онъ не узналъ того.... онъ такой подозрительный.

Голосъ за кулисами. — Дома барыня?...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ахъ, Боже мой, вотъ и онъ. — Чтобъ онъ только не замѣтилъ, что мы встревожены. — Смотри, ты какъ будто ни въ чемъ не бывало.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Будь покойна. Вѣдь я недаромъ училась у madame Finemouche. Знаю, какъ надо притворяться.

(Въ попыхахъ Аделаида Павловна садится за пяльцы, а Ольга Павловна на ея мѣсто и разсматриваетъ книгу).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и ГРОЗНОВЪ.

ГРОЗНОВЪ.

Вотъ и я. Усталъ, какъ ямская лошадь! Что это ты, Олинька, читаешь?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Не знаю, право.... Русская какая-то книга.... такъ, отъ скуки....

ГРОЗНОВЪ.

А я думалъ, что *для* скуки. А ты, мой другъ, давно ли принялась за вышиванье?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Я помогаю сестрѣ.

ГРОЗНОВЪ.

Вотъ это похвально.... на то и сестры, чтобъ помогать другъ другу. А я ходилъ на желѣзную дорогу. (*Смотритъ на часы.*) Не знаю, что это значитъ— машина что-то нынче опаздываетъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А развѣ ты ждешь кого нибудь?

ГРОЗНОВЪ (*подозрительно*).

Ужъ не ждешь ли ты кого нибудь?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Кого мнѣ ждать!

ГРОЗНОВЪ.

А кто знаетъ. Вотъ, видишь ли, мнѣ хочется сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Съ какой стати?

ГРОЗНОВЪ.

Ну, чтобы доставить тебѣ удовольствіе; а во-вторыхъ, чтобы и люди объ насъ услышали; а то мы живемъ такъ смирно, такъ тихо, точно Нѣмцы въ Парголовѣ. Пора и показать себя. Вотъ, я и вспомнилъ: черезъ двѣ недѣли будутъ твои именины

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Благодарю, что вспомнили.

ГРОЗНОВЪ.

Я этого никогда не забываю. Ну-съ.... слѣдовательно у насъ будетъ праздникъ на славу, балъ, фейерверкъ и театръ. Пускай посмотрятъ эти провинціалы, какъ мы поживаемъ за-просто, въ деревнѣ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да кто же у насъ будетъ играть?

ГРОЗНОВЪ.

Ну вотъ, Олинька, я.... ты....

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, меня нельзя ли избавить. Я сама себѣ сюрпризовъ не намѣрена дѣлать. И къ тому, что же мы играть станемъ? Французскихъ піесъ здѣсь никто не пойметъ, а какъ за Русскія примешься, такъ только вѣдь двѣ и есть хорошихъ: Ревизоръ и Горе отъ ума. Да ихъ всѣ наизусть знаютъ.

ГРОЗНОВЪ, *(потирая себѣ руки)*.

А мы то на что-съ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА *(съ пренебреженіемъ)*.

Вы-съ?

ГРОЗНОВЪ.

Да-съ, мы-съ. Въ старые годы мы пописывали; такъ отчего же и теперь не попытаться.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Помилуйте. Куда вамъ?

ГРОЗНОВЪ.

Вотъ истинное супружеское замѣчаніе! Благодарю за лестное мнѣніе. Впрочемъ, прошу васъ не безпокоиться. Во-первыхъ, мы напишемъ, разумѣется, не комедію, а просто, какую нибудь шутку, пословицу въ лицахъ, — это, какъ вы знаете, со времени *Альфреда де Мюссе*, въ большой модѣ. Во-вторыхъ.... вотъ тутъ-то главное дѣло.... и это должно васъ совершенно успокоить — я буду писать не одинъ, а съ сотрудниками, что также теперь въ модѣ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А кто же эти сотрудники?

ГРОЗНОВЪ.

Повѣришь ли, странное дѣло?! Сотрудники такъ и набиваются. Знаешь ли, что я думаю — я думаю, что меня наконецъ поняли и отдаютъ мнѣ справедливость. Вѣдь у меня было дарованіе. Такъ изволишь-ли видѣть, теперь только догадались, что если я не пишу ничего, такъ это потому, что занятъ службой. Вообра-

зи, вчера, какъ я ѣздилъ въ Москву, и только намекнулъ о своей мысли, такъ тутъ же вызвался ко мнѣ въ сотрудники молодой и, говорятъ, очень умный, ученый молодой человѣкъ, литераторъ, Олеговичъ.

(*Ольга роняетъ книгу.*)

ГРОЗНОВЪ.

Что это съ вами?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ.... ничего.... я васъ заслушалась, такъ книгу уронила.

ГРОЗНОВЪ.

Правду сказать онъ страненъ немножко; а впрочемъ мнѣ понравилась его услужливость; его почтительность къ людямъ извѣстнымъ.... какъ я, напримѣръ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

А ктожъ еще будетъ?

ГРОЗНОВЪ.

И другой еще будетъ. Ну, этотъ поважнѣе Москвича. Этотъ Петербургскій. Вѣдь я третьяго дня ѣздилъ въ Петербургъ; былъ на водахъ у Излера. И какъ

разъ завербовалъ другаго сотрудника, и какого еще! Да ты, я думаю, Адель, его знаешь.... Ухарева. (*Аделаида Павловна роняетъ пяльцы*). Что это вы какія неловкія сегодня?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Я.... ничего.... клубокъ уронила, такъ вотъ и пяльцы....

ГРОЗНОВЪ (*подозрительно*).

Ты Ухарева знаешь?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА (*спокойно*).

Нѣтъ. Не знаю.... никогда не видала. Кто онъ такой?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*въ сторону*).

Ахъ какъ хорошо притворяется! Я-бъ этакъ не съумѣла.

ГРОЗНОВЪ.

Ухаревъ молодой журналистъ. Ну, знаешь, время лѣтнее.... Журналы дремлютъ. Онъ мнѣ сказалъ, что радъ отдохнуть въ деревнѣ. Потому что для поэта.... ты понимаешь.... деревня, природа.... березы.... грибы.... послѣ Петербургской мостовой.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Охота тебѣ приглашать къ себѣ Богъ знаетъ кого! Никогда не спросишь у меня, согласна ли я. — Только и думаешь, чтобъ было по твоему.

ГРОЗНОВЪ.

Да вѣдь твои имянины.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Такъ чтожъ, что мои имянины! На счетъ моихъ имянинъ ты могъ бы со мной, кажется, посовѣтоваться.

ГРОЗНОВЪ.

Такъ ты не хочешь домашняго спектакля?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Что въ немъ! — Конечно, хорошій спектакль дѣло здѣсь неслыханное.

ГРОЗНОВЪ.

То-то я и думалъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

А почему ты думаешь, что онъ будетъ хорошъ?

ГРОЗНОВЪ.

Ужъ будь покойна — сотрудники мои извѣстные, даровитые люди. — Ну, да и я не совсѣмъ изъ ума выжилъ. — Не сердись только, мой другъ; такъ отпразднуемъ твои имянины, что по всему околодку трескъ пойдетъ! Куда же ты?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да вѣдь пріодѣться надо; ты никогда не предваришь. Надо приказать на счетъ завтрака, на счетъ комнатъ: сдѣлать распоряженія. (*Въ сторону.*) У меня сердце такъ и замираетъ. (*Вслухъ*). И охота тебѣ праздновать мои имянины! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГРОЗНОВЪ и ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

ГРОЗНОВЪ.

Ну.... а ты, Олинька, что скажешь? Хорошо я придумалъ.... на счетъ этого театра?...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ, братецъ, такъ хорошо, что и сказать нельзя. Я такъ довольна, такъ счастлива....

ГРОЗНОВЪ.

Погляди пожалуйста!—Хорошо, что ты не мужчина, а то была бы театраломъ. Даже въ лицѣ измѣнилась,—Давно ли у тебя эта страсть къ театру?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ, я бы разцѣловала тебя.

ГРОЗНОВЪ.

Цѣлуй, сдѣлай одолженіе, цѣлуй. Я уже обо всемъ распорядился.—Театръ и кулисы намъ привезутъ изъ Петербурга.—Ну, а піеса.... это пустяки.—Мы ее съ разу наваляемъ въ троемъ, послѣ завтрака. Въ Парижѣ, ты знаешь, всегда такъ дѣлается. Соберутся два, три пріятеля.—Разберутъ все между собою. Одинъ сцену, другой сцену, третій сцену.—Вотъ и комедія. А мы чѣмъ хуже Французовъ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Конечно, ничѣмъ.

ГРОЗНОВЪ.

Знаешь ли, что меня забавляетъ?... Сколько будетъ толковъ послѣ нашей піесы!.... И не только по сосѣдству, но и въ обѣихъ столицахъ. Слышали, какой Грозновъ задалъ пиръ? Самъ піесу написалъ съ товарищами.... былъ балъ, фейерверкъ, иллюминація.... мастеръ жить, всѣхъ перещеголялъ. Я думаю, сосѣдъ нашъ Андреевъ съ досады лопнетъ. Да сама посуди, гдѣ ему со мной тягаться! (*Слышенъ свистъ машины и звонъ колокольчика.*) А, наконецъ, вотъ и машина пришла. Пойду гостямъ на встрѣчу. Такъ ты будешь играть?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Все что угодно.

ГРОЗНОВЪ.

Ты бывала въ Москвѣ въ театрѣ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

О, нѣтъ, насъ изъ пансіона не пускали.

ГРОЗНОВЪ.

Да какъ же ты любишь театръ?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да ужъ.... такъ.... люблю.

ГРОЗНОВЪ.

И хорошо дѣлаешь, мой другъ, потому что театръ, мой другъ, это такая вещь, это не простая игрушка, нѣтъ, а школа, такъ сказать, въ которой каждый.... и не только каждый, но и всякій.... но и всѣ.... могутъ найти нѣкоторымъ образомъ.... Ну, да теперь мнѣ некогда, я объясню это тебѣ въ другой разъ. (*Поспѣшно уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ОЛЬГА, одна.

Онъ не забылъ меня.... онъ для меня сюда прі-

ѣхалъ.... какое счастье! Какъ весело жить! (*Глядитъ въ окно.*) Ахъ, вотъ и онъ, все въ прежнемъ нарядѣ.... все такъ же хорошъ.... а я.... Ну, какъ онъ найдетъ, что я подурнѣла.... страхъ какой!... Пойти поглядѣться въ зеркало. — А потомъ сейчасъ.... сейчасъ же прійду сюда, будто нечаянно, чтобъ онъ не думалъ, что это для него.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ОЛЕГОВИЧЪ, ПРОХОРЪ и СИДОРЪ.

(*Олеговичъ въ красной рубашкѣ, въ старинномъ полукафтаньѣ и мурмолкѣ. Сидоръ въ армякѣ, перепоясанномъ ремнемъ; онъ несетъ небольшой чемоданчикъ и связку книгъ.*)

ПРОХОРЪ.

Пожалуйте сюда-съ, въ эту комнату. — Она у насъ для гостей. (*Въ сторону*). Вишь, какъ одѣтъ чудно! Должно быть изъ Нѣмцевъ.

СИДОРЪ.

Сюда, что ли? (*Идетъ въ комнаты*).

ПРОХОРЪ.

Сюда.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Ты книгъ не разтерялъ?

СИДОРЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Вотъ, въ особенности не уронилъ ли ты моей диссертаціи о землѣ Тмутараканской?

СИДОРЪ.

Помилуйте-съ:—она тяжелая.

ПРОХОРЪ, *(не разслышавъ)*.

Какъ-съ?... въ господскомъ домѣ нѣтъ-съ;—а вотъ у насъ, такъ много—не знаемъ какъ сладить.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Я это привезъ въ подарокъ хозяину.

ПРОХОРЪ *(въ сторону)*.

Вишь, чудакъ какой! съ какими подарками ѣздитъ!

ОЛЕГОВИЧЪ.

Хорошо, — ступайте.... (*Прохоръ и Сидоръ входятъ въ комнату на право*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОЛЕГОВИЧЪ *одинъ*.

Жалкое изобрѣтеніе, незавидный прогрессъ.... эти паровыя машины. Бурный потокъ безумнаго времени! Летишь себѣ, летишь, летишь, безъ оглядки, не опомнясь. А тутъ по дорогѣ живописныя селенія, мирныя общины. Тамъ раздается звонкая, задушевная, родная пѣснь. — Тутъ трудолюбивый селянинъ, потомокъ славныхъ Варяговъ, (*Подумавъ*).... а можетъ, и Чуди.... а можетъ, и Веси.... а можетъ, и Мери.... какъ бы то ни было.... Русской селянинъ нагнулся надъ сохой и шепчетъ себѣ народныя, коренныя, неиспорченныя слова. Такъ и хочешь броситься къ нимъ, сжать ихъ въ своихъ объятіяхъ, а тутъ.... (*Подражаетъ свисту машины.*) летитъ себѣ машина, летишь себѣ, какъ прикованный къ чужой силѣ; а пуще всего досадно то, что это необозримое пространство, которымъ такъ несказанно гордились мы, которое такъ роскошно раскинулось на полсвѣта, теперь совершенный вздоръ, совершенные пустяки, даже вовсе не существуетъ.— Помилуйте! утромъ былъ въ Москвѣ на лекціи, толь-

ко что успѣлъ поспорить о Печенегахъ, да о Кривичахъ; глядь.... къ обѣду, уже въ древнемъ Ганзейскомъ Новгородѣ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ОЛЕГОВИЧЪ и ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ, Вечеславъ Владиміровичъ....

ОЛЕГОВИЧЪ.

Ольга Павловна! (*Молчаніе*).

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*робко*).

Какими судьбами?...

ОЛЕГОВИЧЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Такъ-съ, случай такой....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Такъ неожиданно....

ОЛЕГОВИЧЪ.

Я самъ не думалъ.... не надѣялся. Впрочемъ, если вамъ непріятно, я уѣду.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Помилуйте, я очень рада.

ОЛЕГОВИЧЪ (*ободрившись*).

Извините, сударыня, что я являюсь передъ вами не въ нарядѣ моднаго шута. Я зналъ, что вы, какъ русская дѣвушка, не будете гнушаться одеждой вашихъ праотцевъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Конечно.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Я не ошибся въ васъ. Я видѣлъ въ глазахъ вашихъ, что вы дочь Русской земли: васъ Богъ благословилъ румянцемъ и красотой. (*Съ чувствомъ.*) Ахъ, за чѣмъ только не носите вы сарафана?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, (*вздыхая*).

Нельзя, Вячеславъ Владиміровичъ, нельзя. Сестра не позволитъ. Вы знаете, она Петербургская.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Охъ, ужъ этотъ мнѣ Петербургъ! Много мнѣ было горя, когда вы переѣхали въ Петербугъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*нѣжно*).

Право?

ОЛИГОВИЧЪ.

Я боялся.... я предчувствовалъ, что эта тревожная жизнь отуманитъ ваше юное воображеніе, отдалитъ васъ отъ чистыхъ внушеній природы и родины.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Ахъ! какъ можно!...

ОЛИГОВИЧЪ.

Такъ вы не забыли нашей старухи Москвы? вы помните тѣ вечера, гдѣ мы съ товарищами такъ горячо спорили; а вы одобряли насъ свѣтлой улыбкой?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, *(вздыхая)*.

Счастливое было время!

ОЛИГОВИЧЪ.

А помните ли тотъ вечеръ, когда я говорилъ о святомъ семейномъ началѣ и такъ умиленно глядѣлъ на васъ? (*Торжественно*). Я говорилъ о достоинствѣ и значеніи женщины въ нашемъ быту, о трогательномъ смыслѣ нашихъ теремовъ, и съ восторгомъ, быть можетъ неумѣстнымъ, олицетворялъ въ васъ, въ васъ лучшую мечту, глубоко затаенную въ сердцѣ.—И вы взглянули на меня съ такимъ выраженіемъ.... вотъ почти какъ теперь.... сердце мое забилось. Я не помнилъ, что говорилъ.... но когда я очнулся, рука ваша была въ моей рукѣ, и я просилъ у васъ позволенья надѣяться (*Скороговоркой.*) что когда у меня будетъ

казенная квартира, жалованье и мѣсто съ приличнымъ содержаніемъ, вы не откажетесь быть женою Русскаго человѣка.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Я и теперь не измѣнилась, Вечеславъ Владиміровичъ. Я не забыла того вечера, я никогда его не забуду. Только мужъ сестры моей человѣкъ честолюбивый и тщеславный!... Я отъ него завишу. Я боюсь его. Онъ вспыльчивый, рѣшительный человѣкъ. Я знаю, онъ хочетъ меня выдать за одного Петербургскаго чиновника.

[illegible]

За чиновника! Вы, Ольга Павловна, свѣтлая дума Русской души, вы выйдете за чиновника!... Нѣтъ, я этого не допущу—подождите только немного. Я напишу еще три диссертаціи, одну о происхожденіи буквы ѣ, другую о Несторовой лѣтописи, третью объ Чешскомъ корнесловіи. Я отрою новые разряды, новыя лѣтописи. Но я составлю себѣ имя, такое громкое имя, что меня сдѣлаютъ профессоромъ, и вашъ опекунъ согласится на мое счастіе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Дай-то Богъ! я буду ждать.

[illegible]

Ольга Павловна,... вы Ангелъ,... я заслужу ваше довѣріе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*конфиденціально*).

Какъ вы это умно придумали, что сюда пріѣхали.

[illegible].

Чтожъ дѣлать! согрѣшилъ передъ наукой, прикинулся водевилистомъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

А вы комедій развѣ не писали?

[illegible].

Помилуйте, сроду не писалъ литературной строчки. Вѣдь я пишу только ученыя статьи.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да вы все съумѣете. (*Шумъ.*) Идутъ, кажется, я пойду къ сестрѣ. До свиданія. (*Лукаво*). Что хорошо у насъ въ деревнѣ?

[illegible].

Рай земной.

ОЛЬГА [illegible].

То-то-же, насилу догадались пріѣхать. Не опоздайте же къ завтраку. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ОЛЕГОВИЧЪ, ПРОХОРЪ, УХАРЕВЪ, его слуга ЛЕОНИДЪ, и еще двое слугъ ГРОЗНОВА, съ чемоданами и ящиками.

УХАРЕВЪ.

Гдѣжъ твой баринъ?

ПРОХОРЪ.

На встрѣчу къ вамъ пошли; видно, разошлись.

ЛЕОНИДЪ.

Эй, деревенщина, куда же намъ вещи тащить?

ПРОХОРЪ.

Да ужъ сюда пожалуйте, лучшую комнату мы ужъ отдали.

ЛЕОНИДЪ.

Ну, вы, олухи, тащите. (*Леонидъ и слуги съ вещами входятъ въ комнату*).

УХАРЕВЪ.

А барыня дома?

ПРОХОРЪ.

Дома-съ.

УХАРЕВЪ.

Ступай, доложи, что пріѣхалъ Господинъ Ухаревъ.

ПРОХОРЪ.

Слушаюсь-съ. (*Уходитъ*).

ОЛЕГОВИЧЪ.

Какъ, вы Господинъ Ухаревъ, журналистъ?

УХАРЕВЪ (*въ сторону*).

Это что за рожа?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Позвольте взглянуть на васъ.

УХАРЕВЪ.

Гляди, любезный, гляди. Ты, видно, грамотный, слышалъ про меня? Это удивительно, какъ въ этомъ классѣ развивается уже просвѣщеніе.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Позвольте вамъ замѣтить....

УХАРЕВЪ.

Послушай-ка, любезный, гдѣ же твои господа? Кромѣ болвана прикащика, да тебя, видно никого въ домѣ нѣтъ.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Да вы ошибаетесь.

УХАРЕВЪ.

Что?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Вы что про меня думаете?

УХАРЕВЪ.

Да что ты на меня глаза вытаращилъ?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Нѣтъ, это нестерпимо! Я Русскій человѣкъ, а не мужикъ. Тутъ большая разница. — Я не позволю такъ говорить съ собой. — Да-съ, я-съ.... Олеговичъ.... понимаете теперь? Тотъ [illegible], котораго вы раскритиковали въ вашемъ журналѣ, и безъ всякаго основанія. Потому что, во первыхъ, изволите видѣть.... По первому моему положенію, земля Тмутараканская....

УХАРЕВЪ.

Ахъ, это васъ? я статьи не помню, а впрочемъ... очень пріятно.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и ГРОЗНОВЪ.

ГРОЗНОВЪ.

Извините, господа, извините; я побѣжалъ къ вамъ

на встрѣчу черезъ амбары; а мы, видно, прошли черезъ плотину. Что это машина нынче опоздала? Вы между собою знакомы?

УХАРЕВЪ.

Сейчасъ познакомились.

ГРОЗДОВЪ.

Какъ же я радъ, что вы согласились посѣтить мою избушку! Но, я думаю, вы проголодались.... надо сперва угостить любезныхъ сотрудниковъ. Вѣдь вы не забыли, что мы сотрудники?

УХАРЕВЪ.

За тѣмъ пріѣхали.

[illegible].

Такъ сказано!

ГРОЗДОВЪ.

Черезъ двѣ недѣли именины жены моей, — такъ вы сами видите, что времени терять нечего. Мы сперва позавтракаемъ, а потомъ тотчасъ и примемся за дѣло. Не такъ ли? Напишемъ піесу, господа, разумѣется, не важное что нибудь; а такъ, просто, шутку, а propos водевильчикъ или картинку съ куплетами. Вѣдь на это, я думаю, не много времени нужно.

[illegible].

Съ недѣлю, по крайней мѣрѣ.

УХАРЕВЪ.

Помилуйте!... полчаса будетъ довольно.

ГРОЗНОВЪ.

Такъ милости просимъ въ столовую. Вы меня извините, завтракъ деревенскій.—Пойдемте же.... Господинъ.... я все забываю вашу фамилію.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Олегóвичъ.

ГРОЗНОВЪ.

Ахъ, да, виноватъ.—Пойдемте. А вы что?

УХАРЕВЪ.

Сейчасъ прійду, только два слова надо сказать человѣку.

ГРОЗНОВЪ, *(уходя съ Олеговичемъ)*.

Ну, такъ мы васъ ждемъ.

УХАРЕВЪ.

Сейчасъ, сейчасъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

УХАРЕВЪ *(одинъ)*.

Наконецъ я здѣсь, какъ сказалъ бы какой нибудь

первый любовникъ Александринскаго Театра, здѣсь, въ деревнѣ моей Аделаиды Павловны. — Отличная барыня, это моя Аделаида Павловна, право; а мужъ-то, кажется, просто идіотъ.... играть комедіи вздумалъ, вотъ шалунъ-то!... Леонидъ! (*Леонидъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

УХАРЕВЪ и ЛЕОНИДЪ.

ЛЕОНИДЪ.

Помилуйте, сударь, такую комнату дали, что....

УХАРЕВЪ.

Не въ томъ дѣло. Подай мнѣ дорожный несессеръ.... нѣтъ, не надо. Погляди только: прическа въ порядкѣ?

ЛЕОНИДЪ.

Въ порядкѣ-съ.

УХАРЕВЪ.

Галстухъ надѣтъ [illegible]

ЛЕОНИДЪ.

Хорошо-съ.

[illegible].

Небрежно?

[illegible].

Небрежно-съ.

УХАРЕВЪ.

Ну, почисти мнѣ сертучокъ. Да вотъ что, провѣдай хорошенько въ домѣ, какъ, и что.... ну знаешь, какъ въ прошломъ году, на Черной рѣчкѣ.

[illegible].

То есть, на счетъ того-съ?

УХАРЕВЪ.

Ну да! комната моя здѣсь?

[illegible].

Здѣсь, да что за комната! Намъ этакая комната не годится.—Мужику [illegible]кому, говорятъ, лучшую отдали.

УХАРЕВЪ.

Ну, не разсуждай, а справься вотъ о чемъ: спитъ ли мужъ послѣ обѣда, ходитъ ли гулять барыня въ садъ одна? кто у нея бываетъ?

ЛЕОНИДЪ.

Да онѣ, кажется, сами идутъ.

УХАРЕВЪ.

Чтожъ ты стоишь! Убирайся вонъ скорѣй! (*Толкаетъ его вонъ; Леонидъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

УХАРЕВЪ и АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА (*въ большомъ волненіи*).

Ахъ, Боже мой, какая неосторожность! Я вся дрожу.... какъ можно было, не предваривши меня.... мужъ мой чуть чуть не замѣтилъ.—Какъ это вы рѣшились!

УХАРЕВЪ.

Страсть все превозможетъ. Я сказалъ вамъ, что найду средство быть у васъ, и вотъ я.... здѣсь.... у васъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Какъ же? И вы думаете здѣсь остаться?...

УХАРЕВЪ.

Это совершенно отъ васъ зависитъ. Если вы меня въ самомъ дѣлѣ любите, я готовъ посвятить вамъ всю жизнь.—Если то[illegible]... ну, разумѣется, тогда будетъ другая рѣчь.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

[illegible], Ухаревъ, я вамъ откровенно признаюсь. Вы сами видите, что я ищу случая васъ видѣть... [illegible] это показываетъ, [illegible].—Но вы понимаете, что есть обязанности, которыхъ нарушить нельзя.—Я замужемъ.

УХАРЕВЪ.

Такъ что же! Неужели въ наше время такое ничтожное обстоятельство можетъ быть препятствіемъ!...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Я убѣждена, [illegible]нное чувство наказывается само собой. А раскаяніе, мой другъ, а старость съ угрызеніями совѣсти, развѣ вы объ этомъ не подумали? Вы всѣ, мужчины, эгоисты. Только объ себѣ думаете. Было бы только по вашему.

УХАРЕВЪ.

Это вашъ отѣцъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Какого же еще хотите?

УХАРЕВЪ (*рѣшительно*).

Вы меня не любите.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Вы думаете?...

УХАРЕВЪ.

Я въ этомъ убѣжденъ. Любовь такъ не разсуждаетъ, потому что она не разсуждаетъ вовсе. Извольте видѣть, по моему есть только два разряда женщинъ, заслуживающихъ уваженія. Первыя посвящаютъ всю жизнь свою строгому долгу; вторыя безусловному чувству. Но тѣ, которыя на рубежѣ долга и чувства, заманиваютъ, чтобъ обмануть; тѣ, которыя играютъ любовью какъ вѣеромъ, тѣ просто кокетничаютъ, то есть занимаются самымъ, извините, жалкимъ ремесломъ, и отъ нихъ я готовъ бѣжать по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Вы жестоки, Ухаревъ.

УХАРЕВЪ.

Я говорю правду. — Я не желаю забавлять досуговъ скучающей кокетки. — Я уже не въ первой молодости, и къ тому же Русской литераторъ; слѣдовательно ни для кого забавнымъ не бывалъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Что же вы думаете?

УГАРОВЪ.

Я думаю извиниться передъ вашимъ мужемъ, скажу, что нарочно за тѣмъ пріѣхалъ, но что занятія мои не позволяютъ мнѣ участвовать въ его комедіи; а въ вашей, сударыня, комедіи.... вы сами видите, что я участвовать болѣе не могу.—Прощайте....

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Останьтесь....

УГАРОВЪ.

О, я бы жизнію пожертвовалъ, чтобъ остаться! — Но для этого мнѣ надо васъ видѣть.... Скажите когда?...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Берегитесь, идутъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ и ПРОХОРЪ.

ПРОХОРЪ (въ дверяхъ).

Баринъ проситъ къ фрыштыку.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Сейчасъ, сейчасъ.... Ступай.

УХАРЕВЪ.

Послушайте.... вотъ моя комната. Бросьте мнѣ туда записку.... когда и гдѣ я могу васъ видѣть.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ахъ, Боже мой! чего вы отъ меня хотите!

УХАРЕВЪ.

Рѣшайтесь.... Умоляю васъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да.... какъ же....

УХАРЕВЪ.

Да вотъ, хоть въ замочную щелку.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Не знаю, право....

УХАРЕВЪ.

Рѣшайтесь ... Не то прощайте на вѣки.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА, (*шопотомъ*).

Берегитесь.... Онъ насъ можетъ подслушать. (*Вслухъ.*) Угодно вамъ завтракать?

УХАРЕВЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

(Подаетъ ей руку и оба уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ПРОХОРЪ, а потомъ ЛЕОНИДЪ и СИДОРЪ.

ПРОХОРЪ.

Эва, прощалыгъ—то наѣхало! Охота барину связываться съ этими лизоблюдами! Хоть одинъ бы на чай подарилъ.... Да вотъ этотъ что-то сладко на барыню поглядываетъ.... чего добраго.... вотъ тебѣ и желѣзная дорога.... въ конецъ разодолжитъ.

ЛЕОНИДЪ.

Эй ты, чучело! что стоишь? Нѣтъ у васъ въ домишкѣ получше комнаты?—Мы такъ жить не привыкли.

ПРОХОРЪ.

А въ чемъ же дурна комната?

ЛЕОНИДЪ.

По тебѣ, извѣстно, хороша, когда лучше не виды-

валъ; а по нашему, никакого вещественнаго соображенія не имѣетъ. Туалета поставить негдѣ, кромѣ какъ у окна.—Просто, какая-то меланхолическая.

(*Сидоръ заспанный выходитъ изъ другой двери.*)

СИДОРЪ.

Землякъ, а землякъ, гдѣ-бъ тутъ закусить, да прикурнуть маненько? [illegible]а.

ПРОХОРЪ.

Сейчасъ, вотъ съ этимъ надо сперва сладить.

СИДОРЪ.

А ему чего?

ПРОХОРЪ.

Вишь.... комнатой недоволенъ.

СИДОРЪ.

Да какой ему еще надо? Комната хорошая; вишь какая краска, чистый голубецъ! Даже въ глазахъ рябитъ.

ПРОХОРЪ.

Ну, такъ пойдижъ, толкуй съ нимъ.

ЛЕОНИДЪ.

Да гдѣ вамъ, мужикамъ, понимать столичныя; такъ

сказать, поведенціи. Вотъ поглядѣли бы, какъ мы съ бариномъ живемъ. Все шпалеры, да ковры; любо дорого взглянуть. На стѣнахъ все полтреты и лицы такія важныя.... Не то простой человѣкъ, Министръ заѣдетъ — показать необидно. Передня, гостиная вся бархатная, спальня, уборная, а въ уборной два комода красного дерева, шкафъ ясневый, да столикъ не то орѣховый, не то подъ орѣхъ. Однихъ панталоновъ у насъ двадцать четыре пары, жилетокъ дюжинъ пять будетъ, три пальто зимнихъ, четыре пальтошекъ лѣтнихъ, а бѣлья-то, носковъ, да сапоговъ — не перечтешь. Вотъ какъ люди живутъ, съ полнымъ, можно сказать, удовольственнымъ распоряженіемъ.

СИДОРЪ.

А что, землякъ, какъ бы закусить?

ЛЕОНИДЪ.

А вотъ заѣдешь къ этакимъ олухамъ, такъ просто слова стыдно тратить. Никакой филантропіи не понимаютъ.

СИДОРЪ.

Ты что шумишь?

ЛЕОНИДЪ.

Да говорятъ тебѣ, мы въ такой комнатѣ жить не можемъ.

СИДОРЪ.

Ну, такъ бери нашу; по насъ все равно, гдѣ бы ни спать.

ЯМЩИКЪ.

То-то же, бери нашу; надобно вздремнуть, покуда еще рано.

ПРОХОРЪ.

Да лучше и въ цѣломъ домѣ нѣтъ.

ЯМЩИКЪ.

Ну, покажи-ка.... ну да, эта будетъ поосновательнѣе. У насъ передняя была такая, а впрочемъ по дорожному. Перетаскивай-ка, (*Сидору*) свою рухлядь, а (*Прохору*) ты мнѣ помоги.

(*Начинаютъ перетаскивать вещи.*)

ПРОХОРЪ (*про себя*).

Эхъ ты эгоза, эгоза! Не будь ты барскимъ гостемъ, посчиталъ бы я тебѣ ребра.

СИДОРЪ.

А что, баня есть у васъ?

ПРОХОРЪ.

Сегодня топили.

ЛЕОНИДЪ.

Ты покажи.... да накушать бы прежде.

ПРОХОРЪ.

А ты, мусью, проголодался что ли?

ЛЕОНИДЪ.

Да я бы поѣлъ теперь устрицъ или фазановъ, шпикованныхъ съ труфелью. Да вы, чай, не понимаете что это такое!

СИДОРЪ.

Похлѣбалъ бы, братъ, селянки.

ПРОХОРЪ.

То-то все вы, голодные. Ну, ужъ чѣмъ Богъ послалъ. Пойдемте пока. Я проведу васъ отсюдова.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ГРОЗНОВЪ, УХАРЕВЪ и ОЛЕГОВИЧЪ, *(нѣсколько раскраснѣвшись).*

УХАРЕВЪ.

Отличная у васъ мадера. Вы у Рауля берете?

[illegible].

Нѣтъ, въ Англійскомъ магазинѣ. Однако, господа, играть-то намъ черезъ двѣ недѣли, а піеса еще не начата. Не приняться ли за дѣло?

ОЛИГОВИЧЪ.

Попытаемся.

ГРОЗНОВЪ.

Мы, знаете, господа, этакъ по Парижскому, шутя... всѣ вмѣстѣ. (*Въ сторону.*) Авось они помогутъ. А я уже ломалъ себѣ голову.... ничего не придумалъ.

УХАРЕВЪ.

Позвольте сѣсть только. (*Садится. Въ сторону.*) Пиши, голубчикъ, я тебѣ сдѣлаю, mon cher, такой сюрпризъ, какого ты никакъ не ожидалъ.

ОЛИГОВИЧЪ.

Однако, я полагаю, что надобно узнать сперва, въ чемъ именно заключается предметъ, то есть цѣль нашего совѣщанія. (*Въ сторону.*) Вотъ теперь попался! Воображенія, творчества, ни на волосъ. Развѣ они выручатъ.

ГРОЗНОВЪ.

И такъ, господа, мы приступимъ къ дѣлу. Мы сочинимъ для именинъ жены моей піеску. Вамъ, конечно, извѣстны пословицы Альфреда Мюссе?

УХАРЕВЪ.

Какъ не знать: Капризъ, напримѣръ, chef d'oeuvre, почтеннѣйшій, настоящій chef d'oeuvre.

ОЛИГОВИЧЪ.

Помилуйте, Французскій фарсъ, и больше ничего. Такъ, легонькое себѣ дрянцо.

УХАРЕВЪ.

Да вы читали?

ОЛИГОВИЧЪ.

Нѣтъ, не читалъ, да и читать не буду, да и вамъ не совѣтую. Эхъ, право, пора намъ не перенимать болѣе у этой жалкой, испорченной, отцвѣтшей Французской литературы. Нѣтъ въ ней ни здоровой мысли, ни направленія!—Да-съ, пора намъ приняться за свои народные источники. Вотъ гдѣ мы должны почерпать свои произведенія!

УХАРЕВЪ.

Такъ почерпните же, любезнѣйшій, почерпните, хоть на водевильчикъ.

ОЛИГОВИЧЪ.

Я нахожу ваше замѣчаніе весьма неумѣстнымъ. Развѣ Русскій геній можетъ унизиться до водевиля!

ГРОЗНОВЪ.

Позвольте, господа. Дѣло вотъ въ чемъ. Мы хотимъ для именинъ жены моей....

УХАРЕВЪ (*перебивая*).

Вы уже говорили.... Мнѣ кажется, что намъ сперва надо придумать какую нибудь любовную интригу. Потому что главное основаніе всякой комедіи.... все таки любовь....

ОЛЕГОВИЧЪ.

Только, въ какомъ смыслѣ?

УХАРЕВЪ.

Въ любовномъ смыслѣ.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Нѣтъ-съ.—Это предметъ чрезвычайной важности. Я не полагаю, чтобъ любовь проявлялась у насъ, какъ у прочихъ народовъ Индо-Германскаго, или лучше, Индо-Европейскаго происхожденія. Даже, безъ дальнихъ отступленій, если только обратить вниманіе на два антропоморфическіе миѳа, изображающіе у Славянъ любовь, какъ-то Ярило и Припекало, то ужъ можно.... нѣкоторымъ образомъ....

ГРОЗНОВЪ.

Да не въ Ярилѣ дѣло, мы хотимъ для именинъ жены моей....

УХАРЕВЪ.

Знаете.... всего лучше.... возьмемте какой-нибудь Французскій водевиль, да и переложимъ на Русскіе нравы. Вѣдь намъ Французовъ не перещеголять: у нихъ всякая глупость выходитъ какъ-то умно; а у насъ иное и умно задумано, а пишется какъ-то тяжело. Конечно, передѣланный водевиль продать нельзя, я самъ за него гроша не дамъ. Ну, да вѣдь у насъ тутъ дѣло не коммерческое, а литературное, чисто для удовольствія.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Нѣтъ, а я несогласенъ. Я даже и въ шутку не стану подражать западникамъ.

УХАРЕВЪ.

По-неволѣ подражать станете, коли сами-то не въ состояніи ничего придумать.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Да дай Богъ и не придумывать вашихъ Петербургскихъ нелѣпостей.

УХАРЕВЪ.

Да все таки онѣ лучше вашего Московскаго застоя.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Да мы, по крайней мѣрѣ, стоимъ твердо; — а вы подвигаетесь назадъ.

УХАРЕВЪ.

Бранится легко; не то что понимать.

ОЛИГОВИЧЪ.

Да мы и понимать васъ не хотимъ. Вы думаете, что писанное нахальство не то же нахальство.

УХАРЕВЪ.

А вы думаете, что бездарность ученая, не та же бездарность.

ОЛИГОВИЧЪ.

Да вы меня оскорбляете!

УХАРЕВЪ.

Да я васъ.... (*Кидаются другъ на друга. Грозновъ ихъ разнимаетъ.*)

ГРОЗНОВЪ.

Позвольте, позвольте, любезные сотрудники. Мы совершенно удалились отъ нашего занятія. — Обратимся же къ нему. Мы хотимъ для именинъ жены моей....

ОЛИГОВИЧЪ.

Да нѣтъ, — я не дамъ обижать нашихъ.

УХАРЕВЪ.

Я не позволю оскорблять себя.

[illegible]О.

Господа, пожалуйста, все это въ сторону; послѣ успѣете наспориться вдоволь. Дѣло теперь о комедіи.... Мы хотимъ для [illegible] жены моей....

УХАРЕВЪ.

Знаете ли что? я думаю, надо сперва пріискать названіе, а по названію и сюжетъ опредѣлится самъ собой.

ОДИГОВИЧЪ.

А я думаю на оборотъ.

ГРОЗНОВЪ.

Ну, вотъ хорошо, хорошо, господа, начнемъ-те хоть съ заглавія. Мы говорили, что будемъ писать пословицу; ну, такъ придумаемъ такую, которая бы пригодилась для комедіи.

УХАРЕВЪ.

Нѣтъ ничего легче.

[illegible]

[illegible] много.

ГРОЗНОВЪ.

Давайте думать, господа.

УХАРЕВЪ.

Подумаемъ.

[illegible].

Будемъ думать. (*Молчаніе.*)

[illegible].

Нашли?...

[illegible].

Нѣтъ.

УХАРЕВЪ.

Нѣтъ еще. (*Молчаніе.*)

ГРОЗНОВЪ.

Нашелъ... Нѣтъ, не годится...

УХАРЕВЪ.

Я давича прочиталъ въ *Снѣгиревѣ* довольно любопытную пословицу: — И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится.

[illegible].

Это пословица не Русская. Ее Сенека приписываетъ Императору Клавдію. — А если выбрать настоящую Русскую, такъ вотъ: — Вотъ-те бабушка и Юрьевъ день.

[illegible].

Обѣ пословицы прекрасны.... Только какъ же при-

ладить къ именинамъ жены моей? — Вы какъ бы думали, Г. *Олеговичъ*, облечь эту пословицу въ драматическую форму?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Въ форму.... конечно.... надо придумать. Ну, положимъ именины вашей супруги какимъ нибудь образомъ.... Тутъ.... съ одной стороны.... Ну, а съ другой Юрьевъ день, который, какъ извѣстно, до Царя Ѳедора Іоанновича....

ГРОЗНОВЪ.

Да позвольте.... гдѣ же тутъ именины жены моей? Я думаю, не легче ли будетъ сообразить на бумагѣ.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Какъ вамъ угодно. (Что я стану писать!)

ГРОЗНОВЪ.

И прекрасно; вотъ бумага и перо. (*Олеговичъ садится писать*).

ГРОЗНОВЪ.

Ну, а вы, Г. Ухаревъ, какъ была ваша пословица?

УХАРЕВЪ.

И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится.

ГРОЗНОВЪ.

Какъ же вы думаете это представить?

УХАРИНЪ.

Очень просто.—Пѣтухомъ можетъ быть какой нибудь мужъ.

ГРОЗНОВЪ.

Отъ чего же мужъ.

УХАРИНЪ.

Ну, извѣстно.... ужъ.... мужъ. Вотъ онъ и храбрится, потому, что онъ пѣтухъ, т. е. мужъ.—Жена у него хорошенькая, а онъ пѣтушится, то есть храбрится.... За ней ухаживаетъ молодой человѣкъ, а мужъ ничего не видитъ, потому что онъ мужъ, то есть пѣтухъ.... все храбрится только.... все храбрится.

ГРОЗНОВЪ.

Да отчего же онъ ничего не видитъ?

УХАРИНЪ.

Нашла куриная слѣпота, видно.... только храбрится. А тутъ будутъ свиданья, объясненія.... все какъ слѣдуетъ.

ГРОЗНОВЪ.

Да какъ же вы это сдѣлаете?

УХАРИНЪ.

Да вы ужъ положитесь на меня: я все это обдѣлаю.

ГРОЗНОВЪ.

Ну, вотъ спасибо, такъ спасибо. Возьмите-ка тоже листъ бумаги, да пишите что въ голову придетъ.

УХАРИНЪ.

Что вамъ придетъ въ голову?

ГРОЗНОВЪ.

Нѣтъ, вамъ.

УХАРИНЪ.

Извольте, положитесь на меня.

ГРОЗНОВЪ.

Ну, теперь и я сяду. — Вѣдь я тоже въ старину написалъ повѣсть. Правда, она не была напечатана. — А дарованіе у меня должно быть. Всѣ мои подчиненные въ Департаментѣ говорили. Ну, за работу. Умъ хорошо, два лучше, а три еще лучше. Не такъ ли, Гг. сотрудники?

ОНѢГЕВИЧЪ и УХАРИНЪ.

Ахъ, не мѣшайте, пожалуйста.

ГРОЗНОВЪ, *(потирая себѣ руки)*.

Ну, кажется, дѣло пошло на ладъ.

(Всѣ трое принимаются за работу. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

(УХАРЕВЪ, ОЛЕГОВИЧЪ и ГРОЗНОВЪ сидятъ на тѣхъ же мѣстахъ и погружены въ глубокій сонъ. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, УХАРЕВЪ просыпается).

УХАРЕВЪ.

Уфъ.... а.... у.... Пріѣхали, кажется. Эй, кондукторъ.... Ба!.... Я, кажется, заснулъ.... Да и они, кажется, заснули.... спятъ благополучно. Почиваютъ на будущихъ лаврахъ. — Право, замѣчательно, какая у насъ снотворная литература: или самъ заснешь, или другихъ усыпляешь. Ну, посмотримъ-ка, что они написали? У этого бѣлая бумага. — У этого [illegible]. — Да [illegible], правду сказать, не много [illegible] времени трудиться! Вотъ, шалунъ, что [illegible], чтобъ я принялся за дѣло — [illegible], [illegible] мы теперь отправимся позаняться около Аделаиды [illegible]ны. Желаемъ безмятежнаго сна и сладкихъ сновидѣній.

(*Дѣлаетъ насмѣшливый жестъ и на цыпочкахъ выходитъ.*)

Молчаніе.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Ольга Павловна!... Ольга! Новогородская посадни-

ца! Бррр....ъ.... Странно!... Я, кажется, заснулъ. — Какъ благодатенъ и успокоителенъ бываетъ сонъ, послѣ утомительнаго пути!—Русскій человѣкъ не изнѣженъ, не взыскателенъ. Онъ всегда готовъ выспаться.—Такова его могучая природа — подъ чистымъ небомъ ли, на лежанкѣ ли, онъ долго не думаетъ, свернется себѣ кренделемъ, да и заснетъ сномъ здоровымъ, богатырскимъ. Ага! Западникъ-то далъ тягу. Посмотримъ, что онъ написалъ.... да ничего! Нарисовалъ только какого-то черта. Куда это онъ отправился? Онъ не даромъ здѣсь. — Боже мой! неужели для Ольги Павловны! Она же давича говорила, что ее хотятъ выдать за-мужъ за чиновника. Ну, да вѣдь онъ чиновникъ.... Такъ и есть, это онъ—онъ думаетъ на ней жениться, хочетъ отбить ее у меня—да я не дамъ, не позволю, не допущу этого поношенія, умру скорѣе.... мертвые бо срама не имутъ! (*Уходитъ.*)

Молчаніе.

Грозновъ.

Имянины жены [illegible]то главное; вы, помните, господа? Ну что! написано? готово?... Да гдѣ жъ они? и слѣдъ простылъ! Посмотримъ-ка—тутъ ничего.... тутъ чертъ съ рогами. Вовсе не умно, не учтиво, даже, глупость какая! Корми ихъ, послѣ этого! Ну, ужъ со[illegible] [illegible], [illegible], [illegible]осъ. Да куда же они [illegible]? Эй, [illegible]! [illegible] [illegible]?

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ ПРОХОРЪ.

ПРОХОРЪ.

Я-съ.

ГРОЗНОВЪ.

Гдѣ же гости?

ПРОХОРЪ.

А лѣшій ихъ знаетъ! По саду рыскаютъ; за барынями, должно быть.

ГРОЗНОВЪ.

Да какъ за барынями?

ПРОХОРЪ.

Извѣстно какъ — отъ этакихъ скалдырниковъ добра не жди. По полету видно, что за птицы.

ГРОЗНОВЪ.

Ты, братъ, не смыслишь: они литераторы.

ПРОХОРЪ.

Да будь они хоть растор採торы, конечно, ваша милость, Николай Васильевичъ, какъ прикажете, а по моему-то глупому разуму, со двора бы долой, да и вся не долга.

ГРОЗНОВЪ. *(съ безпокойствомъ).*

А развѣ ты замѣтилъ что?

ПРОХОРЪ.

Гдѣ намъ,уракамъ, Николай Васильевичъ!

ГРОЗНОВЪ.

Чтожъ! Ольга Павловна дѣвушка; бѣда небольшая.

ПРОХОРЪ.

Конечно, небольшая, Николай Васильевичъ, да вѣдь и барыня-то наша не совсѣмъ старуха.

ГРОЗНОВЪ.

Что?... жена! говори.... что знаешь.... что замѣтилъ?...

ПРОХОРЪ.

Ничего, Николай Васильевичъ, незнаю-съ, а такъ, кажись будто не совсѣмъ ладно.

ГРОЗНОВЪ.

Да что же такое?

ПРОХОРЪ.

Да я не то, Николай Васильевичъ, что на счетъ Аделаиды Павловны; сохрани Богъ! вѣдь наше дѣло холопское.

ГРОЗДОВЪ.

Да говори же, злодѣй, что ты знаешь?

ПРОХОРЪ.

Убей меня на мѣстѣ громъ, Николай Васильевичъ, ничего не знаю.

ГРОЗДОВЪ.

Да чтожъ ты меня перепугалъ, оселъ ты этакой! Пошелъ вонъ.... болванъ....

ПРОХОРЪ.

Слушаю-съ.

ГРОЗДОВЪ.

Пойду поглядѣть, гдѣ жена: этотъ дуракъ меня совершенно встревожилъ!

(*Уходитъ.*)

[illegible] (*одинъ, потирая себѣ руки*).

Вотъ эта статья хорошая.—Просилъ я у барина пѣгую корову.... Эхъ, кабы удалось сослужить барину-то службу.... такъ, можетъ и корову пожалуютъ.... Ай да Прохоръ Сидорычъ! Угощу бурмистера, вотъ чай взбеленится: онъ ее себѣ наровилъ! (*Напѣваетъ.*) Ты поди моя коровушка домой.... (*Смѣется.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА входитъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Что они, кончили свои занятія?

ПРОХОРЪ.

Кончили-съ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Куда же они пошли?

ПРОХОРЪ.

Кто сударыня?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да.... Г. Ухаревъ?

(Входитъ изъ другой двери Аделаида Павловна.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Прохоръ, ты не видалъ его?

ПРОХОРЪ.

Кого, сударыня?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Гос-по-дина.... Олеговича....

ПРОХОРЪ.

Да вотъ-съ, они по саду идутъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ольга.... мнѣ теперь некогда.... ступай, поговори съ нимъ.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Пожалуй. (*Уходитъ.*)

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Прохоръ.... что вашъ сѣнокосъ?—всѣ ли на работу вышли?

ПРОХОРЪ.

Идетъ помаленьку, сударыня.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ну, такъ ступай же туда.—Погода хорошая; смотри, чтобъ скорѣе убирали.

ПРОХОРЪ.

Слушаю-съ! (*Въ сторону.*) Какъ бы не такъ! (*Прячется.*)

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА (*оглядывается, поспѣшно подбѣгаетъ къ дверямъ и кладетъ записку въ замочную щель. Шопотомъ.*)

Никто не видалъ! Боже мой! что я сдѣлала! въ первый разъ.... Неужели можно къ этому привыкнуть?... Какъ страшно, я вся дрожу. Но я его знаю, иначе онъ не останется! (*Уходитъ.*)

ПРОХОРЪ (*на цыпочкахъ подходитъ къ двери*).

Вотъ она гдѣ корова-то сидитъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ГРОЗНОВЪ вбѣгаетъ.

ГРОЗНОВЪ.

Жена была здѣсь?

ПРОХОРЪ.

Сейчасъ вышли, Николай Васильевичъ.

ГРОЗНОВЪ.

Да что ты мямлишь?

ПРОХОРЪ.

Не знаю, бумажечка какая-то....

ГРОЗНОВЪ.

Бумажка!... это комната Ухарева! Что это значитъ? Записка.... (*Читаетъ.*) «Въ шесть часовъ мужъ мой поѣдетъ на сѣнокосъ, приходите въ садъ, въ бесѣдку».... А — а — вотъ что! Такъ-то!... Прохоръ, ступай къ Трифону, слесарю, и скажи, чтобы онъ принесъ мнѣ мои пистолеты.

ПРОХОРЪ.

А ружье, Николай Васильевичъ, также прикажете?

ГРОЗНОВЪ (*съ бѣшенствомъ*).

Молчать! Дѣлай что я тебѣ приказываю. Пошелъ!

(*Прохоръ уходитъ.*)

ГРОЗНОВЪ.

Такъ вотъ и до меня очередь дошла! — Прежде я смѣялся надъ другими; теперь надо мной будутъ смѣяться. Какъ я въ Петербургъ покажусь! Не только товарищи, — писаря на меня будутъ пальцами показывать. Сторожъ подастъ шинель, и будетъ смѣяться про себя. — Нѣтъ, это несносно. — Ужъ ско-

рѣй. — Нѣтъ, убью его. — Просто убью. — Пускай узнаетъ, что значитъ со мной тягаться. — Подавайте мнѣ его, подавайте! — Я хочу мести и крови!

(*Поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

УХАРЕВЪ (*входитъ изъ другихъ дверей*).

УХАРЕВЪ.

Дѣвушки мои, кажется, подвигаются. Она мнѣ сказала: ступайте, увидите сами. Ай, да молодецъ, эта Аделаида Павловна! Я не ожидалъ, чтобъ дѣло пошло такъ скоро.... Однако же тутъ нѣтъ записки.... вотъ-то на! Вѣдь она, можетъ быть, не знаетъ, что намъ [illegible] переписка. (*Ищетъ въ [illegible]*) И тутъ нѣтъ. — Что это значитъ? — Ба, да она, кажется, смѣется надо мною. — А, такъ вы меня одурачить хотите, Аделаида Павловна! Въ провинціи хотите пококетничать по Петербургски? Не на такого напали. Слуга покорный, я сейчасъ же [illegible] по послѣдней [illegible] прямо къ [illegible] на [illegible]скую ночь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОЛЕГОВИЧЪ входитъ и останавливаетъ его.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Позвольте-съ, я имѣю переговорить съ вами.

УХАРЕВЪ.

Со мной?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Да-съ, съ вами. (*Скрестивши руки.*) Что вы думаете о супружествѣ?

УХАРЕВЪ.

О супружествѣ! Я думаю, что для холостыхъ оно бываетъ иногда довольно забавно.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Я нахожу ваши шутки вовсе неумѣстными. Я васъ спрашиваю: постигаете ли вы всю важность брака? Не только въ духовномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи?

УХАРЕВЪ.

Отвяжитесь, пожалуйста. (*Въ сторону.*) Ай да, Аделаида Павловна! Просто на смѣхъ подняла.... да погоди-жъ!

ОЛИГОВИЧЪ.

Уваженіе къ супружеству составляло издревле одно изъ главныхъ отличій всѣхъ Славянскихъ племенъ. Шелковая плетка, да! шелковая плетка, о которой упоминается во всѣхъ нашихъ семейныхъ пѣсняхъ, есть не что иное, какъ трогательный символъ безусловнаго повиновенія жены предъ мужемъ....

УХАРЕВЪ.

Да чего же вы хотите, наконецъ?

ОЛИГОВИЧЪ.

Я хочу узнать ваши убѣжденія, хочу знать, достойны ли вы того, чего желаете. Хочу узнать, съ какимъ соперникомъ я имѣю дѣло.

УХАРЕВЪ.

А, такъ это вы.... такъ это для васъ.... нашла она, кого мнѣ предпочесть! Впрочемъ, у женщинъ бываютъ такіе страшные вкусы! — Послушайте, любезнѣйшій, вы понимаете, что тутъ дѣло такое, что каждый думаетъ о себѣ. Она, впрочемъ, всѣхъ проведетъ. Такой кокетки и свѣтъ не производилъ.

ОЛИГОВИЧЪ.

Какъ вы смѣете такъ говорить?

УХАРЕВЪ.

Не горячитесь, пожалуйста. Она, вѣрно, и вамъ тоже наговорила разныя нѣжности.

ОЛИГОВИЧЪ.

Какъ и мнѣ?... слѣдовательно она и мнѣ соврала?

УХАРЕВЪ.

Еще бы! Она мнѣ вотъ здѣсь же, за два часа, признавалась въ любви своей.

ОЛИГОВИЧЪ.

Это ложь, клевета, я не позволю вамъ очернить это чистое созданіе.

УХАРЕВЪ.

Всѣ онѣ чистыя созданія, а такъ на-чисто обманутъ, что лучше и не надо. — Знаете, я думаю, что мы оба съ вами въ дуракахъ.

ОЛИГОВИЧЪ.

Говорите о себѣ одномъ, прошу васъ.

УХАРЕВЪ.

Послушайте, мы съ вами поссоримся, а ей будетъ потѣха: знаете, вмѣсто того, чтобы мѣшать другъ другу, давайте другъ другу помогать.

ОЛИГОВИЧЪ.

Помогать?.. какимъ образомъ?

УХАРЕВЪ.

Ну, какъ помогаютъ въ такихъ дѣлахъ. Только ужъ, если одному удастся, другой отступится.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Какъ, удастся?

УХАРЕВЪ.

Ну, будетъ удача.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Какая удача?

УХАРЕВЪ.

Ахъ! какой вы однакожь безтолковый! Какая бываетъ удача съ женщинами?

ОЛЕГОВИЧЪ.

И вы думаете жениться тогда?

УХАРЕВЪ.

Вотъ-те на! Къ чему эта лишняя деликатность?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Что я слышу! У меня волосы дыбомъ становятся. Да вы извергъ рода человѣческаго! Вамъ чужды первыя начала нравственности. Такъ я же заступлюсь.— Я все открою.

УДАРИНЪ.

Да выслушайте сперва.

ОЛЕГОВИЧЪ.

И слушать не хочу!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и ГРОЗНОВЪ.

ГРОЗНОВЪ.

А!... Наконецъ я его нашелъ! (*Олеговичу.*) Извините, пожалуйста, вамъ оставаться здѣсь теперь нельзя.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Мнѣ нельзя?

ГРОЗНОВЪ.

Нельзя-съ, я васъ прошу выдти вонъ—тутъ будутъ происходить такія дѣла, что весь Вышневолоцкій уѣздъ содрогнется! Ступайте вонъ!

УДАРИНЪ (*въ сторону*).

Ужъ не сказала ли она ему?

ГРОЗНОВЪ (*къ Олеговичу*).

Ну-съ!

ОЛЕГОВИЧЪ.

Помилуйте, да это невѣжливо.

ГРОЗНОВЪ.

Вы меня извините, мнѣ теперь не до вѣжливости. Ступайте вонъ!

ОЛЕГОВИЧЪ (*въ сторону*).

Онъ, кажется, не въ умѣ своемъ.... ужъ нѣтъ ли у него несчастной привычки? .. (*Хочетъ уйти.*)

ГРОЗНОВЪ.

Куда же вы идете?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Я иду въ свою комнату.

ГРОЗНОВЪ.

Такъ это ваша комната?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Да-съ, это моя комната.

ГРОЗНОВЪ.

А! такъ это ваша комната! такъ это вы?... такъ это къ вамъ, слѣдовательно?...

ОЛЕГОВИЧЪ (*въ сторону*).

У него что-то странное въ глазахъ; онъ, должно быть, боленъ. (*Вслухъ.*) Что ко мнѣ-съ?

ГРОЗНОВЪ.

Стойте, не шевелитесь, не двигайтесь! (*Обращаясь къ Ухареву.*) Ступайте вы вонъ!

УХАРЕВЪ (*въ сторону*).

Ничего не понимаю. Я долженъ?

ГРОЗНОВЪ.

Ступайте къ женѣ моей. Вамъ оставаться здѣсь не прилично.... Васъ жена дожидается. Ступайте.... Ступайте же скорѣе.... Вы видите, что я самъ не свой.

(*Ухаревъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ГРОЗНОВЪ и ОЛЕГОВИЧЪ.

ГРОЗНОВЪ.

Ну-съ, теперь мы вдвоемъ остались. Скажите пожалуйста: я вамъ кажусь очень смѣшонъ?

ОЛЬГОВИЧЪ.

Вы-съ?

ГРОЗНОВЪ.

Будьте откровенны. — Штука интересная! Пріѣхать подъ первымъ предлогомъ, изъ видовъ волокитства!

ОЛЬГОВИЧЪ.

Если вы узнали, я долженъ сознаться.

ГРОЗНОВЪ.

А.... сознается! — Вотъ это ново, по крайней мѣрѣ.—А теперь пора и за расправу.

ОЛЬГОВИЧЪ.

Да вамъ чего угодно? (*Въ сторону.*) Онъ, кажется, очень нездоровъ. — Вы мнѣ....

ГРОЗНОВЪ.

Молчи и отвѣчай. — Давно ты ее знаешь?

ОЛЬГОВИЧЪ.

Да ужъ три года. (*Въ сторону.*) Должно быть, бѣлая горячка.

ГРОЗНОВЪ.

Три года. — Три года!... Кто бы могъ это поду-

мать!... Да ты откуда подвернулся? Кто тебя просил съ ней познакомиться?... Воровъ вѣшаютъ; а ты хуж вора: ты укралъ у меня честь мою, спокойствіе, счастіе. — Тебя мало повѣсить, разстрѣлять надо!

ОЛИГОВИЧЪ.

У васъ нѣтъ по сосѣдству доктора?

ГРОЗНОВЪ.

Шутить вздумалъ!... Нѣтъ я тебя плакать заставлю, плакать кровавыми слезами. Ты меня на посмѣшище выставить хотѣлъ.... передъ начальствомъ, передъ знакомыми.... Понимаешь ли ты, что это такъ не обойдется?

ОЛИГОВИЧЪ.

Да вы изъ чего такъ кричите?

ГРОЗНОВЪ.

Молчать, говорятъ тебѣ! — Я судія твой теперь. Я палачемъ буду. — Сотру тебя, негодяя, съ лица земли.

ОЛИГОВИЧЪ.

Да я не понимаю.

ГРОЗНОВЪ.

Такъ я тебѣ сейчасъ объясню. (*Вынимаетъ изъ кармана два пистолета.*) Вотъ, не угодно ли выбрать?

ОЛЬГОВИЧЪ.

Къ чему это огнестрѣльное оружіе?

ГРОЗНОВЪ.

Къ тому, что одинъ изъ насъ отсюда живой не выйдетъ. — Выбирай.

ОЛЬГОВИЧЪ.

Да позвольте....

ГРОЗНОВЪ.

Выбирай, говорятъ.... Вотъ два пистолета.... Мы будемъ стрѣлять въ одно время, и чѣмъ бы ни кончилось, а я смѣяться надъ собой никому не позволю.

ОЛЬГОВИЧЪ *(въ сторону)*.

Ахъ, Боже мой, онъ совершенно въ умѣ рѣхнулся. Этого человѣка надобно держать на привязи. Надобно какъ нибудь его успокоить, а то застрѣлитъ пожалуй.

ГРОЗНОВЪ.

Ну что жъ, рѣшился?

ОЛЬГОВИЧЪ.

Сейчасъ, позвольте подуматъ. (*Въ сторону*.) Ну, такъ и есть, въ глазахъ всѣ признаки сумашествія! Вамъ угодно стрѣляться со мной?

ГРОЗНОВЪ.

Я хочу убить тебя!

ОЛИГОВИЧЪ.

Сейчасъ.... только позвольте объясниться. — Матушка ваша Русская или иностранка?

ГРОЗНОВЪ.

Что ты за ахинею городишь? Матушка моя Грачева.

ОЛИГОВИЧЪ *(въ сторону)*.

Надо его разсѣять, авось успокоится. (*Вслухъ.*) Какихъ Грачевыхъ, Тамбовскихъ что ли?

ГРОЗНОВЪ.

Пензенскихъ, бездѣльникъ! На что тебѣ?

ОЛИГОВИЧЪ.

Нѣтъ-съ, извольте видѣть, я думалъ, что происхожденіе ваше не чисто Русское, потому что въ вашихъ понятіяхъ много иностраннаго, напримѣръ, хоть относительно поединка. Поединки вѣдь происхожденіе феодальнаго времени и совершенно чужды нашимъ народнымъ обычаямъ.—Кулачные бои—другое дѣло.

ГРОЗНОВЪ.

Долго ли еще?

ОЛИГОВИЧЪ.

Нѣтъ, выслушайте: кулачные бои, бывали у насъ въ большомъ ходу, и нерѣдко даже сопровождались смертными случаями.

ГРОЗНОВЪ.

Да что же ты, на кулачкахъ что ли со мной драться хочешь? Нѣтъ, со мной ты такъ не раздѣлаешься; ты съ женой моей въ перепискѣ, тебѣ жена назначаетъ свиданья....

ОЛИГОВИЧЪ.

Помилуйте, не правда, вы ошибаетесь, это не я....

ГРОЗНОВЪ.

Молчать!... Нѣтъ, меня не проведешь, улика на лице.... защищайся, а то просто убью....

ОЛИГОВИЧЪ.

Ахъ! Боже мой—глаза его наполняются кровью—сейчасъ будетъ припадокъ—его связать бы надо. Эй, помогите!...

ГРОЗНОВЪ.

Молчи!...

ОЛИГОВИЧЪ *(кричитъ)*.

Нѣтъ ли кого связать его?...

ГРОЗНОВЪ.

Молчи.... Въ послѣдній разъ—бери пистолетъ.

(*Олеговичъ вырываетъ у него пистолеты, бросаетъ ихъ въ окно и самъ выскакиваетъ въ окно.*)

ГРОЗНОВЪ.

Ага! бѣжать вздумалъ!... да не убѣжишь.... погоди-ка, я тебя....

(*Кидается за нимъ вслѣдъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

УХАРЕВЪ и АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Что это за шумъ?

УХАРЕВЪ.

Вашъ мужъ объяснялся тутъ съ Москвичемъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да какъ же вы этой записки не нашли?

УХАРЕВЪ.

Я ее не видалъ. Вы ее куда положили?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да въ эту дверь.

УХАРЕВЪ.

Какъ, въ эту дверь?... Да это не моя комната!

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ахъ! что я сдѣлала!

УХАРЕВЪ.

А, теперь я понимаю! (*Смѣется.*) Вашъ мужъ нашелъ записку и вообразилъ себѣ, что она написана этому Московскому шалуну.... Ха, ха, ха! Это шутка отличная!

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Вы еще можете смѣяться! Да какъ разувѣрить теперь мужа? Онъ такой бѣшеный, онъ на все способенъ; вы его не знаете. Что со мной будетъ!

УХАРЕВЪ.

Не бойтесь: мы, журналисты, люди изворотливые. Я это дѣло устрою какъ нибудь.... А, прекрасная мысль!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ОЛЕГОВИЧЪ *(вбѣгаетъ)*.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Вяжите его, вяжите его, онъ бѣжитъ сюда, онъ всѣхъ бить и рѣзать хочетъ.

ГРОЗНОВЪ *(за кулисой)*.

Ага! догналъ наконецъ!

УХАРЕВЪ, *(толкая Олеговича въ его комнату)*.

Убирайтесь въ вашу комнату. (*Аделаидѣ Павловнѣ.*) Дайте мнѣ вашу руку.... Вотъ такъ. (*Становится передъ нею на колѣни.*) Да, прекрасная Эмилія, я васъ люблю, и отъ вашего согласія зависитъ все мое счастіе!

ГРОЗНОВЪ *(въ дверяхъ)*.

Это что такое?

УХАРЕВЪ *(хладнокровно)*.

А, это вы? Не мѣшайте, пожалуйста. (*Шопотомъ.*) Спросите его, пожалуйста, отъ чего онъ не поѣхалъ на сѣнокосъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Отчего ты, мой другъ, не поѣхалъ на сѣнокосъ?

ГРОЗНОВЪ.

Не до сѣнокоса мнѣ, сударыня.... Я видно лишній.

УХАРЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе, ступайте гулять или отдохните маленько. Ваше мѣсто совсѣмъ не здѣсь.

ГРОЗНОВЪ.

Да и ваше тоже, кажется.

УХАРЕВЪ.

Да не мѣшайте же. А вы, Аделаида Павловна, взгляните на меня понѣжнѣе.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Я не понимаю.

УХАРЕВЪ.

Да глядите же, дайте мнѣ вашу руку.—Да, любезная Эмилія....

ГРОЗНОВЪ.

Аделаида, вы хотите сказать?

УХАРЕВЪ.

Я, можетъ быть, и хотѣлъ бы сказать: Аделаида, да говорю: Эмилія, потому, что такъ написано.

ГРОЗНОВЪ.

Гдѣ написано?

УХАРЕВЪ.

Въ пословицѣ.

ГРОЗНОВЪ.

Въ какой пословицѣ?

УХАРЕВЪ (*Аделаидѣ Павловнѣ*).

Сказать ему, что ли?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да, разумѣется, скажите!

УХАРЕВЪ.

Въ пословицѣ, которую я написалъ для имянинъ жены вашей.

ГРОЗНОВЪ.

Для имянинъ жены моей.... какую пословицу?

УХАРЕВЪ.

«У страха глаза велики».

ГРОЗНОВЪ.

А! такъ она уже написана?

УХАРЕВЪ.

Не совсѣмъ еще. Вы, любезный, признайтесь, плохой сотрудникъ.

ГРОЗНОВЪ.

То есть, сегодня я какъ какъ-то разстроенъ.

УХАРЕВЪ.

То есть, вы просто мастеръ спать. Вотъ, мы видимъ, что плоха на васъ надежда, и сговорились съ Аделаидой Павловной и Олеговичемъ написать піесу безъ васъ, сдѣлать вамъ нѣкоторымъ образомъ сюрпризъ: написать, выучить, сыграть. — Каково вамъ покажется? Да гдѣ же Олеговичъ? Развѣ, Аделаида Павловна, вы ему не приказали придти къ вамъ въ садъ, въ шесть часовъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, я ему писала, да онъ, вѣрно, другимъ занятъ; онъ, я думаю, съ сестрой моей.

УХАРЕВЪ.

А развѣ онъ?...

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Какъ же, они давно любятъ другъ друга!

ГРОЗНОВЪ.

Это что за новость! такъ слѣдовательно я передъ нимъ кругомъ виноватъ. (*Стучитъ въ дверь.* Вечеславъ Владиміровичъ!...

ОЛЕГОВИЧЪ.

Что, связали его?

ГРОЗНОВЪ.

Пожалуйте сюда!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Входитъ ОЛЕГОВИЧЪ.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Что, успокоился.... ахъ! да свяжите же его.

ГРОЗНОВЪ.

Милостивый государь, я прошу у васъ извиненія. Проклятая запальчивость всему причиной. Мое дѣло теперь загладить вину. Я обвинялъ васъ, тогда какъ вы готовили мнѣ самый пріятный сюрпризъ.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Онъ, видно, не совсѣмъ пришелъ въ себя.

ГРОЗНОВЪ.

Я теперь мѣшать вамъ не буду. Пишите, что угодно. Я увѣренъ, что пословица удастся вполнѣ.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Какая пословица?

ГРОЗНОВЪ.

Да вотъ пословица, которую вы пишите съ женой моей.

ОЛИГОВИЧЪ.

Съ вашей женой?

ГРОЗНОВЪ.

Да, и съ господиномъ Ухаревымъ.

ОЛИГОВИЧЪ.

Помилуйте, у насъ съ Г. Ухаревымъ общаго ничего никогда не будетъ. Убѣжденія наши и понятія слишкомъ различны.

ГРОЗНОВЪ.

Такъ это не правда?

ОЛИГОВИЧЪ.

Сущая ложъ!

УХАРЕВЪ *(въ сторону)*.

Экой болванъ, ничего не понимаетъ!

ГРОЗНОВЪ.

Что же это значитъ? меня обманываютъ! Да я не изъ таковскихъ, меня не легко провести. Отвѣчайте сударыня: что это значитъ?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Спросите у Г. Ухарева.

ГРОЗНОВЪ.

Ну-съ!

УХАРЕВЪ.

Да вы спросите Г. Олеговича.

ГРОЗНОВЪ.

Такъ вотъ оно что!

УХАРЕВЪ *(въ сторону)*.

Ну, кажется мы теперь пропали. Ахъ, еще одно средство.... Ольга Павловна!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА входитъ.

УХАРЕВЪ.

Ольга Павловна, объясните, пожалуйста, въ чемъ дѣло. (*Въ полголоса.*) Берегитесь!...

ОЛЬГА ПАВЛОВНА *(смотритъ на всѣхъ съ удивленіемъ. Молчаніе)*.

Въ чемъ дѣло? Да.... дѣло.... очень просто.

УХАРЕВЪ.

Ну, неправда ли? — Я что говорилъ! Очень просто. — А вотъ, Николай Васильевичъ не понимаетъ, отъ чего теперь Олеговичъ отказывается отъ сотрудничества съ нами.... для сюрприза, о которомъ мы давича говорили — съ вами.... — въ саду, помните....

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

О которомъ давича говорили? да, я помню. Да онъ не отказывается. — Онъ пошутилъ только. Это я виновата. Я его просила объ этомъ.

УХАРЕВЪ.

Онъ отъ этого и не пришелъ въ бесѣдку?

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Да, да.... отъ этого.

УХАРЕВЪ.

Вѣдь вы все таки дали за него слово — на счетъ пословицы.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Какъ же! — Я за него дала слово и онъ его сдержитъ непремѣнно.

ОЛЕГОВИЧЪ.

Помилуйте!

ОЛЬГА ПАВЛОВНА (*Въ полголоса поспѣшно*).

Молчите. (*Вслухъ.*) Да.... будьте покойны Г. Олеговичъ будетъ участникомъ, и пословица будетъ и сюрпризъ будетъ. (*Въ сторону.*) Я ничего не понимаю.

ГРОЗНОВЪ.

Да если такъ, дѣло объясняется очень просто.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Не правда ли?

ГРОЗНОВЪ.

Слѣдовательно я кругомъ виноватъ. Скажите мнѣ, Г. Олеговичъ, чѣмъ я могу загладить свою вину?

ОЛЕГОВИЧЪ.

Благородная черта Русскаго характера! Мы признаемъ охотно наши ошибки, и въ этомъ признаніи таится истинное величіе.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Все ли ты, мой другъ, сдѣлаешь что отъ тебя зависитъ?

ГРОЗНОВЪ.

Все, клянусь честью!

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Ну, такъ устрой ихъ счастіе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Братецъ!

ОЛИГОВИЧЪ.

Николай Васильевичъ!

ГРОЗНОВЪ.

Ну, нечего дѣлать, слово дано.... да погодите, я прежде требую одного.

ОЛИГОВИЧЪ.

Чего же?

ГРОЗНОВЪ.

Я требую, что бы вы одѣвались по людски.

ОЛИГОВИЧЪ.

Какъ, вы хотите, чтобъ я пожертвовалъ наружнымъ видомъ своихъ убѣжденій?... Никогда!...

ГРОЗНОВЪ.

Помилуйте, развѣ въ наружности дѣло? Теперь, слава Богу, никто не откажется быть Русскимъ; только зачѣмъ же одѣваться-то кучеромъ? Впрочемъ, это мое непремѣнное условіе.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА.

Согласитесь для меня.

ОЛИГОВИЧЪ.

Ну, быть такъ, для васъ на все готовъ.

УХАРЕВЪ.

Ну-съ.... (*Аделаидѣ Павловнѣ.*) Когда же мы примемся за пословицу?

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Да не знаю, право.... я думаю, что никогда. Я раздумала.... Съ меня довольно перваго опыта — слишкомъ довольно. — Я чувствую, что я не имѣю нужныхъ способностей. У васъ конечно, Г. Ухаревъ, много занятій въ Петербургѣ.

УХАРЕВЪ (*публикѣ*).

Я ее выручилъ, а она же меня вонъ гонитъ.... Вотъ она, женская-то благодарность!

ГРОЗНОВЪ.

И точно, этакъ будетъ лучше, а то, правду сказать, я, мой другъ, боюсь какъ-то сотрудниковъ. Да и правда то, что чужимъ не наживешься. Такъ пословицы у насъ не будетъ, для имянинъ твоихъ.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, мой другъ, для имянинъ моихъ ничего не будетъ, а если ты хочешь, мы составимъ домашній театръ въ пользу бѣдныхъ, и тогда насъ не будутъ судить строго, потому что въ добромъ дѣлѣ всѣ зрители будутъ нашими сотрудниками.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕСНА.

—

Пришла весна — но странная такая,
Такой весны и не запомнять здѣсь;
Лишь вечеръ,—небосклонъ, подъ тучами пылая,
Грозой удушливой воспламенится весь;
Сверкають молніи зубчатыми стрѣлами,
Въ раскатахъ медленныхъ гудитъ и стонетъ громъ;
И кроется отъ глазъ, обвитый облаками,
Задумчивый Казбекъ, съ нахмуреннымъ челомъ.

Отъ чегожъ, подобье рая,
Изумрудная весна,
Ожиданьямъ измѣняя,
Въ дни живительнаго Мая
Ты сурова и грозна?
Что тебя такъ взволновало?
Все тобой оживлено,
Ты всѣхъ радостей начало,
И тебѣ еще ли мало
Богомъ счастія дано?
Праздникъ жизни обновленной,
Символъ юной красоты.
Для тебя, благословенной,
Всюду, къ радости Вселенной,

Распускаются цвѣты.
Для тебя поютъ дубравы,
Рощи сѣнь свою сплели,
И сіяешь величавой
Ты торжественною славой,
Воскресающей земли.
Все красуется тобою,
Всѣхъ твой лучъ животворитъ
Той душевною весною,
Что любовію святою,
Душу скорбную даритъ,
Чтожъ, въ судьбѣ твоей прекрасной,
Неба чистую лазурь
Омрачила ты ненастной
Непогодой ежечасной,
Пеленою грозныхъ бурь

Понятно мнѣ. .. Предъ общимъ потрясеньемъ
И ты, веселая, зеленая весна,
Ты тоже дрогнула неслыханнымъ смущеньемъ,
Негодованьемъ ты и ужасомъ полна:
Ты хочешь высказать въ стенаньяхъ природы
Могучую тоску и горестную месть.
О томъ, что дерзкіе, безумные народы
Безчестное творятъ, вступаясь за честь.
Но пусть шумятъ они, пусть ложной укоризной,
Лукавой завистью купятъ себѣ позоръ,
Пусть рушится гроза надъ нашею отчизной,
Пусть хлынетъ тучами крамольниковъ напоръ,
Есть небо за грозой... оно невозмутимо;
Пускай его на мигъ отъ глазъ заволокло,
Столпятся облака и пронесутся мимо,
А небо вѣчное спокойно и свѣтло!

Такъ истины святой незыблема твердыня;
За злобой правда есть, — ее не сокрушать
Ни зависть лютая, ни буйная гордыня,
Ни смертоносный громъ плывущихъ къ намъ громадъ.
Придетъ возмездья часъ, — палящими лучами
Святая истина всею землю озаритъ,
Прощеніемъ она прольется надъ врагами,
И благоденствіемъ Богъ міръ благословитъ.

—

КАЗАЦКАЯ ПѢСНЯ,

Пѣтая линейными казаками 12 Августа 1854 года въ лагерѣ при Ахъ-Узюмѣ, въ Азіятской Турціи.

—

Съ Малки, съ Терека, съ Кубани,
Довелось собраться намъ,
Чтобы дали басурмане
Честь и мѣсто казакамъ. —
Видно турки въ самомъ дѣлѣ,
Заартачились не въ прокъ,
Позабыть уже успѣли
Прежде заданный урокъ.
Лѣзутъ съ грозною замашкой.
Мы на встрѣчу выйдемъ къ нимъ,
Да казацкой доброй шашкой
Въ Туркѣ память подновимъ.
Для начала, ради скуки,
Мы потѣшимся слегка,
Пусть себѣ баши-бузуки
Разпознаютъ казака;
А когда ряды низама
Фронтъ безчестный развернутъ,
Имъ же больше будетъ срама
Какъ отъ нашихъ побѣгутъ.

То-то знатная работа!
Распотѣшься тутъ сполна!
Гдѣ ни взглянь—у насъ ворота,
А у нихъ валитъ стѣна. —
Ихъ Французы обучали,
Англичанинъ имъ кунакъ,
А доучитъ ихъ едвали
Не линейный нашъ казакъ.
Хватимъ дружнымъ ихъ ударомъ
На казацкое ура!
Чтобъ во слѣдъ за Кадыкляромъ
Помнить имъ Кюрюкъ-Дара.
Да и намъ-то на станицѣ
Будетъ что поразсказать,
На турецкой какъ границѣ
Мы умѣли воевать,
Противъ силы нечестивой
Какъ насъ велъ—лихой Камковъ,
Какъ намъ Скобелевъ правдивый
Службу правилъ казаковъ.
Не жалѣлъ за Русь, за Бога
Онъ ни жизни, ни труда,
И хоть съ нами былъ немного
Будетъ нашимъ навсегда
Передъ всѣмъ крещенымъ міромъ
Пусть же вѣкъ поется намъ,
Честь и слава командирамъ!
Честь и слава казакамъ!

РОССІЯ ПЕРЕДЪ ВРАГАМИ.

ОДА-СИМФОНІЯ.

СЛОВА

Графа В. А. Соллогуба и Е. А. Вердеревскаго.

Музыка Г. Шенинга.

Въ первый разъ исполнена въ Тифлисѣ, 2 Апрѣля 1854 года.

(*Интродукція на весь оркестръ* *).

Что отуманился тучами черными
Неба родимаго свѣтлый покровъ?
Кликами зависти шумно-раздорными
Русь пробужденная,—чуетъ враговъ....
Русь встрепенулась: штыками щетинится
Вся—отъ окраинъ до сердца земли;
Ждетъ лишь кто первый на бой съ нею кинется,
Ждетъ не дождется, чтобъ гости пришли....

(*) Декламацію стиховъ постоянно аккомпанируетъ оркестръ: pianissimo.

Милости просимъ! Толпу безпокойную
Мы и безъ счета согласны принять;
Каждый готовитъ ей встрѣчу достойную,
Кто лишь оружіе въ силахъ поднять.
Дрогнетъ опять предъ нами Вселенная,
Съ ужасомъ въ лѣтопись впишется вновь,
Какъ безпредѣльная, вѣчно-священная,
Мрачную злобу караетъ Любовь!
Въ этой Любви намъ, съ Надеждой отрадною,
Вѣчная сила и вѣрный оплэтъ;—
Въ нихъ жизнь находятъ, семьею громадною,
Русское войско и Русскій народъ!...

(*Вдали слышенъ барабанъ и сигналъ на коня.*)

Чу! барабанъ! Ужъ бьютъ тревогу,
Сигналы поданы,—и вотъ
Пора пришла.... Ввѣряясь Богу,
Спѣшите ратники въ походъ;
Пора вамъ двинуться на сѣчу,
За вѣру грудью постоять;
Пора врагамъ готовить встрѣчу,
Пора прославиться опять!

(*Въ оркестрѣ тревога, и изображается сборъ войскъ.*)

Ужъ недалеки супостаты,
Ужъ тьмы ихъ видны изъ-за горъ,
Сходитесь храбрые солдаты
Сходитесь весело на сборъ;

Сбирайтесь всѣ въ защиту Вѣры
Призывомъ Русскаго Царя:
Вы, слава войска,—Гренадеры,
И вы—герои Егеря!
Готовьте грозные перуны
Артиллеристы—Божій громъ!
Явитесь молодцы—Драгуны
Передъ блѣднѣющимъ врагомъ!
И вы, сыны степной равнины,—
Европы ужасъ—Казаки!
Сходитесь славныя дружины,
Смыкайтесь въ стройные полки!

(*Въ оркестрѣ отзываются Имеретинскія хоровыя пѣсни, и звуки зурны, выражающія приближеніе Закавказскихъ ополченій.*)

И вы, Кавказскіе собратья,
Которыхъ братски приняла
Россія въ мощныя объятья
Побѣдоноснаго Орла,—
Кавказа дѣти боевые!
Живетъ преданье между васъ
Какія сѣчи вѣковыя
Для вѣры выстрадалъ Кавказъ!
За цѣлый рядъ годовъ привольныхъ
Спѣшите Руси доказать,
Что, вмѣстѣ съ ней, враговъ крамольныхъ
И вы готовы наказать!
Готовы всѣ.... солдаты въ строѣ
Всѣ командиры по мѣстамъ,

И въ барабанномъ мѣрномъ боѣ
Гремитъ команда по рядамъ.
Коллоны двинулись,—для казни
Неправой зависти идутъ,
Идутъ безъ злобы и боязни,
Знаменъ святыню стерегутъ....
Впередъ! Впередъ!... Идите смѣло
За славное святое дѣло,
Свершайте доблестный свой трудъ!

(*Въ оркестрѣ—большой маршъ. Походъ.*)

Вотъ въ туманномъ отдаленьѣ
Пыль зловѣщая взвилась,
Вотъ зарницей на мгновенье
Нива, дрогнувши, зажглась;
Слышны выстрѣлы и клики;
Помоги намъ Богъ великій!
Настаетъ сраженья часъ!
Стойте братья! Передъ битвой
Каждый сынъ святой Руси
Съ теплой вѣрою, съ молитвой,
Сердце къ Богу вознеси!
Помолись не о пощадѣ,
А о добромъ лишь концѣ!
О нетленнѣйшей наградѣ:
О безсмертія вѣнцѣ—
Просятъ воины Христовы,
И чистѣйшей жертвой той
Искупить они готовы
Славу родины святой.

Просятъ Господа въ Сіонѣ,
Вседержителя всѣхъ силъ,
Чтобъ въ незыблемомъ законѣ
Онъ Россію сохранилъ!

(*Въ оркестрѣ: молитва, и потомъ сигналъ къ атакѣ.*)

Вмѣстѣ теперь, всѣ по Царскому слову,
Всѣ до единаго, сколько насъ есть!
Въ бой за отчизну и вѣру Христову!
Въ бой за Царя и за Русскую честь!

(*Музыка выражаетъ начало сраженія*).

Впередъ и грудью и штыками,
Насталъ часъ Божьяго суда,
И расточатся передъ нами
Враги Христовы навсегда!
Впередъ!

(*Симфонія, изображающая сраженіе.*)

Казнь надъ врагомъ совершилась!
Врагъ пораженный бѣжалъ!
Правдой Россія молилась:
Богъ ей побѣду послалъ!
Слава вождямъ знаменитымъ!
Слава знаменамъ святымъ!
Вѣчная память убитымъ!
Вѣчная слава живымъ!

(Andante religioso, въ память съ честію павшихъ въ бою.)

Братья! громкую побѣду
Не стяжают без утратъ:
Въ полѣ палъ, врагамъ по слѣду,—
Не одинъ нашъ кровный братъ.
Палъ—но сирая вдовица
Слезъ не лей надъ мертвецомъ,—
Вѣрь, что Божія десница
Осѣнитъ его вѣнцомъ!
Не горюй надъ сиротою?
Будетъ Русь ему семьею,
Будетъ Царь ему отцемъ!

(Оркестръ возвращается къ первоначальному мотиву.)

Законъ любви живетъ у насъ издавна:
«Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!»
Вотъ чѣмъ силенъ народъ нашъ православный,
И почему орелъ самодержавный
Не убоится никого!

* *
*

Въ насъ чувство есть, въ немъ такъ свѣтло и ясно
Сказалась намъ Россіи правота;
Есть пѣснь у насъ, которую всечасно
Поютъ вездѣ и сердце и уста!

(Оркестръ умолкаетъ.)

Намъ Богъ послалъ ихъ не напрасно,
Та пѣснь любовію свята!
То чувство вѣрою прекрасно,—
И чувство то, и пѣсня та:

(Всѣ.)

«Боже царя храни!
Сильный, Державный!
Царствуй на славу, на славу намъ!
Царствуй на страхъ врагамъ
Царь православный!
Боже Царя храни!»

—

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТЫРЕ

АЛЬБОМНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧИТАТЕЛЮ.

—

Вотъ лоскутки тебѣ одни
Изъ старой рухляди альбомной;
Читатель добрый, извини
Поступокъ нѣсколько нескромный;
Я знаю самъ, что не должно
Играть стихами своенравно;
Стихи не въ модѣ ужъ давно,
Стихи плохіе-и подавно;
Но кто единожды молвы
Отраву горькую извѣдалъ,
Кто бредъ тревожной головы
Хоть разъ читателю повѣдалъ,

Тотъ отуманится ужъ такъ,
И столько хмѣля наберется,
Что онъ, какъ пьяница въ кабакъ,
Такъ въ типографію и рвется...

Во всемъ лиха-бѣда начать,
И вотъ, читатель благосклонный,
Зачѣмъ отважно я въ печать
Пустилъ свой стихъ неугомонный.
Но ты, принявъ сей тощій томъ,
Уваживъ скромное признанье,
Не будешь гнѣвенъ въ дѣлѣ томъ,
Гдѣ ты-и судъ и оправданье.

—

I.

Т—ВОЙ,

(*при отъѣздѣ ея въ Астрахань*).

—

Туда, на родину арбуза,
Туда, гдѣ зрѣетъ ананасъ,
Моя студенческая Муза
Благословляетъ нынѣ васъ.
И Муза жарко проситъ Бога,
Чтобъ рѣкъ разливъ Онъ сжалъ рукой,
Чтобы подъ вашею стопой
Ложилась скатертью дорога;
Чтобъ васъ не пудрилъ русскій снѣгъ,
Чтобъ васъ не заносила вьюга,
И чтобъ вездѣ богиня Юга
Заготовляла вамъ ночлегъ.

—

II.

М. Ф. Л.

—

Встрѣчалъ я рѣдко въ жизни васъ,
Но и къ чему встрѣчаться чаще?
Хорошаго свиданья часъ
По мнѣ отраднѣе и слаще,
Чѣмъ ежедневный разговоръ
О мелочахъ большаго свѣта,
Гдѣ чувству все на перекоръ,
И рѣчь душою не согрѣта.

* *
*

Я въ свѣтѣ рѣдко видѣлъ васъ,
Но видѣлъ что-то въ васъ родное,
Какъ будто гдѣ-то ужъ для насъ
Знакомство было доземное.
На васъ глядѣлъ я самъ не свой,
Томимый странною истомой, —
Не то, чтобы совсѣмъ чужой,
Не то, чтобы совсѣмъ знакомый...

* *
*

Вотъ почему, хотя темно́,
Хотя въ неясномъ ожиданьи, —

Къ вамъ сердце такъ привлечено
При каждомъ памятномъ свиданьи:
Оно не можетъ позабыть,
Иль сознаетъ, что не забудетъ
Того, что *было*, можетъ быть,
Иль, можетъ [illegible]*ть*!..

—

III.

НА ПРОЩАНЬЕ.

Досадно и грустно, а надо смириться...
Что-жъ дѣлать, не властенъ въ судьбѣ человѣкъ!..
Сегодня съ тобою мнѣ должно проститься,
Проститься на вѣкъ.

Скажу я, мой Ангелъ, тебѣ на прощанье
Не много... Не надо тревожить, любя...
Скажу лишь одно отъ души обѣщанье:
Вѣкъ помнить тебя.

Какъ камень надгробный на тихомъ кладбищѣ
Намъ шепчетъ надъ прахомъ, источникомъ слезъ,
О томъ, кто отъ насъ въ гробовое жилище
Полжизни унесъ, —

Такъ будетъ твой образъ мнѣ въ жизни унылой
На вѣки безцѣненъ и вѣчно любимъ;
Онъ будетъ мнѣ въ жизни какъ памятникъ милый
Надъ счастьемъ моимъ.

—

IV.

Е. М. Х.... вой.

—

Вамъ холодъ свѣта не знакомъ,
И странно кажется, не скрою,
Что, въ заблужденіи святомъ,
Вы такъ неопытны душою,
Хотя такъ опытны умомъ!

Для васъ такъ много обольщеній,
Такъ много жизни на землѣ,
Такъ много сердцу наслажденій,
А на юнѣющемъ челѣ
Такъ мало грустныхъ впечатлѣній.

Ужели времени крыло
Шутя васъ только осѣнило,
И, злымъ завистницамъ на зло, —
Вамъ только много подарило
И ничего не унесло?

—

V.

РАЗЛУКА.

Гдѣ ты радость? Гдѣ ты счастье
Сиротѣющей души?
Словомъ дальняго участья
Ропотъ сердца утиши!
Принесись ко мнѣ душою,
И, страдальца осѣня,
Благодатью неземною
Улыбнися на меня...
Къ моему ты изголовью
Невидимкою прильни;
Слово нѣжное съ любовью
Сердцу сжатому шепни;
Хоть на мигъ дай обмануться,
Хоть во снѣ мнѣ какъ нибудь
Отъ печали дай проснуться,
Отъ разлуки отдохнуть...

VI.

КНЯГИНѢ Ю. С. Г....НОЙ.

—

Нѣтъ, не люблю я васъ,
Да и любить не стану,
Коварныхъ вашихъ глазъ
Не вѣрю я обману;
Остылъ огонь души,
И сердце онѣмѣло...
Вы очень хороши, —
Да мнѣ какое дѣло?!
Пора мнѣ поберечь
Себя отъ чаръ опасныхъ,
Отъ снѣга бѣлыхъ плечъ,
Отъ взоровъ ложно-страстныхъ:
Въ нихъ, знаю я давно,
Куда-какъ мало прока,
И было-бъ мнѣ грѣшно
Добиться вновь урока...
Но если кто нибудь,
Хоть франтикъ самый гадкой,
Подумать и вздохнуть
Заставитъ васъ украдкой, —

Скажите, почему
Мнѣ такъ вдругъ безотрадно,
И больно такъ уму,
И сердцу такъ досадно?

VII.

ЕЙ-ЖЕ,

(*при посылкѣ двухъ частей: «На сонъ грядущій.»*)

Когда вашъ голосъ звучно-нѣжный
Мнѣ такъ безжалостно изрекъ
И приговоръ мой безнадежный
И оскорбительный упрекъ, —
Я ужъ подумалъ, что утратилъ
Всѣ сны, которыми мечталъ,
И сердце мелочью истратилъ,
И душу глупо промоталъ.
И вотъ, собравъ воспоминанья
Веселыхъ дней, печальныхъ дней,
Спѣшу послать для оправданья
Я вамъ хоть часть души моей,
Нѣтъ, виноватъ: вотъ вамъ *двѣ* части,
Читайте ихъ въ досужный часъ,
И знайте, вѣдайте, что страсти
Не весь огонь во мнѣ погасъ;
Что искра все во мнѣ таится,
Что искру я сберегъ одну,

И сердце, вѣрьте мнѣ, боится,
Коль вами слишкомъ заглядится,
Что пламя снова разгорится
Такъ, какъ горѣло встарину.

—

VIII.

КНЯГИНѢ ***

Любите, милая Княгиня,
Покуда вамъ дано дышать!
Любовь — небесная святыня,
Любовь — земная благодать.

Любите всѣхъ, любите много,
Житейскій холодъ отклоня;
Но ужъ за то вы, ради Бога,
Любите также и меня!

IX.

Е. П. НА..ОВОЙ.

Вы рано горе испытали,
На ваше дѣтское чело
Клеймо угрюмое печали
Совсѣмъ безвременно легло.
Но сердцемъ вы не унывайте,
И, въ сиротѣющемъ кругу,
Надѣйтесь, вѣруйте, и знайте,
Что счастіе у васъ въ долгу.

X.

М. В. ВЕРД...ВСКОЙ.

Много фразъ замысловатыхъ
Слышалъ я про соловья;
Но, признаться, до пернатыхъ
Не большой охотникъ я.
Птицы годны, чтобъ ихъ кушать,
А какъ вы начнете пѣть,—
Заглядѣвшись, — хочешь слушать,
А заслушавшись, — глядѣть.

Х.

Н. Н. БОР[illegible]ОЙ.

—

Люблю я уголокъ уютный
Безъ спѣси бархатныхъ палатъ,
Что, вдалекѣ отъ жизни смутной,
Однимъ радушіемъ богатъ.
Гдѣ часъ труда, гдѣ часъ досуга
Насъ безъ волненій застаютъ,
И гдѣ всегда готовъ для друга
Душой украшенный пріютъ.

* *
*

И, безъ стремленія въ альбомы,—
Люблю смиренный я листокъ,
Гдѣ сердцу всѣ черты знакомы,
Гдѣ живъ былаго уголокъ,
Гдѣ, полны свѣжестью прошедшей,
Въ отраду грустнымъ временамъ;
Цвѣтокъ, для насъ лишь не отцвѣтшій,
Слова, понятныя лишь намъ…

—

XIX.

А. Н. Мол...вовой.

Случайно встрѣтились мы съ вами,
Сошлися право хоть-куда,
И снова разными стезями
Мы разойдемся навсегда...
Весна улыбкою веселой
Ведетъ васъ къ свѣтлому пути,
А мнѣ пришлось уже пройти
Осеннихъ дней чередъ тяжелый,
И скоро зиму я начну, —
Но прежде, осенью печальной,
Благословлю я путь вашъ дальной,
И вашу свѣтлую весну!

XIII.

МОЙ АВТОГРАФЪ.

(Кн. Ту... ской).

Къ чему вамъ автографъ?
Скажите мнѣ по совѣсти:
Что былъ какой-то графъ,
Писавшій вѣчно повѣсти?
Какъ кончится со мной,
И протяну ужъ ноги я,—
Въ землѣ моей родной
Вспомянутъ вѣдь не многія,
Не многія изъ тѣхъ,
Чьи глазки нѣжно-томные
Внушали мнѣ, на смѣхъ,
Любви невинный грѣхъ,
Да помыслы нескромные.
Друзья въ *Пчелѣ* прочтутъ
Посмертную статеечку,
И, можетъ быть, вздохнутъ,
Хоть нынѣ отдадутъ
Меня и за копѣечку...

Два слова скажетъ свѣтъ,
Да Кукольникъ — поэтъ,
Подаркомъ русской націи,
Оттиснетъ мой портретъ
Въ листочкахъ *Иллюстраціи* (*).
И вынесутъ меня
На жертву разрушенія
Воскреснаго ждать дня
Средь общаго забвенія...
Но вы, — сдается мнѣ, —
Меня не позадудете.
Но вы, — когба однѣ
Въ вечерней тишинѣ
Сидѣть печально будете, —
Вы вспомните тогда,
Въ часы тѣ безотрадные,
Веселые года,
И толки маскарадные...
Вамъ станетъ жаль тогда
Былаго и небывшаго,
Поэта своего,
И сердца, ужъ простывшаго...
Тогда я буду правъ,
Тогда меня узнаете,
И сей мой автографъ,
Вздохнувъ, перечитаете...

(*) Теперь и этого не будетъ... *Авторъ.*

XIV.

ЗАМОКЪ КАЛІОЛИНА ВЪ ГЕЛЬЗИНГФОРСѢ.

(въ альбомъ Графинѣ А. М. Віельгорской.)

—

Съ видомъ грознымъ исполина,
Опершися на гранитъ,
Замокъ мрачный Каліолина
Въ море дальнее глядитъ;
И, безмолвный среди шума
Неумолкной стороны,—
Онъ внимаетъ лишь угрюмо
Пѣснямъ вѣтра и волны.

*
* *

Вѣтеръ буйно завываетъ;
«Прочь съ дороги! Здѣсь одинъ,
Голосъ мой повелѣваетъ,
Я Вселенной властелинъ!
Все моей послушно власти —
Море волнъ и море тучъ;
Безпощаденъ я, какъ страсти,
И, какъ воля, я могучъ!» —

*
* *

Море плескомъ говорливымъ
Тихо шепчетъ про себя;
«Въ берегъ я вольюсь заливомъ,
Край прибрежный возлюбя;
Вѣтеръ пусть несется мимо
И стремится высоко:
Я послушно, [illegible],
Я, какъ чувство, глубоко.»

—

XV.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Забыли вы и не сдержали
То слово, памятное мнѣ,
Что вполовину вы сказали,
Но что услышалъ я вполнѣ...
Оно шептало упоенье,
Дарило небо... Но увы!
Его надежды и значенье
Забыли вы!

*
* *

Забыли вы и грустно-строго
Вы отвернулись отъ меня...
Богъ васъ проститъ!.. А право много
Въ любви небеснаго огня,
И радости, не всѣмъ понятной,
Презрѣнья гордаго молвы,
И многаго, что безвозвратно
Забыли вы!

XVI.

ПЕРВЫЙ ПАРОХОДЪ НА ВОЛГѢ.

(Графу П. А. Клейнмихелю.)

Спокойна, плавно-широка,
Живой алмазъ родного края, —
Течетъ могучая рѣка,
Пол-руси лентой обвивая.
То Волга-матушка: она,
Въ туманѣ волнъ, въ сребристой пыли,
Народной прелестью сильна,
Намъ шепчетъ про родныя были
И отжитыя времена.
Молва гласитъ: во время оно
Разбойникъ въ лодкѣ выходилъ
Сюда изъ мрачнаго притона,
И за добычею слѣдилъ.
Въ бояхъ отчаянной ловитвы
Съ водой кровь русская текла;
Бывали здѣсь лихія битвы,
И богатырскія дѣла.
Но Волга скоро искупила
Свой кровожадный, буйный хмѣль:
Здѣсь родилася наша сила,

Здѣсь русской славы колыбель.
Отсюда славный Князь Пожарскій,
Отсюда Мининъ гражданинъ
Пошли въ главѣ семьи боярской
И ободрившихся дружинъ.
Вотъ на горѣ, среди ущелья,
Еще видна простая келья,
Гдѣ сыну дряхлый Филаретъ
Вручалъ Россійскую державу
Во окончанье лютыхъ бѣдъ,
Въ любовь, храненіе и славу.
И много сердцу звонкихъ словъ,
И много намъ воспоминанья
Хранятъ приволжскія преданья,
Напѣвы волжскихъ бурлаковъ!
Вотъ почему такъ горделиво,
Своимъ достоинствомъ полна,
Катится важно и лѣниво
Сѣдая волжская волна.
И вдругъ... О ужасъ несказанный!
Необычайное сбылось:
Чудовище осанки странной
По Волгѣ быстро пронеслось!
Оно огнемъ изъ зѣва пышетъ,
Крылами мѣрно воду бьетъ,
И словно думаетъ и дышетъ,
И жизнью чудною живетъ...
Смутилось лоно вѣковое,
Смутилась матушка-рѣка:
Какъ смѣлъ пришлецъ издалека
Пугать ее въ святомъ покоѣ!
Но чуждъ пришельцу тотъ упрекъ:

Кипящій силою отваги, —
Онъ нѣдра оскорбленной влаги
Струей огнистою прожегъ,
И дальше все, какъ вдохновенный,
И все быстрѣй, и все впередъ
Направилъ огненный полетъ
Къ какой-то цѣли сокровенной.
Смири-жъ, о Волга, передъ нимъ
Твои журчащія сѣдины:
Онъ Властью Высшею хранимъ,
Онъ вѣстникъ будущей судьбины:
Онъ намъ укажетъ тѣ пути
По быстрому потоку вѣка,
Гдѣ міру велѣно идти
Для совершенства человѣка....
И счастливъ тотъ, кто у руля,
Избранникъ свѣтлаго велѣнья,
Порывъ роднаго корабля
Ведетъ стезями просвѣщенья;
Кто тотъ корабль придвинуть могъ, —
Страстей минуя непогоду, —
Къ той свѣтлой пристани, что Богъ
Готовитъ Русскому народу!..

—

XVII.

ПОДАРЕННЫЙ ИЗУМРУДЪ.

(*К—нъ А—нъ Сух...нетъ.*)

—

Много я цвѣтовъ прекрасныхъ,
Много камней дорогихъ
Потерялъ въ невзгодахъ страстныхъ
Дней умчавшихся моихъ;
Но еще мечтаній пламень
Не угасъ въ моей крови:
Изумрудъ — надежды камень,
Роза — нѣжный цвѣтъ любви,
Свѣтятъ мнѣ красой отрадной,
Сны душевные пестрятъ,
И въ дѣйствительности хладной
Невозможное дарятъ.
Тщетно, тѣшась надо мною,
И досаденъ и сердитъ,
Опытъ дряхлою рукою
Мнѣ съ усмѣшкою грозитъ;
Тщетны всѣ его угрозы:
Вѣры сердца не умрутъ...
Не отдамъ своей я *розы*,
Сохраню свой *изумрудъ*!

—

XVIII.

Н. С. МАР..НОВУ.

Не вѣрь притворнымъ похваламъ
Твоихъ цѣнителей бездарныхъ;
Не вѣрь ни ласкамъ, ни словамъ
Лукавыхъ женъ и дѣвъ коварныхъ:
Когда Божественнымъ лучемъ
Тебѣ дана душа поэта, —
Тебѣ-ль еще нуждаться въ чемъ,
И одобреній ждать отъ свѣта?
Въ себя ты вѣрь! Не дай пропасть
И малой искрѣ вдохновенья:
Въ немъ счастье, гордость, сила, власть, —
И столько къ пошлому презрѣнья!...

XIX.

И. Г. АКСАКОВУ.

Богата наша родина,
Огромна наша родина,
Въ ней сила богатырская
  Куда какъ хороша!

Ей доля безпримѣрная,
Смиреніемъ могучая,
И, глядя на любимую,
  Ликуетъ въ насъ душа!

И дивно, какъ подумаешь,
Что зданіе громадное,
Россія безпредѣльная —
  Единое звено

Живой цѣпи творенія
И лѣствицы щедротныя
Того, что отъ Создателя
  Созданію дано!

Поэтъ! гордися родиной;
Но, пуще края Русскаго,
Къ всему творенью Божьему
  Неси отъ сердца дань.

Любя творенье Божіе,
Смиренно и не мудрствуя,
Души святое зеркало
Враждою не тумань!

Не русскими нарѣчьями,
Не звуками славянскими,
Не рѣчью человѣческой
Природа говоритъ,—

А что-то въ ней все шепчется;
Должно быть что-то чудное,
Такое, что Вселенную
Созвучьями живитъ.

Ты тотъ языкъ таинственный,
Ты тотъ глаголъ вѣщательный,
Ты рѣчь ту недоступную,
Поэтъ, себѣ присвой,—

Тогда ты намъ, внимающимъ,
Скажи про міръ невидимый,—
И гордою отрадою
Намъ будетъ голосъ твой.

—

XX.

ЭЛЕГІЯ.

Послѣ добраго начала
Ждалъ ли злаго онъ конца? —
А поблекла, одичала
Жизнь усталаго пѣвца!
Все прекрасное пропало,
Все недоброе сбылось;
И зачѣмъ ему такъ мало
Дней счастливыхъ довелось?
Почему воображенье, —
Сердца пылкаго удѣлъ, —
Увлекло его стремленья
За возможнаго предѣлъ?
Отъ того-ль, что слишкомъ много
Для обители земной
Ждалъ и требовалъ отъ Бога
Онъ балованной душой?..
Ничего онъ не долюбитъ
И, обманутый всегда, —
Въ ожиданьи онъ погубитъ
Жизни лучшіе года.

Будетъ онъ служить примѣромъ,
И, кляня душевный гнетъ, —
Будетъ грозенъ лицемѣрамъ,
А до правды не дойдетъ...

—

XXI.

СОБАКА.

(*Князю А. С. Долгорукову отъ А. П. П.*)
въ благодарность за подаренную собаку.

Лихачъ отставленный и воинъ отставной,
Усталый отъ своихъ различныхъ всѣхъ кампаній,
Кончаю я въ Москвѣ смиренно путь земной
Безъ цѣли и желаній.

*

Какъ всѣ, я старости плачу невольно дань,
И рѣдко веселю себя случайной чаркой;
Войну я позабылъ... и только знаю брань
Съ одной своей кухаркой.

*

И все-таки люблю бесѣду повести
Въ часъ грусти немощной, въ часъ тягостный недуга;
Мнѣ тоже надобно часть сердца отвести
Въ пріязни теплой друга.

*

Спасибо добрый Князь! Заботливость отца
Подарка лучшаго въ душѣ бы не отрыла:
По мнѣ стократъ цѣннѣй лукаваго лица
Собаки доброй рыло.

*

Твой песъ напомнитъ мнѣ лихую старину,
Со мною радости, и скорбь со мной онъ вкуситъ;
. . . .
. . . .

*

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

—

XXII.

Н. С. ПАШКОВОЙ.

Прошли года душевной дури,
Часъ поздній разума насталъ,
И какъ пловецъ я послѣ бури
И простудился и усталъ.

Гляжу на чуждыя мнѣ муки,
Самъ раздѣлить ихъ не могу,
И холодно скрестилъ я руки
На безопасномъ берегу.

Предъ властью свѣтлой и могучей,
Передъ кумиромъ красоты,
Давно-ль еще, любовью жгучей,
Я тѣшилъ страстныя мечты?

А нынѣ подъ другимъ вліяньемъ
Хочу отъ жизни отдохнуть,
И дружбы трепетнымъ сіяньемъ
Въ потьмахъ досвѣчивать свой путь.

XXIII.

ПОЗДНЯЯ ВСТРѢЧА.

(* * *)

Когда, отставъ отъ каравана,
Подъ гнетомъ солнечныхъ лучей,
Поклонникъ смуглый алкорана
Вдали домашняго фонтана
Встрѣчаетъ скрывшійся ручей, —

Забывъ удѣлъ свой безотрадный
И сердцу милыя мѣста,
Томимый жаждой безпощадной,
Припавъ къ землѣ, къ струѣ прохладной
Онъ тянетъ знойныя уста.

И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Другаго путника... И тотъ,
Къ землѣ склонившись головою,
Поспѣшно черпаетъ рукою
Струю животворящихъ водъ.

И смотрятъ оба другъ на друга,
И въ удивленныхъ ихъ очахъ,
Въ минуту общаго недуга, —
И нерѣшительность испуга
И недовѣрчивость и страхъ...

У родника чистѣйшихъ вдохновеній
Случайно такъ встрѣчаются порой,
Вдали отъ суеты и жизненныхъ бореній,
Двѣ жертвы горести одной.
Но нѣтъ для нихъ живительнаго слова:
Печаль завѣтная безмолвна и горда;

Чтобъ нéхотя не обмануться снова,
Она сочувствія страшится и слѣда:
Глядятъ они другъ на друга сурово,
И разстаются молча навсегда.

—

XXIV.

КУПЛЕТЫ А. П. ЕРМОЛОВУ.

Помѣщикъ Спасскаго уѣзда
Нашъ уважаемый сосѣдъ,
Услышь отъ дружескаго съѣзда
Здѣсь поздравительный куплетъ;
Забудь послѣдствія ушиба,
Съ хозяйкой милою позволь
Сказать вамъ русское спасибо
За вашу русскую хлѣбъ-соль!

Живи, вѣкъ бѣдствія не зная,
Среди хозяйственныхъ затѣй,
Въ довольствѣ полномъ урожая
На хлѣбъ, на деньги... на дѣтей...
Живи въ своей счастливой долѣ,
Успѣхомъ радуйся вездѣ,
И проходи ты жизни поле
По самой свѣтлой бороздѣ...

Хозяйка дружескаго крова,
Очей и чувства благодать,
Вамъ надо бы сказать два слова.

Да что, скажите, вамъ сказать?
При васъ невольно оробѣетъ
Въ расплохъ поэзія сама,
Душа смущенная нѣмѣетъ,
А сердце просто безъ ума!

—

XXV.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ.

(*А. И. Лемсону*).

Въ добрый часъ — святое слово!
Въ немъ успѣха есть печать;
Сердцу русскому не ново
Помощь ближнему подать,
Молвить, видя злую муку:
«Скорби внятенъ мнѣ разсказъ,
«Бѣдный братъ мой, дай мнѣ руку
Въ добрый часъ!»

*

Въ добрый часъ своей дорогой
Другъ несчастнаго иди,
Для семьи твоей убогой
Просьбъ смиренныхъ не щади:
Счастье съ неба улыбнется,
И, на твой призывный гласъ,
Дѣло доброе начнется —
Въ добрый часъ.

XXVI.

КНЯГИНѢ БАГ... IОНЪ,

(*при посылкѣ водевиля*: *Букеты или Цвѣтобѣсіе.*)

—

Притаившись въ уголокъ,
Въ уголокъ большаго свѣта,
Я любуюсь на цвѣтокъ
Петербургскаго букета.
Онъ на диво знатокамъ,
Какъ-то, щедростью случайной,
Подаренъ однажды намъ
Многоцвѣтною Украйной.
Но отъ милаго цвѣтка, —
(Имъ теперь любуюсь здѣсь я,)
Помяните знатока:
Будетъ много цвѣтобѣсья....

—

XXVII.

СѢРНОВОДСКАЯ СЕРЕНАДА.

(*Ю. М. К.*)

—

Хоръ.

Спите мирно гости лѣта,
Безъ недуговъ, безъ заботъ,
Спите мирно до разсвѣта,
Спите, гости сѣрныхъ водъ!

1 Голосъ.

Подъ твоимъ окномъ
Я тебѣ спою,
Я спою тайкомъ
Про любовь мою:
Ты меня, мой другъ,
Въ сердцѣ не порочь!
Погляди вокругъ:
Зноемъ дышетъ ночь,
Страстью все томитъ,
Нѣгою живетъ,

Все къ любви манитъ,
Про любовь поетъ!...
Подъ твоимъ окномъ
Я тебѣ спою,
Я спою тайкомъ
Про любовь мою!...

Хоръ.

Спите мирно.... и т. д.

1 Голосъ.

Хоть въ тревожномъ снѣ,
Утомясь отъ дня,
Улыбнися мнѣ
И пойми меня!
Ты въ ночной тиши
Разгадай душой
Страсть моей души,
Пламень чистый мой;
Какъ, всю ночь скорбя
Надъ своей судьбой,
Я люблю тебя,
Я дышу тобой...
Хоть въ тревожномъ снѣ,
Утомясь отъ дня,
Улыбнися мнѣ
И пойми меня!

(*Хоръ.*)

Спите мирно... и т. д.

—

XXVIII.

РУАНЬЕМИ.

(*Кн. З. А. Юсуповой.*)

Да, помню я, близъ Финскаго залива
Чудесный вашъ дворецъ гнѣздится высокó;
Въ привольи радостномъ живется тамъ счастливо,
И дышется легко!

*

Его зовутъ по-шведски *Руаньеми*,
Затѣмъ, что мысомъ онъ повиснулъ надъ водой,
Затѣмъ, что тамъ живутъ, *съ поэзіями всѣми*,
И счастье и покой.

*

Стоитъ онъ высокó надъ моремъ серебристымъ;
Ему подножіемъ—холодная скала;
Но Флора южная, вѣнкомъ своимъ душистымъ,
Утесъ тотъ убрала.

*

А лучше всѣхъ цвѣтовъ и видовъ всѣхъ прекрасныхъ,
Отрада свѣтлая для сердца и ума,—
Душа *пріѣзжая*, предметъ томленій страстныхъ,
Хозяйка тамъ сама!

XXIX.

КАЗАЧКЪ.

«Терпи казакъ,—будешь атаманомъ.»
(извѣстная пословица).

—

Когда тоска сжимаетъ грудь,
И сердце полное тревоги,
Не знаетъ гдѣ-бы отдохнуть
Отъ грязной жизненной дороги,—
Смиряй душевный свой недугъ:
Кто знаетъ?.. Солнце—за туманомъ!
Терпи казакъ, терпи мой другъ,—
Быть можетъ будешь атаманомъ!

Когда огонь горитъ въ крови
И сердце на-небо уноситъ;
Когда душа святой любви
Усердно такъ, волнуясь, проситъ;
Когда встревоженный досугъ
Блаженства ждетъ въ порывѣ рьяномъ,—
Терпи казакъ, терпи мой другъ:
Быть можетъ будешь атаманомъ.

Казачка милая, на васъ,
На свѣтлый ликъ, на станъ вашъ гибкой;
На пламень вашихъ черныхъ глазъ—
Гляжу я съ грустною улыбкой;
Обиженъ мой смущенный духъ
Онъ не утѣшится обманомъ,
Что. . . . .
И я бы могъ быть атаманомъ!...

—

XXX.

ТРИ СЕРЕНАДЫ.

(Княгинѣ Е. К. Воронцовой.)

—

1.

ТИФЛИССКАЯ НОЧЬ.

(1852.)

Дышетъ городъ нѣгой ночи,
Звѣзды на небѣ зажглись,
И глядятъ, какъ Божьи очи,
На темнѣющій Тифлисъ.
Сазандара пѣснь ночная
Надъ Курою чуть слышна,
И умолкла замирая,
Утомленная зурна.

*

Отчего же сонъ не можетъ
Глазъ для отдыха сомкнуть?

Что привольно такъ тревожитъ
Чувства жаждущую грудь?
Отъ волненій жизни трудной
Что насъ на-небо зоветъ
И, въ таинственности чудной,
Сердцу шепчетъ и поетъ?

*

Ужъ не голосъ ли отжившихъ
Призываетъ въ звѣздный часъ
Насъ, въ тревогахъ позабывшихъ
Ихъ, все помнящихъ о насъ?
Не они ли на мгновенье
Шлютъ намъ въ сумракѣ ночей
Безъимянное томленье
И бесѣду безъ рѣчей?!..

2.

До свиданья.

(1853.)

1 Голосъ.

На время краткое Кавказъ
Васъ отпустилъ къ заботамъ новымъ,
Такъ, нехотя намъ должно васъ
Вдаль проводить напутнымъ словомъ.

Но не хотимъ произнести
Мы словъ печальныхъ разставанья;
Нѣтъ, мы не скажемъ вамъ: прости,—
А скажемъ только: до свиданья!

Хоръ.

До свиданья!

*

1 Голосъ.

Не забывайте, что вы здѣсь
Полезны добрыми дѣлами,
Что кругъ общественный нашъ весь
Живетъ и держится лишь вами;
Что трудъ ремесленный кипитъ
Отъ вашего къ нему вниманья,
Что вамъ онъ скромно говоритъ:
«Спасибо, — только до свиданья!»

Хоръ.

До свиданья!

*

1 Голосъ.

Вы не забудьте, что съ собой
Въ страну чудесъ, страстей и чувства
Вы принесли глаголъ благой,
Глаголъ невѣдомый *Искусства;*

Что вами здѣсь онъ вкорененъ,
Души для свѣтлаго познанья,
Но что безъ васъ умолкнетъ онъ,
Умолкнетъ грустно, до свиданья!...

Хоръ.

До свиданья!...

*

1 Голосъ.

Здѣсь сироты въ васъ видятъ мать;
Онѣ, повѣрьте, въ дни разлуки
Къ вамъ не забудутъ простирать
Свои младенческія руки.
Вы тѣхъ обрадуйте сиротъ
Отраднымъ словомъ обѣщанья,
Что мало времени пройдетъ,
Чтобъ имъ дождаться до свиданья....

Хоръ.

До свиданья!

*

1 Голосъ.

Вы не забудьте, наконецъ,
И насъ, пришельцевъ издалека,
Пріютъ нашедшихъ для сердецъ
Среди намъ чуждаго Востока.

Намъ тоже душу отвести
Позвольте чувствомъ ожиданья;
Съ печалью скажемъ вамъ: прости,
Съ надеждой скажемъ: до свиданья!

Хоръ.

До свиданья!...

—

3.

ГОЛОСЪ ВОСПИТАННИЦЪ ЗАВЕДЕНІЯ СВ. ЕЛЕНЫ.

(9 Марта, 1854 года.)

Опять для насъ разлука съ вами!
Опять дни грустные пришли!
Опять мы будемъ сиротами,
Любить васъ станемъ издали....
Но, разставаясь съ вами снова, —
Мы скажемъ вамъ и повторимъ:
Вся наша жизнь — одно лишь слово,
И слово то: благодаримъ!

Всѣ.

Благодаримъ!

*

Какъ свѣтлый ангелъ, нашъ хранитель,
Какъ попечительная мать,

Вы нашу создали обитель,
Чтобъ васъ могли мы понимать
Ведетъ Заступница Святая
Насъ къ цѣлямъ вѣрнымъ и благимъ,
И васъ отъ цѣлаго мы Края
Теперь за то благодаримъ!

Всѣ:

Благодаримъ!

*

Господь вамъ трудную дорогу
Послалъ въ числѣ своихъ путей;
Но, къ счастью, вы сказались Богу
Устами призрѣнныхъ дѣтей.
Молитвы тѣ Ему знакомы,
Онѣ угодны передъ Нимъ, —
Онъ сохранитъ ту, за кого мы
Его всегда благодаримъ!...

Всѣ:

Благодаримъ!

XXXI.

М. П. КО..... ИНУ.

(*При посылкѣ чернилицы.*)

Примите сей презентъ, у Гютиха добытый;
Подарокъ не казистъ ни видомъ ни цѣной,
Но тайный онъ родникъ, колодезь онъ закрытый
Всей мудрости земной.

Источникъ онъ наукъ и писанныхъ законовъ;
Онъ рѣчи плоть даетъ, и,—вѣстникомъ молвы,—
Гремящій онъ языкъ газетныхъ тѣхъ трезвоновъ,
Что любите такъ вы.

Онъ ключъ добра и зла, ключъ вѣщаго познанья;
Хоть черные подъ-часъ родятся въ немъ грѣхи,
За то находятъ въ немъ: любовь—свои признанья,
Поэзія—стихи.

Значеніемъ ничто сравниться съ нимъ не можетъ!
Отрада и пріютъ взыскательныхъ сердецъ,—
Онъ счастье замѣнитъ, разлуку уничтожитъ,
Онъ славѣ дастъ вѣнецъ....

И такъ мой даръ богатъ, хотя не для показа;
Взгляните же въ него, особенно тогда,
Когда историка тревожнаго Кавказа
Не будетъ здѣсь слѣда.

Рѣшившись на письмо въ угоду нашей дружбы,
Мою черниллицу возьмите за бока,
И тихо молвите: «А что-же, почемужъ бы
«Не вспомнить старика?»

—

XXXII.

КНЯГИНѢ М. И. ГОЛ...ЦОЙ,

(при отъѣздѣ ея изъ Тифлиса).

Прощаю франту я Французу,
Что онъ, забывъ былую честь,
Посмѣлъ Россійскому союзу
Союзъ съ Султаномъ предпочесть!

*

Прощаю рыжему народу
Высокомѣрныхъ торгашей,
Что, вслѣдъ другимъ, полѣзъ онъ въ воду,
Въ надеждѣ новыхъ барышей;

*

Прощаю буйству исламизма,
Подъявшему, на свой же страхъ,
На насъ кинжалы фанатизма
Въ долинахъ, въ морѣ и въ горахъ:

*

При красномъ заревѣ пожаровъ,
Въ закалѣ боевыхъ огней,

Отъ ихъ завистливыхъ ударовъ
Окрѣпнетъ Русь еще сильнѣй!

*

Но этой троицѣ бѣсовской
Того я не могу простить,
Что вдругъ для жизни вы Московской
Должны Кавказу измѣнить;

*

Что нашъ разсыпался такъ скоро
Едва-собравшійся кружокъ,
Гдѣ для душевнаго простора
Такой былъ теплый уголокъ;

*

Что все промчалось такъ мгновенно,
Что всѣ мы, молча, разошлись, —
И сиротѣетъ постепенно
Войной встревоженный Тифлисъ!

—

XXXIII.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(* * *)

—

Увы! проходитъ все, и быстро какъ проходитъ!
Мечты и молодость и счастье и любовь!...
И время за собой всѣ радости уводитъ, —
И не вернется вновь.

*

Одна останется живительная сила
Отрадой грустною, но вѣрной и святой:
То память о быломъ, — печальная могила
Съ безсмертною душой....

—

XXXIV.

Г. М. ТОЛСТОМУ.

Не говори, что я погибъ
Въ чаду столичныхъ наслажденій,
Что вновь мы дружно не могли-бъ
Быть чувствъ однихъ и разныхъ мнѣній;
Что не сберегъ я головы
Отъ Петербургскаго тумана,
И утопилъ въ волнахъ Невы
Воспоминанья Черемшана....
Гдѣ-бъ мы ни встрѣтились съ тобой,
Въ Парижѣ шумномъ, въ теплой Ниццѣ,
Въ Симбирскѣ, намъ странѣ родной,
Иль въ нашей чопорной столицѣ, —
Мы, повинуяся судьбѣ,
И нами избранному кругу,
Все будемъ вѣрными себѣ,
Все будемъ вѣрными другъ другу....
Крѣпясь душевной простотой,
Сомнѣньемъ не тревожась грубымъ, —
Ты—всюду тотъ-же будь Толстой,
Я—буду тѣмъ же

Соллогубомъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

—

Стран.

Стран.

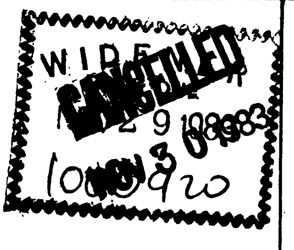
—

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

—

—

15

CANCELLED